

Отдел 2.

Пролетарская кооперация

- Глава I. Роберт Оуэн и связанное с ним кооперативное движение
- Глава II. Возникновение пролетарских потребительских обществ
- Глава III. Современное положение и общие вопросы пролетарской потребительской кооперации
- Глава IV. Домостроительная кооперация
- Глава V. Производительные артели
- Глава VI. Трудовые артели
- Глава VII. Международное объединение пролетарской кооперации

Глава I. Роберт Оуэн и связанное с ним кооперативное движение

1. Мировоззрение Оуэна

Пролетарская кооперация явилась совершенно непредвиденным результатом того общественного движения, которое связывается с именем Оуэна. В настоящее время вполне установлено, что ни Оуэн, ни его ближайшие последователи отнюдь не ставили своей целью создание таких хозяйственных организаций, какими являются современные потребительские общества. Организации эти возникали на основе совершенно иных целей и стремлений, чем те, которые в настоящее время преследуют участники и деятели потребительских обществ.

Роберт Оуэн был человеком не особенно глубокого ума, очень несовершенного образования, но с большим здравым смыслом и непоколебимым упорством в логическом развитии своих идей. С крайней самоуверенностью соединялась у него бесстрашная смелость мысли, побуждавшая его идти до конца в своих исканиях истины, не смущаясь тем, что выводы его расходятся с господствующими мнениями и принятыми верованиями. Если что-либо казалось ему верным, он готов был это защищать перед всем светом и до конца своих дней. С таким складом ума Оуэн соединял мягкое, сострадательное сердце, которое привлекало к нему людей.

Не обладая особым богатством духовных дарований и будучи человеком крайне рассудочным, Оуэн должен был чувствовать глубокую антипатию ко всему иррациональному, бессознательному, мистическому. Благодаря этому Оуэн не мог не разойтись с господствующей религией. Этот же рационализм в связи с его сочувствием страданиям народных масс сделал Оуэна социалистом.

Как социалист он был одним из самых крайних. Проповедник «нового нравственного мира» мог примириться только с совершенным коммунизмом, полным отрицанием какой бы то ни было частной собственности и какого бы то ни было неравенства. Он был не только коммунистом, но и анархистом, — его боязнь какого бы то ни было насилия и стеснения свободы действий человека была так велика, что ему казалось недопустимым какое бы то ни было правительство, даже выборное. Власть, выбранная народом, есть все же власть, а всякая власть есть насилие.

Новый общественный строй казался ему достижимым не в отдаленном будущем, а немедленно, сегодня или завтра. От этой уверенности, несмотря на все горькие разочарования, которые ему подарила жизнь, Оуэн не отказывался до конца жизни.

Как ни различны в настоящее время формы общественной жизни у разных народов, все это не имеет никакого значения по отношению к достижению «нового нравственного мира». Отсюда полное равнодушие великого утописта к форме правления и отрицание значения политической борьбы. Страны с самым деспотическим правительством так же легко могут перейти к новым формам жизни, как и страны демократические. Новый общественный строй соответствует интересам всех и каждого, и потому этот строй не имеет основания опасаться противодействия каких бы то ни было общественных элементов. Единственным врагом его является человеческое невежество — непонимание людьми своих интересов. Короли и министры боятся коммунизма лишь потому, что они недостаточно ознакомлены с сущностью нового учения. И потому Оуэн обращался со своей проповедью как к королям и министрам и вообще к богатым людям, так и к рабочим и беднякам.

Убеждение в возможности создать такую социальную организацию, которая примирила бы все интересы и была бы в равной мере приемлема для всех, коренилась глубочайшим образом во всем мировоззрении Оуэна. Убеждение это было непосредственно связано с его рационализмом и упрощенной прямолинейностью мысли. Различия человеческих взглядов, вкусов, симпатий, влечений, интересов казались ему чем-то очень поверхностным и неглубоким. Человеческий характер, учил он, есть результат воспитания и окружающих человека условий жизни. Значит, все различия взглядов и вкусов легко могут быть преодолены соответствующим воспитанием и устройством общества, и общее благополучие может быть достигнуто без пожертвования интересами кого бы то ни было.

2. Возникновение кооперативного движения

Таков был человек, которому было суждено стать отцом кооперативного движения, и таковы были его взгляды. Что же общего, однако, между «новым нравственным миром», к которому стремился Оуэн и который показался ему достижимым в ближайшем же будущем, и потребительскими обществами?

Общего настолько мало, что, конечно, потребительские общества не напоминают, хотя бы самым отдаленным образом, те свободные коммунистические общины, к которым стремился Оуэн. Возникли же потребительские общества следующим образом.

С тех пор как Оуэн выработал свое социальное мировоззрение, которому он остался верен до конца своей жизни, целью его неутомимой пропаганды стало создание в пределах существующего общества коммунистических общин. Для устройства этих общин, которые он называл «кооперативными» общинами, недостаточно было доброй воли отдельных лиц, но требовались также и денежные средства, и очень крупные. В связи с этим «денежным вопросом» общественное движение, связанное с именем Оуэна, быстро проходит два

фазиса. В первом оно было непосредственно направлено на устройство коммунистических общин. Так, первой крупной общественной организацией, примыкавшей к Оуэну, было «Кооперативное и экономическое общество», возникшее в 1821 г. Целью этого общества было согласно уставу «устройство деревни на основах единства и взаимной кооперации, соединяющей земледелие, промышленность и торговлю согласно плану Роберта Оуэна». Общество имело в виду приступить к покупке в предместьях Лондона зданий, в которых могли бы сообща жить и работать члены общества.

Общество действительно приобрело несколько домов, но скоро распалось. В том же 1821 г. в Эдинбурге возникает «Практическое общество» с целью устройства коммунистической общины. Оно скоро распалось, но его инициатор Авраам Комб, человек с большим состоянием, сделал в компании с несколькими другими состоятельными людьми попытку устроить коммунистическую общину в окрестностях Глазго, в приобретенном для этой цели имении Орбистон.

Возможность осуществления этой попытки объяснялась тем, что среди учеников Оуэна было несколько богатых людей, которые могли взять на себя сопряженные с этим крупные расходы.

Однако огромное большинство последователей Оуэна принадлежало к числу людей бедных, которые, несмотря на свою полную готовность стать участниками «нового нравственного мира», не располагали никакими избытками для его устройства. Поэтому оуэнистское движение очень скоро, по мере своего роста и распространения среди народных масс, вступает в новый фазис: его непосредственной целью становится не устройство коммунистической общины, ибо для этого не хватало денежных средств, а собирание денежных средств, требующихся для такой общины.

В 1824 г. последователи Оуэна основывают «Лондонское кооперативное общество», имеющее целью пропаганду нового учения всеми возможными способами — лекциями, печатными изданиями, диспутами и т. д. Общество очень энергично принимается за работу и создает особый периодический орган «Cooperative Magazine», который выходил под разными названиями вплоть до конца 1830 г. По этому изданию можно следить за развитием общественного движения, вызванного Оуэном.

В первых номерах «Cooperative Magazine» сообщается преимущественно о событиях, связанных с двумя крупными опытами устройства коммунистических общин — американской общины Нью-Гармони и шотландской в Орбистоне. Обе эти попытки кончились, как известно, полнейшей неудачей.

Лондонские кооператоры пытаются и со своей стороны сделать кое-что в том же направлении — ищут в окрестностях Лондона подходящую землю площадью от 500 до 2000 акров и собирают для этой цели капитал в 4000 ф. ст. И в других частях страны образуются общества для устройства коммунистических колоний, так, например, в Дублине при поддержке лорда Клонкери (Cloncurry) образуется Кооперативное общество, собравшее для названной цели несколько тысяч фунтов стерлингов. В том же 1826 г. возникает Девонское Экзетерское кооперативное общество, которое при денежной поддержке одного

состоятельного человека приступает даже к устройству кооперативной общины и строит на купленной земле несколько коттеджей. В следующем году образуются Доулэндс-Девонская община (Dowlands-Devon Community) такого же рода и много других, о которых не имеется определенных сведений. Все эти общества были крайне эфемерными образованиями и распадались почти немедленно после их возникновения. Они интересны лишь в том отношении, что показывают, куда была направлена первое время деятельность последователей Оуэна.

После неудачи экспериментов в Нью-Гармони и Орбистоне среди последователей Оуэна начинает распространяться правильное убеждение, что на помощь богатых людей рассчитывать нечего и что рабочие могут помочь себе только собственными силами.

В одном анонимном письме в январской книжке «Cooperative Magazine» 1828 г. автор развивает, например, следующие любопытные мысли: если бы и нашлись богатые люди, вроде Оуэна и Комба, которые пожелали бы на свои средства устроить коммунистическую общину, что очень сомнительно, то этим самым община попала бы в полную зависимость от богатых филантропов, и в ней не было бы действительного равенства. Необходима община, устроенная на средства тех самых лиц, которые будут в ней жить и работать.

Сторонники этого взгляда основали в июне 1826 г. Cooperative Community Fund Association (Общество фонда кооперативной общины).

Существенная особенность этой организации сравнительно с другими более ранними того же рода заключалась в том, что общество это стремилось открыть доступ в него более обширным группам, для чего была введена очень низкая купюра паев и сами паи должны были составляться незначительными еженедельными взносами.

В апреле 1827 г. эта организация объявила об образовании дополнительного фонда, который должен был составляться следующим образом. Общество продает своим членам разного рода продукты, причем вся прибыль поступает в распоряжение общества. При этом первоначально имелось в виду продавать продукты труда членов общества, но с течением времени выдвинулась мысль продавать членам общества вообще всякие предметы потребления независимо от того, кем они произведены, выигрывая на разнице между розничной и оптовой ценой.

В майской книжке «Cooperative Magazine» за 1827 г. появляется статья, озаглавленная «Как собрать средства для устройства коммунистической общины», автор которой советует лицам, желающим образовать общину, продавать друг другу продукты своего труда или же иные предметы потребления, купленные по низким ценам, и известный процент прибыли отчислять в общий фонд. Таким образом, мало-помалу образуется достаточный фонд для устройства общины, и в то же время члены данной организации привыкнут к общему хозяйству и узнают друг друга.

Статья эта произвела большое впечатление, и через несколько недель возникло новое общество Union Exchange Society (Общество совместного сбыта). Члены этой организации условились собираться раз в месяц в помещении «Лондонского кооперативного общества» и

продавать друг другу те продукты, которые они могли тем или другим способом приобрести. К продажной цене должны быть прибавлены 10 %, которые и передавались в общий фонд для устройства коммунистической общины. Однако этот фонд должен был распределяться поровну между всеми членами общества и храниться у каждого из них, с тем чтобы впоследствии поступить на устройство общины.

Дело пошло удачно, и скоро обороты этого общества, которое можно считать первым потребительским обществом, возникшим в связи с пропагандой Оуэна, значительно возросли. Однако оно продержалось недолго и, по-видимому, не просуществовало и одного года. Более успеха имела аналогичная организация, возникшая в Брайтоне, Brighton Cooperative Benevolent Fund Assoziation (Брайтонская ассоциация кооперативного дружеского фонда). Цели этой организации определялись ее инициаторами следующим образом: 1) образовать небольшими еженедельными взносами фонд для того, чтобы соответствующие лица могли устроить кооперативную общину, отдавая на это собранный капитал или часть его, по усмотрению каждого, и 2) распространить знание кооперативной системы. Через несколько недель число членов этого общества достигло 150 человек, причем еженедельный взнос одного члена составлял 1 пенни. Члены были почти исключительно из числа ремесленников и рабочих.

Однако такой способ составления капитала скоро был найден членами общества недостаточным, и при обществе организовывается новое со следующими операциями. Во-первых, общество приобретает по оптовым ценам товары и перепродает их своим членам с соответствующей прибылью. Во-вторых, общество организует продажу продуктов труда его членов, причем имеет в виду достигнуть того, чтобы продукты продавались соответственно их трудовой стоимости и таким образом обеспечивалась каждому трудящемуся полная выручка его труда.

В обществе скоро начались раздоры, причем несколько мелких капиталистов, участвовавших в нем, вышли. Общество приобрело небольшой участок земли, на котором устроило сад и огород. Имелось в виду приобретение более крупного земельного участка, на котором предполагали выстроить ряд домов и обширное здание для продажи продуктов труда членов общества.

Брайтонское кооперативное общество имело относительный успех и явилось образцом для ряда других. В мае 1828 г. в Англии было только 4 кооперативных общества, а в 1830 г. их насчитывалось уже около 300. Огромное большинство этих обществ возникло, по-видимому, с непосредственной целью собрать средства для коммунистической общины. Во всяком случае, в кооперативной литературе того времени конечной целью этих обществ признается «приобретение земли и жизнь в общине» («the purchase of land and living upon it in Community»). Еще через два года число кооперативных обществ, большинство которых было одновременно и потребительскими обществами, и сырьевыми товариществами, определялось уже в 400-500. Все эти общества признавали себя созданием Оуэна и видели в нем своего пророка. «Принципы кооперации», по пониманию этих первых кооператоров, суть не что иное, как принципы коммунизма согласно учению Оуэна.

Очень характерна книга самого выдающегося ученика Оуэна, Уильяма Томпсона²⁰ «Practical Directives for the speedy and economical Establishment of Communities» (Практические указания для скорого и экономического устройства общин), вышедшая в 1830 г. Характерно уже само ее заглавие. Истинный метод кооперации заключается, по его словам, не в чем ином, как в добровольном соединении лиц промышленных и производительных классов для образования рынка друг для друга, работы друг на друга, взаимного снабжения собственными силами всем необходимым для удовлетворения наиболее настоятельных нужд. «Кооперативные общества, — говорил он, — все имеют своей целью превращение в полные кооперативные общины, как только из прибылей торгового фонда будет скоплена сумма для приобретения достаточно значительного участка земли, чтобы на нем можно было существовать».

На первом кооперативном конгрессе в Манчестере в мае 1831 г.²¹ было единогласно постановлено, что «конгресс признает в высшей степени желательным, чтобы в Англии была организована настолько скоро, насколько это возможно, коммунистическая община на основах взаимной кооперации, общего владения, равенства труда и источников удовольствия». Конгресс предпринял шаги к немедленному осуществлению этого пожелания и с этой целью обратился, по предложению Уильяма Томпсона, ко всем кооперативным обществам страны с приглашением, чтобы каждое из них назначило особого делегата и ассигновало ему 30 фунтов для немедленного устройства в Англии первой коммунистической общины на 200 человек.

Обращение это никакого успеха не имело отчасти потому, что его не одобрил Оуэн, незадолго перед тем испытавший горькое разочарование со своей американской общиной. Но, конечно, неудача эта зависела также и от того, что ближайшие задачи кооперативных обществ требовали всех их средств и по самой силе вещей не могли не заслонять собой их более отдаленных целей.

Что же такое представляло собой типичное «кооперативное общество» начала тридцатых годов? В большинстве случаев оно слагалось из мелких производителей того или другого определенного ремесла, и непосредственной целью его было приобретение за общий счет не столько предметов потребления, сколько сырых материалов для производства. Оно было более сырьевым товариществом, чем потребительским обществом.

Соответственно такому характеру кооперативных обществ для них очень скоро выдвинулась новая задача — организация сбыта изготовленных изделий. Этой цели должны были служить особые кооперативные базары — магазинные товарищества, находившиеся в сношениях одновременно со многими кооперативными обществами и продававшие их изделия широкой публике. Один из первых таких базаров был открыт в Лондоне в 1830 г., причем свыше 40 кооперативных обществ только в Лондоне находились с ним в деятельных сношениях. В начале 30-х гг. число кооперативных базаров стало быстро расти, и вместе с этим среди последователей Оуэна возникает новая мысль относительно условий наилучшей организации сбыта — мысль, следующим образом сформулированная в одной из статей журнала Оуэна «The Crisis» (июнь 1832 г.).

«Сотни тысяч людей разнообразных промыслов просыпаются ежедневно, не зная как обеспечить себя своим трудом. Каждый из них может произвести больше продуктов данного рода, чем ему требуется для своих собственных нужд, и все они нуждаются в продуктах друг друга. Обычный порядок для получения нужных продуктов сводится к тому, что эти лица превращают изготовленные ими продукты в деньги путем продажи своих произведений посреднику и затем обратно превращают полученные деньги в нужные им продукты, обращаясь при этом обычно к какому-либо торговому посреднику. Но если денег мало или посредник не обнаруживает желания купить предлагаемый продукт, то производитель принужден идти на большие жертвы, чтобы получить нужные ему деньги, отдавая большое количество своих собственных продуктов, чтобы приобрести те продукты, в которых он чувствует нужду. Таким образом, производитель попадает в зависимость от посредника, получающего прибыль, путем удержания в свою пользу части продукта, проходящего через его руки, к очевидному ущербу для производителя, отчуждающего с убытком свой собственный продукт и приобретающего чужой продукт по повышенной цене. Однако никакой необходимости в торговом посреднике не существует. Производители могут обойтись без него, для этого требуется только, чтобы производители вступили в непосредственное соприкосновение друг с другом, и в таком случае они получат возможность обмениваться своими продуктами к своей взаимной выгоде и к выгоде потребителей вообще».

При этом необходимо новое орудие обмена — таковым должны стать билеты, на которых обозначено среднее количество труда, требующееся для производства данного продукта. Иными словами, обмен продуктов должен совершаться не на основе обычных металлических денег, а при помощи новых рабочих денег, специально выпускаемых для этой цели.

Таким образом, возникла мысль организовать особые кооперативы, которые должны были обеспечить сбыт продуктов мелких производителей при помощи рабочих денег. Кооперативы эти получили название «рабочих бирж». Первая из таких бирж была открыта в Лондоне в 1832 г.

Первые дни прилив разного рода изделий в эту биржу был чрезвычайно велик. Выпускаемые биржей рабочие деньги довольно охотно принимались мелкими торговцами окружающего района. Тем не менее трудности, связанные с такой организацией сбыта, почувствовались очень осязательно с первых же шагов деятельности рабочей биржи, и она немедленно же должна была отступить от своего основного принципа — расценки продуктов по вложенному в них общественно-необходимому труду и перешла к расценке последних по условиям рынка. Если биржа не рассчитывала на возможность сбыта продукта по его трудовой цене, то цена, уплачиваемая биржей в рабочих деньгах, соответственно понижалась. Хотя в этом случае сама идея рабочих денег утрачивала свое значение (ибо производитель получал в обмен на свой продукт меньше трудовых единиц, чем он затратил на производство), биржа иначе поступать не могла, так как в противном случае (при соблюдении трудового принципа) биржа совсем бы не могла реализовать полученные продукты.

Только благодаря отказу от трудовой расценки лондонская рабочая биржа могла продержаться около двух лет. Кончилось дело все-таки крахом. Еще менее удачными были

многочисленные рабочие биржи, возникшие по образцу лондонской в различных провинциальных городах Англии. Все они кончились полной неудачей, создавшей общее недоверие и к другим кооперативным организациям, возникшим в связи с агитацией Оуэна. Одно кооперативное общество за другим стали закрываться, половина тридцатых годов была временем почти всеобщего крушения оуэнистского движения. Можно было думать, что кооперация закончила круг своего развития своей гибелью.

3. Кризис мелкого производства и кооперации

Столь разнообразные кооперативные общества 20-30-х гг. прошлого века явились сложным результатом факторов двоякого рода. С одной стороны, их происхождение находилось в несомненной связи с определенным циклом общественных идей — социальной системой Оуэна. Коммунистический идеал Оуэна был тем семенем, из которого выросли все эти кооперативные организации. И это верно не только в смысле генетической зависимости, исторического происхождения первых кооперативов — нет, это происхождение кооперативов самым существенным образом определяло всю их внутреннюю структуру. Им был присущ в высокой степени идеалистический дух, их целью оставалась коммунистическая община. И хотя эта цель не только не была ими достигнута, но и была недостижима, тем не менее только эта недостижимая цель придавала им жизненную силу, сплачивала в одну тесную организацию сотни и тысячи рабочего люда. Только благодаря наличности этой идеальной недостижимой цели могла быть преодолена социальная инерция, препятствующая созданию существенно новых форм жизни, особенно в такой малообразованной и неинтеллигентной среде, каковой являлись в начале прошлого столетия рабочие классы Англии. Только идеальный порыв, новая социальная вера могли дать английским трудящимся классам силы к тому мощному социальному творчеству, которое проявилось в создании кооперативных организаций.

Но, с другой стороны, кооперативные общества, возникшие в действительной жизни, имели так мало общего с тем, что Оуэн называл этим именем, так мало походили на идеальную коммунистическую общину, к которой он призывал людей, что Оуэн не мог видеть в них своих духовных детищ. Они были созданы стремлением к коммунизму, но ничего коммунистического в себе не заключали. В той форме, какую они реально получили, они никогда не входили в круг идей Оуэна. Они отразили в себе реальную историческую среду, в которой пришлось действовать великому утописту. Средой этой были определенные классы капиталистического общества, главным образом мелкие производители, ремесленники и кустари. Пропаганда Оуэна нашла горячих последователей именно среди этих классов английского общества, так как они тяжело страдали от новой в то время системы хозяйства — капитализма. Первая половина прошлого века была эпохой промышленной революции, выразившейся в вытеснении ремесла и кустарной промышленности фабрикой. Мелкое производство в области промышленности, имевшее ручной характер, погибало от конкуренции крупного производства, получившего в свое распоряжение такое могучее орудие труда, как машина. Рост новой формы промышленности сопровождался

чрезвычайным упадком заработков мелких ремесленников и кустарей. А так как кустари и ремесленники пополняли ряды и фабричных рабочих, то неудивительно, что заработная плата и фабричных рабочих должна была оставаться на низком уровне. Таким образом создалось то падение благосостояния широких масс английского народа, которое отметило собой всю данную эпоху и которое получило свое яркое освещение в целом ряде работ парламентских комиссий первой половины XIX в., занимавшихся выяснением причин этого явления и средств борьбы с ним.

Этот кризис мелкого производства в Англии сделал народные массы Англии восприимчивыми к проповеди Оуэна, призывавшего своих современников к созданию нового общественного строя. И действительно, в пределах существующего общественного строя не было выхода из этого кризиса. Мелкие ремесленники и кустари, составлявшие в Англии того времени огромное большинство промышленного населения, были обречены ходом экономического развития на пролетаризацию. Однако они упорно держались за свою, хотя бы и призрачную, экономическую самостоятельность и более всего опасались перспективы стать фабричными рабочими. И вот является Оуэн, красноречиво доказывающий им, что можно сохранить хозяйственную самостоятельность и избежать горькой участи работать по найму, под властью капиталиста, если только решиться порвать со старым миром и основать свободную коммунистическую общину. Неудивительно, что проповедь Оуэна нашла отклик в массах.

Как человек, близко стоящий к промышленной жизни, Оуэн прекрасно понимал сущность того промышленного переворота, который переживала Англия. «Ваша работа, — говорил он в одном из своих обращений к трудящемуся люду, — страдает от конкуренции с машинами и другими научными изобретениями, угнетающими вас, пока вы не опускаетесь до самого низкого уровня существования». Кризис мелкого производства казался Оуэну с полным основанием не допускающим никакого удовлетворительного разрешения на почве существующего строя, так как технический прогресс не может быть остановлен, а бедствия мелких производителей именно и вызываются техническим прогрессом.

От этого кризиса непосредственно страдали мелкие производители и только косвенно и в гораздо меньшей степени — фабричные рабочие. А так как главную массу промышленного населения Англии составляли в первые десятилетия прошлого века именно мелкие производители — ремесленники и кустари, то вполне естественно, что именно в этой социальной среде проповедь Оуэна оказала наиболее сильное действие.

Первый период кооперативного движения в Англии характеризуется, как мы видели, попытками устройства коммунистических общин. В этом периоде, по самому существу дела, наибольшую роль играла интеллигенция — люди имущих классов и даже нередко очень богатые, по чисто идеалистическим мотивам примыкавшие к Оуэну и дававшие деньги, требовавшиеся для таких попыток. Период этот, как мы видели, был очень непродолжителен и охватывал только несколько лет, тем не менее о нем не следует забывать, так как именно он с наибольшей ясностью свидетельствует о конечных целях всего движения, и как бы ни были далеки эти цели от исторической почвы, они составляли силу движения, создавая тот нравственный подъем и энтузиазм, без которых движение не могло бы получить большого общественного размаха.

Второй период кооперативного движения начинается с того времени, когда оно перерастает свои первоначальные классовые рамки и становится движением уже не только интеллигенции, но и широких народных масс. При этом необходимо иметь в виду, что со вступлением движения в этот фазис важнейшей социальной средой движения становятся не столько фабричные пролетарии, сколько ремесленники и кустари.

В потребительских обществах участвовали разнообразные общественные элементы, но преобладали в них все же мелкие производители. Это видно уже из того, что первые потребительские общества возникали отнюдь не в центрах фабричной промышленности, а в городах с развитой мелкой промышленностью и торговлей — в Лондоне, Брайтоне, Бирмингеме, Норриче и др. Еще яснее этот непролетарский характер членов первых потребительских обществ обнаруживается в том, что большинство из них были не столько потребительскими обществами, сколько сырьевыми товариществами.

Что касается до бирж труда, которые получают такое развитие в 30-х гг., то их классовый характер уже не может вызвать ни малейшего сомнения: очевидно, перед нами организации мелких производителей, страдающих от недостатка рынка для своих произведений. Этот недостаток рынка был непосредственно создан промышленной революцией, ростом фабрики.

Наряду с рабочими биржами в это время растут и производительные артели мелких производителей. Именно в этом классовом характере кооперативного движения 30-х и лежит ключ к пониманию всех его особенностей, как совершенно справедливо настаивает Л. Пумпянский в своей работе, посвященной ранней истории английской кооперации (*Die Kooperation und der Sozialismus in England. Archiv f. die Geschichte des Socialismus*, B. II, H. 2-3)22.

Вот почему кооперативное движение, созданное Оуэном, мало-помалу сошло, как бы в фокусе, в рабочих биржах. Действительно, ведь именно в недостатке рынка заключался центр кризиса мелкого производства.

С другой стороны, ясно, что крушение рабочих бирж было неизбежно. Не говоря уже о том, что кооперация среди ремесленников по причинам, которые выяснятся в последнем отделе этой книги, встречает для своего осуществления огромные трудности, — та форма кооперации, которую представляли собой рабочие биржи, была чистейшей утопией.

Дело шло об организации сбыта произведений мелких производителей. Произведения эти не находили себе сбыта (или, точнее, не находили себе на рынке цены, окупавшей затраты производства) благодаря тому, что с ними конкурировали более дешевые произведения фабричной промышленности. Что же такое представляли собой рабочие биржи? Не что иное, как организованные сообщества этих самых мелких производителей для обмена друг с другом своими произведениями. Но ведь эти небольшие группы производителей составляли только ничтожную долю того рынка, который требовался для сбыта произведений их труда. Даже если бы все мелкие производители страны входили в состав рабочих бирж, и в этом случае они не могли бы обеспечить своим сочленам достаточного рынка сбыта, ибо продукты труда мелких производителей сбывались также и другим

общественным классам: капиталистам, фабрикантам, землевладельцам, промышленным и сельским рабочим и т. д. Какое же значение в качестве рынка сбыта могли иметь небольшие группы мелких производителей, образовывавшие собой рабочие биржи?

В довершение всего рабочие биржи отказывались от употребления денег, обращавшихся в стране, и заменяли их новыми «рабочими деньгами», которые могли приниматься только в тесном кругу лиц, прямо или косвенно заинтересованных в биржах.

Все вместе представляло собой нечто до последней степени непрактичное и внутренне невозможное. Правда, новые общественные образования обычно появляются первоначально в несовершенной форме, и если только в них есть здоровое зерно, то, как бы ни была неудачна форма, зерно может дать ростки. Так, например, и потребительские общества возникли из организаций, преследовавших утопические цели устройства коммунистических общин. Можно себе представить, что и из рабочих бирж могли бы возникнуть жизнеспособные кооперативы, именно кооперативы по сбыту продуктов мелкой промышленности.

Этого не случилось по той причине, что общественная среда этих кооперативов не могла создать жизнеспособность кооперативных организаций. Ремесленная кооперация до настоящего времени не выходит из области благих пожеланий. Вполне естественно, что в 20-е годы прошлого века ремесленная кооперация не могла возникнуть.

Таким образом, сведение кооперативного движения к рабочим биржам знаменовало собой крушение всего дела. И действительно, вторая половина тридцатых годов отмечена в истории кооперации как постепенное разложение и упадок великого движения, вызванного Оуэном, поскольку социальной средой этого движения были мелкие производители.

Однако хотя мелкие производители и составляли главную массу членов кооперативных обществ 20-30-х гг., наряду с ними в состав первых кооперативов входили и представители совершенно иного общественного класса — фабричные рабочие. Фабричные рабочие могли участвовать в кооперативах только одного определенного рода — потребительских обществах.

Глава II. Возникновение пролетарских потребительских обществ

1. Кооперация и пролетариат

Второй период истории кооперативного движения был более продолжительным, чем первый, и закончился крушением большинства кооперативных обществ, созданных Оуэном и его непосредственными последователями. Однако кооперативное движение не погибло: оно вступило после этой неудачи в свой третий и уже успешный фазис, для чего оно должно было еще раз изменить свою социальную среду и найти наконец тот общественный класс, условиям жизни которого оно, естественно, соответствовало.

Этим классом явились фабричные рабочие. Новая история кооперации начинается с образования потребительских обществ чисто пролетарского классового состава.

Однако для того, чтобы пролетарские потребительские общества могли получить развитие, для этого жизнь должна была выработать для них соответствующую форму.

Потребительские общества двадцатых — тридцатых годов прошлого века просуществовали недолго. Они были слишком рудиментарны, бесформенны и внутренне нестройны, чтобы обладать жизненными силами. И классовый состав их был очень неопределенным. Наряду с фабричными рабочими в эти общества входили — и в преобладающем числе — ремесленники и люди многих других классов. Одновременно они были и сырьевыми товариществами, а также стремились быть организациями сбыта. Они не были чистыми пролетарскими организациями и соответственно этому страдали от внутренних раздоров.

Кроме того, первые кооперативы были слишком тесно связаны с утопическим идеалом коммунистической общины, чтобы удачно справляться с практическими трудностями жизни. Чем дальше, тем более уклонялись они от оуэнистских идей и тем пригоднее становились для жизни. Этого не мог не видеть их духовный отец и становился к ним все более и более равнодушным. Так, например, он пишет по поводу посещения города Карлейля в ноябре 1836 г.: «К моему удивлению, я нашел в различных частях города 6 или 7 кооперативных обществ. Общества эти хорошо работают, т. е. получают известную прибыль от совместной продажи в розницу. Однако давно пора покончить со столь распространенным взглядом, будто такие общества и суть та социальная система, к которой мы стремимся, или что эти общества имеют что-либо общее с новым нравственным миром».

Чем более развивалось классовое самосознание английского пролетариата, тем отчужденнее чувствовал себя Оуэн среди английских рабочих. Для Оуэна кооперация была, как сказано, средством примирения всех классов, и потому он не мог не относиться враждебно и к тред-юнионизму²³, и к чартизму²⁴. Реальное кооперативное движение английского пролетариата также ускользало от его непосредственного влияния.

2. Рочдельское общество и сущность его принципов

Как известно, современная потребительская кооперация ведет свое начало от устройства в 1844 г. в небольшом фабричном городке северной Англии Рочделе знаменитого потребительского общества нового типа. В чем же заключался секрет поразительного успеха этого общества, явившегося прообразом стольких тысяч потребительских обществ во всем мире?

Важнейшими из рочдельских принципов, столько раз комментировавшимися в кооперативной литературе, были следующие:

- 1) демократичность устройства (каждый член имеет равный голос);
- 2) низкие размеры пая и возможность вносить его небольшими взносами;
- 3) продажа продуктов не в кредит, а на наличные деньги;
- 4) продажа продуктов не по себестоимости, а по средним рыночным ценам;
- 5) распределение всех денежных остатков в конце года не по паям, а по закупкам каждого члена (по забору).

В чем же заключалась та внутренняя связь, которая объединяет все эти принципы и которая вызвала их к жизни?

Прежде всего следует констатировать, что рочдельское общество возникло на той же самой идейной основе, как и потребительские общества более раннего периода. Известный английский кооперативный деятель Голейок²⁵ в своей истории «честных рочдельских пионеров» (как они себя называли) приводит подробную характеристику 13 из 28 основателей рочдельского общества. Все они — фабричные рабочие, по своим убеждениям почти все они являются или социалистами, или чартистами; а так как чартизм был политическим движением, преследовавшим широкие социальные цели, то мы смело можем признать основателей рочдельского общества более или менее определенными социалистами или радикальными реформаторами. Среди этих 28 не встречается ни одного имени, получившего ранее общественную известность, — все это были, очевидно, рядовые рабочие, ничем особенно не выделявшиеся и никакими особыми талантами не обладавшие.

Конечно, сами по себе, по своим внутренним свойствам это были далеко не заурядные люди. Но характерно, что никто из них не выдвинулся из рядовых рабочих и что, следовательно, их дело было создано не лицами, посторонними рабочему классу, но представителями этого самого класса, без всякой внешней поддержки.

Цели созданного ими общества, Общества честных рочдельских пионеров, сформулированы ими следующим образом:

“ «Устройство склада для продажи провизии, одежды и пр. Приобретение или постройка ряда домов, в которых могли бы жить члены общества, желающие помогать друг другу в улучшении их домашней и общественной жизни; организация производства тех продуктов, которые признает нужным производить общество для предоставления занятия тем членам общества, которые не имеют занятия или страдают от длительного понижения их заработной платы; в интересах дальнейшего обеспечения экономического положения членов общество должно приобрести одно или несколько имений для обработки их теми из членов общества, которые не имеют занятия или труд которых плохо вознаграждается. Как только это будет возможно, общество должно приступить к организации сил производства, распределения, воспитания и управления, или, иными словами, должно организовать собственными силами общину с объединенными интересами, или же прийти на помощь другим обществам, организующим подобные общины».

Последний пункт бросает особенно яркий свет на социальные верования первых рочдельских пионеров. Та же вера в немедленную осуществимость «нового нравственного мира», которая вдохновляла кооператоров двадцатых годов, дала силы и рочдельцам создать общество.

Историческое значение дела рочдельцев заключалось в том, что рочдельцы положили в основу своего потребительского общества именно те принципы, которые, как показал последующий опыт, наиболее обеспечивают успех и развитие организации этого рода. Каким же образом никому неизвестные и ничем не доказавшие своих выдающихся умственных способностей рядовые фабричные рабочие небольшого английского города придумали эти принципы, ставшие как бы евангелием потребительской кооперации?

Единственно возможный ответ должен быть следующий. Именно потому рочдельские принципы и оказались до такой степени плодотворными, что они никем не были «придуманы». Они явились как бы сами собой, естественным выражением тех социальных потребностей, которым служила вновь возникшая организация.

Никакой глубокой мудрости не требовалось для того, чтобы понять практичность и целесообразность этих принципов. И потому несколько не удивительно, что, как показывают новейшие исследования, многие рочдельские принципы практиковались

сходными обществами рабочих задолго до рочдельского общества. Можно сказать, что всякий разумный фабричный рабочий, сходного душевного склада и сходных социальных верований, легко мог прийти к этим принципам.

Прежде всего нужно иметь в виду, что рочдельское общество было типичным обществом фабричных рабочих. Среди рочдельцев не было ремесленников и мелких буржуа. Поэтому рочдельцы не говорят, перечисляя свои цели, об организации совместной продажи продуктов труда отдельных членов общества, не говорят и относительно совместной закупки необходимого для производства сырья. В этом бросающееся в глаза различие между рочдельским обществом и потребительскими обществами двадцатых — тридцатых годов, которые все были смешанного состава и наряду с фабричными включали в себя многочисленных ремесленников и кустарей.

Рочдельское общество вышло из среды фабричных пролетариев, и потому оно имеет непосредственно ввиду только потребительские интересы. Это объясняет отсутствие в рочдельском обществе тех утопических элементов, которые сказались в рабочих биржах и подобных организациях, стремившихся сохранить хозяйственную самостоятельность мелких производителей и в то же время обеспечить им постоянный сбыт их изделий.

Пойдем дальше. Откуда в рочдельском обществе эти строгие требования относительно продажи товара за наличные деньги, назначение сравнительно высокой (рыночной, а не более низкой) продажной цены и распределение остатков не по паям, а по забору? Все это имеет тот же источник: классовую природу рочдельского общества.

Основатели рочдельского общества были не только потребителями, но потребителями — фабричными рабочими. Они сами непосредственно участвовали в производстве, но продукт их труда принадлежал не им. Отсюда и возникли знаменитые рочдельские принципы.

Правило о распределении остатков по забору с необходимостью вытекало из того, что рочдельцы были пролетариями, а не мелкими капиталистами. Как рабочие пролетарии они привыкли отстаивать интересы труда, а не капитала, в капитале же привыкли видеть своего прирожденного врага. Правда, для устройства общества требовались паи, но сила общества основывалась не на его ничтожных капиталах (весь первоначальный капитал рочдельского общества определялся 28 ф. ст. — 280 руб. на наши деньги), а на том, что общество располагало покупательными средствами своих членов. Если бы остатки распределялись по паям, то интересы паевого капитала выдвинулись бы на первый план; этим самым было бы ослаблено общество, так как оно не могло опираться на значительный паевой капитал, которого неоткуда было собрать его пролетарским членам. Вместе с тем такое распределение не соответствовало бы интересам и членов общества опять-таки потому, что они были не мелкими капиталистами, а пролетариями. Правда, каждый из них внес свой пай; но насколько больше он вносил обществу в качестве покупателя предметов потребления? Сознывая это, рочдельцы, как пролетарии не могли не прийти к заключению, что остатки должны распределяться отнюдь не по паям, которые в их личном хозяйстве и в хозяйстве общества играли сравнительно ничтожную роль, а по закупкам каждого члена, что было основой всей силы общества и что составляло самую крупную затрату в хозяйстве каждого из них.

Таким образом, знаменитое правило распределения остатков по забору естественно вытекало из пролетарского характера рочдельского кооператива. Известно, какую важную роль во всем последующем развитии потребительской кооперации суждено было сыграть этому правилу. Можно без преувеличения сказать, что на этом правиле основана вся потребительская кооперация и что без него потребительские кооперативы не могли бы рассчитывать на какой бы то ни было успех в среде рабочего класса.

Не так просто поддается объяснению рочдельское правило продажи по рыночной цене и наличные. Обычно указывают для оправдания этого правила на то, что благодаря ему потребительское общество функционирует как принудительная сберегательная касса: небольшие сбережения при каждой продаже в конце года суммируются и в таком суммированном виде выдаются каждому члену, выигрывавшему благодаря тому, что суммированные небольшие сбережения имеют гораздо большее экономическое значение, чем эти ничтожные сбережения в несуммированном виде. Это объяснение совершенно неудовлетворительно. Конечно, нельзя отрицать, что суммирование сбережений увеличивает их экономическое значение. Но ведь в данном случае это суммирование производится принудительным образом. Казалось бы, было бы гораздо согласнее с духом кооперации предоставить каждому самому решать, суммировать свои сбережения или пользоваться ими в отдельности.

Иными словами, продажа не по рыночным ценам, а по возможно более низким ценам, лишь окупающим покупную цену плюс необходимые расходы общества, кажутся с первого взгляда наиболее соответствующей принципу свободы кооперации.

И это кажется тем правдоподобнее, что существует много потребительских организаций, не придерживающихся этого правила. Можно сказать более — различные организации потребителей распадаются на два типа: одни твердо держатся правила продавать по рыночным ценам, другие продают по возможно более низким ценам.

К числу первых принадлежат общества рочдельского типа, т.е. огромное большинство современных потребительских обществ. К числу вторых принадлежат также довольно многочисленные (хотя далеко не в той мере, как общества первого типа) потребительские организации типа лондонских обществ поставок для служащих в различных ведомствах (Civil Service Supply Association или Civil Service Cooperative Society). Организации последнего рода распространены и в других странах среди лиц средних классов. В Германии наблюдается даже любопытная историческая последовательность в этом смысле. По словам Гуго Цейдлера, автора «Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens der Neuzeit»²⁶ до половины шестидесятых годов прошлого века потребительские общества Германии характеризовались тем, что они отнюдь не стремились продавать товары по рыночным ценам, а, наоборот, старались возможно понизить продажную цену товаров.

«Принципиальное отсутствие накопления прибыли и распределения прибыли, — говорит Цейдлер, — есть характерная черта всех потребительских обществ этого типа». И в настоящее время в Германии сохранилось немало обществ этого типа, хотя преобладающим типом в Германии стал рочдельский тип. «Полное вытеснение обществ первого типа рочдельскими мало вероятно, — говорит тот же автор, — так как эти общества вполне удобны для имущих средних и даже высших классов. Ибо лица, принадлежащие к этим

классам, как чиновники, врачи, учителя и т.д., имеющие обеспеченный доход, пользуются потребительскими обществами обычно для того, чтобы получать продукты или лучшего качества, или по более низким ценам, когда повышение цен или понижение их доходов угрожает понизить их обычный уровень жизни. В Англии эти потребительские общества известны как Лондонская система, или Civil system, но не признаются кооперативами со стороны собственно рабочих или потребительских обществ рочдельского типа».

Итак, потребительские общества бывают двух родов — рочдельского и иного типа. Эти два типа различаются не только по своему внутреннему строению, но и по своему классовому составу. Общества рочдельского типа являются по своему классовому составу пролетарскими обществами и продают товары по сравнительно высоким ценам, между тем как общества второго типа, состоящие из лиц средних общественных классов, продают товары по возможно более низким ценам.

Дело принимает несколько парадоксальный вид. Почему пролетарские общества, т.е. общества, члены которых принадлежат к наименее обеспеченным классам, не щадят денежных средств своих членов и принуждают их покупать дорого, чтобы накапливать свои сбережения, между тем как общества из среды обеспеченных классов придерживаются обратной политики и стремятся немедленно же передавать в пользу своих членов все составляемые ими сбережения?

Ответить на этот вопрос поможет нам история потребительской кооперации. Вспомним, что потребительские общества возникли, так сказать, попутно. Как Колумб не искал Америки, а искал Индию, так и первые кооператоры искали «нового нравственного мира», а нашли потребительские общества. Энтузиасты коммунизма из среды рабочего класса хотели собрать средства для устройства коммунистической общины, и для этого им нужно было накопить капитал. Если бы товары продавались по возможно более низким ценам, то никакого накопления капитала не могло бы произойти. При рочдельской системе капитал накапливался в двух местах. Во-первых, в конце года члены общества получали обратно большую часть своих сбережений в суммированном виде. Эти денежные средства членов могли получить любое назначение в зависимости от их усмотрения. Во-вторых, располагая значительными избытками, и сам потребительский кооператив получал возможность удержать в свою пользу некоторую часть этих сбережений и, таким образом, образовать некоторый запасный капитал, который мог также получить любое назначение.

Эти сбережения вполне объясняют, почему рочдельское общество неизбежно/должно было продавать продукты не по возможно более низким, а, наоборот, по возможно более высоким ценам. Ибо это общество возникло вовсе не для того, чтобы немного улучшить экономическое положение его членов, уменьшить расходы по приобретению необходимых предметов потребления, а для преобразования всего существующего социального строя, для создания «нового нравственного мира». Для этой великой цели необходимы были известные жертвы, и общество требовало этих жертв со стороны своих членов.

Напротив, потребительские общества средних классов возникают по совершенно другим побуждениям. Чиновники, офицеры, врачи и пр. менее всего стремились и стремятся, основывая свои общества, уничтожить существующий общественный строй. Их цели

совершенно иные и несравненно более скромные. Они хотят возможно уменьшить свои домашние расходы — и только. Для уменьшения расходов нет никакой необходимости прибегать к рочдельской практике — продавать продукты из потребительской лавки по высокой цене и затем в конце года распределять накопленные избытки. Напротив, всего целесообразнее и разумнее поступать обратно — продавать товары по возможно более низким ценам и оставлять в своем домашнем хозяйстве все полученные таким образом сбережения.

Данное объяснение рочдельского принципа продажи по рыночной цене может показаться очень натянутым. Действительно, если нельзя спорить, что рочдельцы в 1844 г. ввели этот принцип именно по этим побуждениям (ибо это исторический факт, что рочдельцы рассматривали свою организацию как подготовительную ступень к коммунистической общине), то ведь в настоящее время многие тысячи потребительских обществ, рассеянных по всему свету и организованных по рочдельскому типу, отнюдь не мечтают ни о каких общинах и возникают по совершенно иным побуждениям и мотивам.

Конечно, было бы нелепо утверждать, что современные потребительские общества рочдельского типа преследуют те же социальные цели, что и их исторический прототип. Но все же и в современных пролетарских потребительских обществах продажа по рыночным ценам определяется причинами сходного характера.

Современное пролетарское потребительское общество не мечтает о коммунистической общине. Тем не менее душевный строй его членов имеет существенно иной характер, чем душевный строй членов чиновничьих и офицерских обществ.

Лица рабочего класса не обладают никакими избытками. Между тем устройство потребительского общества требует известного, хотя бы и небольшого, капитала. Эта необходимость собрать паевой капитал требует больших жертв со стороны пролетарских членов потребительского общества.

Затем, всякое вновь возникшее потребительское общество, в особенности когда оно плохо снабжено капиталом, первое время, нередко первые годы, не может удовлетворительно справляться со своими задачами и обычно оказывается неспособным так же хорошо удовлетворять потребностям своих членов, как обыкновенная капиталистическая лавка. Для того чтобы общество пережило благополучно первые и самые трудные годы, необходимо, чтобы его члены были готовы идти на известные материальные жертвы; без этой готовности общество не может достигнуть успеха.

Чем менее обеспечена общественная среда, из которой вербуются члены общества, тем чувствительнее эти жертвы. И притом требуются не только денежные жертвы, но и значительная затрата времени и труда без соответствующей оплаты. Только на дружной работе всех членов общества в его общую пользу, на неослабевающем интересе массы членов общества к своему общему делу и основывается сила пролетарского потребительского общества.

Хотя в настоящее время устройство потребительского общества требует «гораздо менее инициативы и идеалистического подъема, чем в эпоху Оуэна, тем не менее и теперь без морального подъема, элемента идеализма невозможен успех пролетарского кооператива. Откуда же берется этот энтузиазм? Из сознания, что кооператив служит не только эгоистическим целям его членов, но и выполняет некоторую важную задачу. Только высокие общественные цели могут вызвать энтузиазм.

Иными словами, потребительское общество может вызвать со стороны своих членов готовность к известным жертвам лишь в том случае, если кооператив приобретает в их глазах некоторую идеальную ценность. Нужно, чтобы члены кооператива любили его, рассматривали его как нечто высшее, нежели их собственные интересы.

И, несомненно, успешные кооперативные организации вызывают к себе именно такое отношение со стороны своих наиболее деятельных членов. Где нет группы таких преданных делу лиц, там дело не может рассчитывать на успех.

Только тогда, когда кооператив в большей или меньшей мере является самоцелью (а это существенно важно для его преуспевания), можно рассчитывать на готовность со стороны членов приносить известные материальные жертвы для развития кооператива. Для успеха кооператива требуется, чтоб он располагал достаточным капиталом. А капитал этот не может быть собран, если потребительское общество будет продавать свои товары по возможно более низким ценам.

Итак, для преуспевания кооператива необходимо, чтобы в его распоряжении оставались значительные свободные денежные средства, которыми он мог бы свободно располагать. Это достигается тем, что товары продаются кооперативом по сравнительно высокой цене. Правда, кооператив выдает большую часть накопленных таким образом денежных средств обратно своим членам. Но, во-первых, известная часть накопленных средств остается все же в руках кооператива и превращается в его запасный капитал. Во-вторых, в случае надобности кооператив все же сохраняет свободу распоряжения этим избытком. В случае надобности он может дать им и другое употребление. В-третьих, пока эти избытки не возвращены членам, кооператив пользуется ими для своих оборотов.

Несколько лет тому назад на Бирмингемском конгрессе британских потребительских обществ генеральный секретарь кооперативного союза, покойный теперь Грей²⁷, сделал предложение создать «кооперативное государство» — объединить в одну громадную организацию все британские потребительские общества. В своей речи Грей указал на идеалистический дух, пронизавший британское кооперативное движение в первые годы после его возникновения. Современная британская кооперация, доказывал он, несмотря на свои огромные успехи, все же не осуществила рочдельских принципов, как их понимали сами рочдельцы. Рочдельцы на первый план выдвигали не личные интересы отдельных членов кооператива, а общий интерес, выражением которого является кооператив. Основную рочдельскую идею, из которой вытекали все рочдельские принципы, Грей усматривал в требовании, чтобы каждый член содействовал успеху целого и чтобы сбережения, получаемые благодаря существованию кооператива, шли в большей или меньшей степени на нужды самого кооператива, т. е. на развитие и усиление

кооперативного строительства.

“ «Не пришло ли теперь время, — воскликнул Грей, — серьезно подумать, как соединить старые рочдельские идеалы с новыми методами действия и создать план объединения рассыпанных сил современного кооперативного движения в одно целое? Соберем же силы, осуществим идеалы рочдельцев, соединившись в кооперативное государство».

Для осуществления такого кооперативного государства Грей считал нужным, чтобы члены кооперативов согласились отчислять половину следуемых им заборных отчислений в неотчуждаемый капитал создаваемой гигантской кооперативной организации.

План Грея не получил пока осуществления, но все же его нельзя не считать крайне характерным для духа британского кооперативного движения, который уже теперь привел к грандиозному развитию этого движения. Если кооперативного государства, о котором мечтал Грей, пока и нет, то уже давно существуют и все больше развивают свои операции английское и шотландское общества оптовых продаж, с их оборотами в десятки миллионов фунтов, десятками тысяч рабочих, занятых в производственных предприятиях, многочисленными фабриками, пароходами, плантациями и пр., и пр. Эти гигантские хозяйственные организации, созданные британской кооперацией, возникли всецело за счет средств, накопленных потребительскими обществами из разницы между продажной и покупной ценой товаров. Правда, гораздо большая доля этой разницы пошла в пользу отдельных членов кооперативов. Но и оставшихся средств хватило на то, чтобы создать то великое дело, каким является британская кооперация.

Итак, в рочдельском принципе продажи по сравнительно высокой цене выражается требование от каждого члена кооператива быть готовым на известные жертвы для усиления кооператива. Рочдельский кооператив существует не только для доставления его членам известных экономических выгод. Конечно, он существует и для этого, и без достижения этой цели кооператив не мог бы иметь успеха. Но наряду с этой целью, удовлетворяющей эгоистическим интересам членов, кооператив преследует и идеальные цели, и в качестве такой идеальной ценности он существует ради себя, для развития и укрепления новой формы хозяйственной организации, соответствующей высшим интересам человечества. В качестве идеальной ценности кооператив требует от своих членов готовности жертвовать своими интересами интересу кооператива. Если кооператив служит интересам его членов, то и, наоборот, его члены должны служить интересам кооператива — такова сущность рочдельского кооператива.

После сказанного нетрудно понять, почему потребительские общества из среды лиц более обеспеченных классов придерживаются совершенно иных принципов деятельности, чем пролетарские кооперативы. Чиновники, офицеры и проч. не могут не относиться к своему кооперативу совершенно иначе, чем относятся рабочие. Никакой идеальной ценности кооператив для них не имеет. Кооператив нужен им лишь постольку, поскольку он им доставляет определенные хозяйственные выгоды. Ни на какое самопожертвование ради

усиления своего кооператива они не пойдут, и потому они требуют от кооператива немедленных определенных выгод. Ни о каком «кооперативном государстве» они не мечтают, а желают иметь в своей кухне продукты лучшего качества и по возможно более низкой цене.

Третий рочдельский принцип — покупка на наличные деньги — был выражением той же основной сущности рочдельского кооператива. «Представление о кредите как о социальном зле, — говорит Голейок, — было частью социалистического воспитания рочдельцев. Как социальные реформаторы, они привыкли думать, что для всего общества будет лучше, что коммерческие операции будут проще и честнее, если кредит будет уничтожен».

Объяснение Голейока справедливо, поскольку дело идет о мотивах тех знаменитых «двадцати восьми», которые создали рочдельский кооператив. Но, конечно, не этими социалистическими соображениями о вреде кредита объясняется то, что и этот рочдельский принцип получил такое распространение в пролетарских потребительских обществах.

И этот принцип основан на той же идее, что и принцип продажи по рыночным ценам. Покупка на наличные требует большого напряжения сил со стороны малообеспеченных членов пролетарского кооператива; но она необходима потому, что без нее кооператив будет слишком слаб, чтобы ставить себе крупные цели.

Покупка на наличные особенно необходима именно для пролетарского кооператива, так как кооператив, возникший в этой среде, не может располагать значительными капиталами и, значит, должен черпать всю свою силу из средств своих покупателей. Продажа в кредит лишит пролетарский кооператив всех его оборотных средств, и вот почему рочдельская кооперация предъявляет такие высокие требования своим членам.

Демократичность устройства, невысокий размер пая и внесение его небольшими взносами с очевидностью вытекают из классового характера членов рочдельской кооперации. Иными словами, все рочдельские принципы целиком и без остатка объясняются классовым составом членов рочдельских кооперативов, тем, что данный кооператив является хозяйственной организацией пролетариата — производительного класса, сплоченного условиями своего труда, но не являющегося собственником своего продукта и потому не обладающего капиталом. На особенностях рочдельского кооператива отразилась, однако, не только экономическая необеспеченность того общественного класса, который создал эту новую форму хозяйственной организации. Самая возможность развития в этой среде хозяйственных союзов, предъявляющих к своим членам столь суровые требования, показывает, что эта среда хотя и не обладает капиталом, обладает правильным, регулярным доходом. Этот правильный доход является источником, откуда пролетарский кооператив черпает свои силы.

С другой стороны — и это существенно важно, — рочдельский кооператив характеризует и идеальную сторону социальной природы пролетариата. Пролетариат — это класс будущего, класс, по всем условиям своей жизни, долженствующий стремиться к новому общественному строю. Коммунистические общины, стремление к которым создало потребительские общества, — это, конечно, утопия, неосуществимая мечта. Но не случайно

эта мечта получила распространение именно среди пролетариата.

В настоящее время миллионные массы рабочего класса, выступающие под знаменем кооперации, совершенно равнодушны к коммунистическим планам Оуэна. Но и теперь, как и в первое время возникновения кооперации, рабочий класс видит в кооперации некоторую идеальную ценность, ради которой можно пойти на крупные жертвы.

Именно в этом признании идеальной ценности кооперации как общественного движения, создающего новые формы жизни, и заключается характернейшая черта рочдельского кооператива, откуда и вытекли так называемые рочдельские принципы. Отсюда — удивительная сила рочдельского кооператива, которая получила столь яркое выражение в потребительских обществах Англии.

В своем реальном историческом осуществлении рочдельская кооперация, удовлетворяя насущные мелкие нужды своих членов, в то же время преследует широкие цели огромного общественного значения. За устранением розничного торговца, посредника между потребителем и оптовым торговцем, идет устранение оптового торговца. Такова задача гигантских обществ оптовых продаж, созданных британской кооперацией.

Но этим дело не кончается. Общества оптовых продаж организуют производство нужных им продуктов и таким образом устраняют капиталиста и в сфере производства.

Таким образом рочдельская кооперация работает над осуществлением грандиозного плана общественного преобразования — наполовину бессознательно, — но тем характерно это направление для кооперативов рочдельского типа.

Глава III. Современное положение и общие вопросы пролетарской потребительской кооперации

1. Оптовая организация потребительской кооперации

Наибольшее развитие пролетарские потребительские общества получили в Великобритании, которая остается доныне образцом того, чего может достигнуть пролетариат в области кооперации. Решающую роль в истории пролетарской кооперации сыграло, как сказано, учреждение в 1844 г. рочдельского потребительского общества, выработавшего те единственно возможные основания, на которых неизбежно должна основываться пролетарская кооперация. Следующей знаменательной датой в истории пролетарских кооперативов явилось учреждение в 1863 г. в Манчестере Кооперативного общества оптовой продажи северной Англии. В основу этой новой хозяйственной организации, объединяющей для оптовых операций отдельные потребительские общества, положены своеобразно измененные рочдельские принципы. Потребительское общество ведет розничную продажу, и его членами являются отдельные лица; напротив, Общество оптовой продажи ведет оптовую продажу и его членами являются не физические лица, а целые группы таких лиц, юридические лица — потребительские общества. Капитал Общества оптовой продажи складывается из взносов участвующих в нем потребительских обществ, причем каждое общество должно делать взнос, пропорциональный числу своих членов. Общество отпускает своим членам продукты только на наличные деньги по оптовым рыночным ценам и в конце года возвращает остаток членам пропорционально закупкам. В общем собрании членов каждое общество располагает числом голосов, пропорциональным числу своих паев в общем капитале.

Таковы хозяйственные основы оптовой организации потребительских обществ. Они совпадают с рочдельскими принципами. Правда, может показаться, что последний пункт противоречит рочдельскому требованию, чтобы каждый член имел один голос независимо от числа паев, которым он располагает. Однако на самом деле предоставление в общем собрании членов Общества оптовой продажи каждому члену тем более голосов, чем более он имеет паев, вполне согласуется с демократическими принципами рочдельцев. Если бы члены общества оптовой продажи имели равное число голосов каждый, то это было бы равносильно подавлению интересов большинства интересами меньшинства. Ведь каждый кооператив вносит в общество тем больше паев, чем более он имеет в своем составе членов, и, следовательно, чтобы интересы всех членов различных кооперативов, объединенных центральной организацией, были в ней одинаково защищены, необходимо, чтобы число голосов в распоряжении каждого кооператива было пропорционально числу участвующих в нем лиц, а значит, и пропорционально числу паев в его распоряжении.

В то время как потребительские общества ставят своей задачей передавать в распоряжение рабочего класса прибыль розничного торговца, общество оптовой продажи стремится к тому же по отношению к прибыли оптового торговца. В этом было принципиально новое в данной кооперативной организации, объединившей мало- помалу огромное большинство пролетарских кооперативов.

В 1872 г. оно переименовано в Кооперативное общество оптовой продажи (Cooperative Wholesale Society) без ограничения его северной Англией. Районом его действий в настоящее время является вся Англия, в то время как в Шотландии действует возникшее в 1869 г. Шотландское кооперативное общество оптовой продажи.

Дальнейший, принципиально важный шаг в деле развития пролетарской кооперации был сделан присоединением к операциям общества оптовой продажи собственного производства. Потребительская кооперация стремится к возможному улучшению условий потребления своих членов. Для этого она вытесняет сначала розничного торговца-посредника, затем оптового и, наконец, переходит к собственному производству, вытесняя таким образом капиталистическое посредничество и в области производства. Благодаря этому в настоящее время британские общества оптовой продажи представляют собой нечто большее, чем простую организацию оптовой продажи на кооперативных началах: они являются одновременно и обществами производства тех продуктов, в которых нуждается потребительская кооперация.

О размерах самостоятельного производства английского общества оптовой продажи можно судить по нижеследующим данным: в 1915 г. оно располагало в своих производственных предприятиях капиталом в 3 510 442 ф. ст., причем в этих предприятиях было занято 20 432 рабочих, продуктов было изготовлено на 12 895 914 ф. ст. Общество имело не только фабрики и заводы, но и пароходы, чайные плантации и фермы. Шотландское общество оптовой продажи располагало в своих производственных предприятиях капиталом в 1 078 529 ф. ст. при 7215 рабочих и 3 669 153 ф- ст. ценности изготовленных продуктов.

Но не только общества оптовой продажи имеют свои производительные отделы: почти все наиболее крупные потребительские общества Великобритании имеют свои фабрики и

заводы, на которых производятся те или иные продукты для надобностей общества. Самое крупное из английских потребительских обществ рочдельско-го типа — Лидское — имеет целый ряд своих фабрик и иных производственных предприятий. Общая сумма производства в производительных отделах потребительских обществ Великобритании немногим превышает по своим размерам производство обоих обществ оптовой продажи.

Впрочем, несмотря на огромное развитие собственного производства, значительно большую часть продаваемых ими продуктов британские потребительские общества покупают все же на стороне, у частных предпринимателей; в 1915 г. всего было продано британскими потребительскими обществами продуктов на 102,5 млн. ф. ст., в том числе произведенных в производительных отделах двух обществ оптовой продажи не более чем на 16,5 млн. ф. ст. Через посредство обоих обществ оптовой продажи потребительскими обществами было приобретено продуктов на 44 млн. ф. ст.

2. Производство потребительских обществ

Для внутренней жизни британской потребительской кооперации особое значение получил вопрос о наиболее желательных формах кооперативного производства. По отношению к этому вопросу среди английских кооперативов очень рано обнаружились два борющихся течения, которые и поныне разделяют британский кооперативный мир на два лагеря — индивидуалистов и федералистов. Первые признают наиболее желательной формой производства самостоятельную производительную ассоциацию, вторые — производственное предприятие потребительского общества.

Первое течение приобретает особое значение в пятидесятых годах прошлого века, и выразителями его становятся ряд замечательных людей из средних классов общества, объединившихся под флагом так называемого «христианского социализма». К числу их принадлежали Кингсли, Нил, Юз, Морис²⁸ и др. К ним примыкали в ревностной пропаганде производительных уже ассоциаций и более ранние вожди английской кооперации, в том числе и знаменитый сподвижник Оуэна Голейок.

Для представителей этого течения производительная ассоциация (производительная артель) являлась самой совершенной формой кооперации или даже единственно истинной кооперацией, так как только производительная ассоциация принципиально уничтожает наемный труд. И они делали героические усилия для насаждения в стране производительных ассоциаций — усилия, совершенно безуспешные, так как основываемые ими в значительном количестве артели неизменно распадались по причинам, которые будут выяснены ниже, в главе о производительных артелях.

Противоположное течение, которое относилось отрицательно к производительным ассоциациям и стремилось к созданию собственного производства потребительских обществ, долгое время не имело определенного теоретического выражения. Цитаделью его стало английское Общество оптовой продажи, которое, как только оно упрочилось, стало

энергично стремиться к развитию собственного производства. В основе этого стремления не лежало, как сказано, никакой определенной теории, никакой определенной конечной цели, а только ясно сознаваемые потребности практической жизни. «Кооперативные путники пришли к этому принципу, — говорит Редферн, историк английского общества оптовой продажи, в юбилейном издании «The Story of the C. W. S.», — скорее случайно, чем с заранее определенной целью, как Колумб случайно приплыл к островам Вест-Индии».

Теоретическое обоснование этого течения было дано значительно позже, в известной книге Беатрисы Поттер²⁹ «Кооперативное движение Великобритании». Течение это, именовавшее себя «федералистическим», в противоположность «индивидуалистическому» течению, защищавшему производительные ассоциации, признавало производство потребительских обществ более высоким социальным типом, чем производство производительных ассоциаций. В первом случае производство служит интересам всего общественного целого, совпадающего с кругом потребителей, между тем как во втором случае на первый план выдвигаются сепаратные интересы обособленной группы рабочих, занятых данным производством и естественно противопоставляющих себя общественному целому. Первая система производства объединяет рабочих служением общему интересу, между тем как вторая вносит разъединение в их среду и разбивает рабочий класс на группы враждующих друг с другом отдельных производительных единиц, совершенно так же как мы это видим и по отношению к отдельным капиталистическим предприятиям.

Ввиду очевидного неуспеха производительных ассоциаций сочувственное им течение скоро приняло на практике смягченную форму требования, чтобы рабочие, если они уже не являются полными хозяевами предприятия, то по крайней мере участвовали в его прибылях и в управлении предприятием. В такой форме течение это выразилось в требовании организации производства на началах «трудового коопартнершипа».

Спор обоих течений неоднократно доходил до обсуждения на ежегодных конгрессах высшей организации, объединяющей британскую кооперацию Кооперативного союза. Английское Общество оптовой продажи некоторое время выдавало своим рабочим известную процентную премию в виде прибавки к заработной плате, но в 1875 г. отказалось от таких выдач не по принципиальным соображениям, а по мотивам чисто практического характера. Затем эта форма оплаты труда была возобновлена и окончательно отвергнута обществом в 1886 г.

Сторонники участия рабочих в прибылях апеллировали к Кооперативному союзу. Во главе кампании против Общества оптовой продажи стал Юз. Стачка рабочих на фабрике общества в Лестере в 1886 г. дала повод к резким нападкам на общество. Голейок сказал даже, что «появление общества оптовой продажи в Лестере было несчастьем для кооперации». Сторонники «индивидуалистического» производства, в числе которых было пять бывших президентов конгрессов Кооперативного союза (Голейок, Юз, Нил, маркиз Рипон, Тейлор), предложили на конгрессе союза в Дьюсбери резолюцию, защищавшую принцип самостоятельных производительных ассоциаций и настаивавшую на том, чтобы, во всяком случае, рабочим было возвращаемо не менее половины всей чистой прибыли. Голейок сказал на этом конгрессе следующее: «В 1886 г. у Общества оптовой продажи было в Лестере 990 рабочих. Прибыль общества равнялась 9500 ф. ст. Разделенная между

рабочими, эта прибыль дала бы на каждого рабочего 9 ф. 10 шилл. Кому же досталась эта прибыль, выработанная рабочими? Ее получили 970 потребительских обществ. Что же они сделали с нею? Они передали ее 650 тысячам своих членов. Сколько же получил каждый член? Около полутора фартинга... Имя Иуды Искарота предается проклятиям всего света в течение 18 веков за то, что он предал распятию Христа; но он предал Христа по крайней мере не даром, а за тридцать сребреников. Между тем, кооператоры предадут рабочего распятию неоплаченного труда за три восьмых пенни».

Легко понять софизм Голейока: он противопоставил ничтожность выгоды, получаемой каждым членом потребительских обществ, от присвоения прибавочного труда рабочего отдельной фабрики, крупной потере от такого присвоения для рабочего. Но при этом Голейок игнорировал два обстоятельства: во-первых, то, что если выгоды членов потребительских обществ на каждого отдельного члена оказываются гораздо меньшими, чем потери каждого отдельного рабочего, то зато число выигрывающих членов гораздо больше, чем число проигрывающих рабочих. Во-вторых, Голейок совершенно неправильно противопоставил всей массе членов потребительских обществ рабочих только одной фабрики, между тем как нужно было бы противопоставить членам потребительских обществ рабочих всех фабрик и предприятий, принадлежащих потребительским обществам. Тогда результат сравнения получился бы совершенно иной. В 1916 г. в потребительских обществах Великобритании, принадлежащих к Кооперативному союзу, было 3187285 членов (всего же, во всех потребительских обществах было 330724 членов), а общая сумма чистого дохода этих обществ достигала 14 960 086 ф. ст., да, кроме того, два общества оптовых продаж получили чистого дохода в том же году 1639216 ф. ст. Общая сумма чистого дохода достигла, таким образом, для различных и оптовых потребительских обществ 16592302 ф. ст. — на каждого члена приходилось чистого дохода около 5 ф. ст. Если бы весь этот доход поступил в распоряжение рабочих и служащих потребительских обществ, то каждый член потребительского общества лишился бы не ничтожной суммы в три восьмых пенни, как рассчитывал Голейок, но около 5 ф. ст. в год, что уже составляет немаловажную сумму в скромном бюджете рабочего, из числа которых вербуются члены потребительских обществ союза.

На конгрессе победило компромиссное предложение, которое, однако, было ближе к резолюции, предложенной сторонниками ко- партнершипа³⁰, чем к противоположному течению, и могло рассматриваться как победа первых. Большинством в 213 голосов против 160 прошла резолюция, призывавшая Общество оптовой продажи и вообще все кооперативы распределять прибыль между рабочими, пайщиками и потребителями.

Общество оптовой продажи не подчинилось этому постановлению, равно как и большинство потребительских обществ. В 1890 г. общество предприняло анкету для выяснения, в какой мере потребительские общества предоставляют своим служащим и рабочим участие в прибылях. Оказалось, что из 881 общества, принадлежащих к Обществу оптовой продажи, только 94 делали это. Такой результат анкеты только укрепил Общество оптовой продажи в его нежелании вводить участие рабочих в прибылях, и на этой позиции оно твердо стоит и в настоящее время в противоположность Шотландскому обществу оптовой продажи, в котором служащие и рабочие принимают участие в прибыли (правда, в очень незначительной мере).

Сторонники коопартнершипа усмотрели в образе действий английского Общества оптовой продажи решительную измену кооперативным принципам и превращение общества в обычную акционерную капиталистическую компанию. Однако не подлежит сомнению, что образ действий английского Общества оптовой продажи опирается на сочувствие огромного большинства британских кооператоров и что общество остается истинным кооперативом рочдельского типа.

В конце концов сторонники самостоятельных производительных ассоциаций выделились из общей организации британских кооперативов — Кооперативного союза и образовали свой собственный союз, получивший впоследствии название Ассоциации трудового коопартнершипа, существующий и поныне, но большого успеха не имеющий. Принципы английского Общества оптовой продажи стали руководящими в английской кооперации, дополнившей рочдельские принципы принципом организации производства силами объединенных потребительских обществ.

Это сказалось в статьях английских кооперативных изданий по поводу исполнившегося в 1914 г. пятидесятилетия деятельности Общества оптовой продажи. Вот, например, как рисуется будущее английской кооперации руководящему органу британской кооперации Cooperative News.

«К концу следующего пятидесятилетия Общество оптовой продажи будет, вероятно, владеть каменноугольными копями в Англии и Уэльсе, источниками нефти в Америке, хлопковыми плантациями в Африке, пшеничными полями в Канаде и других странах. Оно будет само добывать железо из своих собственных рудников, вырабатывать кожу со своего скота на своих пастбищах в Аргентине, получать шерсть и баранину со своих овец в Англии и Австралии; оно создаст свои рыбачьи флотилии с помощью потребительских обществ, расположенных вблизи моря, а также земледельческие фермы внутри страны. Что касается океанского транспорта, то ввиду захвата торговых судов синдикатами судовладельцев для Общества оптовой продажи станет необходимым завести свои собственные суда, чем и будет завершён контроль общества над всеми источниками удовлетворения жизненных потребностей».

Можно сомневаться в правильности этого прогноза, но, во всяком случае, ясно, что для Cooperative News дальнейшее развитие британской кооперации рисуется в виде постепенного расширения сферы действий Общества оптовой продажи, пока в его руках не сосредоточится производство всего того, в чем нуждается английский потребитель. Для отдельных производительных ассоциаций в этой концепции места совсем не остается.

Однако за последние годы в общественном мнении английской кооперации как будто замечается по отношению к этому вопросу некоторый многозначительный поворот, что сказалось не только в появлении многих книг и статей в защиту коопартнершипа, но и в резолюции Абердинского конгресса (1913 г.). Конгресс этот снова рассматривал старый и, казалось бы, окончательно решенный вопрос о наиболее желательных формах кооперативного производства и вынес следующую резолюцию: «Ввиду неупорядоченности, трения и малой производительности современной промышленной организации, основанной на конкуренции, конгресс признает, что пришло время для развития кооперативного

производства во всех его формах и приглашает кооператоров тщательно изучить наилучшие способы содействия всем формам ассоциированного труда, включая сюда как существующие формы производства при посредстве потребительских обществ и обществ оптовой продажи, так и при посредстве независимых производительных ассоциаций.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что этот возврат к прежним, казалось бы, давно похороненным воззрениям отнюдь не бы вызван успехами производительных ассоциаций или хотя бы успехами предприятий на принципах коопартнершипа. Как будет указано в главе о производительных артелях, успехи производительных ассоциаций до сих пор совершенно ничтожны, и немногим лучше обстоит дело с принципом коопартнершипа. Поворот к этим принципам вызван, как правильно указывает г. Чекин в статье «Трансформация капитализма» в «Вестнике кооперации», причинами совершенно иного рода — разочарованием английских кооператоров в возможности для потребительской кооперации захватить в свои руки значительную часть современного производства. «Кооперативный рынок, — говорил на Абердинском конгрессе Гаррисон, — хотя еще не целиком приобретен кооперацией, но имеет свои определенные границы. Он ограничен не только численностью участников кооперации, хотя и возрастающей из года в год, но в уменьшающейся прогрессии, но и низкой покупательной способностью членов потребительских обществ и незначительностью исходящего от них платежеспособного спроса. Не считая пищевых продуктов, потребление рабочим классом продуктов производства печально мало. Голые спины в достаточной степени, по выражению Карлейля³¹, нуждаются в рубашках. Но за рубашки нечем платить, и потребностям не соответствует достаточный платежеспособный спрос». Эта ограниченность кооперативного рынка в связи с другими условиями, которые будут выяснены ниже, приводит к невозможности занять в кооперативных предприятиях труд тех миллионов членов потребительских обществ, которые уже теперь объединены кооперацией. Действительно, в 19И г., при 3096314 членах всех потребительских и производительных обществ Англии и Ирландии было занято во всех этих кооперативах 144974 рабочих и служащих, т. е. менее 5 % числа членов. И, очевидно, как бы быстро ни шло развитие потребительских обществ, соотношение это вряд ли существенно изменится, хотя бы уже потому, что большую часть предметов потребления рабочего класса составляют различные пищевые вещества, в производстве которых потребительские общества не могут достигнуть многого. Большая часть этих пищевых продуктов привозится из других стран и, следовательно, не может быть произведена английским рабочим; но и те продукты, которые производятся внутри страны, не могут быть с успехом изготавливаемы наемными рабочими на фермах потребительских обществ в силу особенностей сельскохозяйственного производства, делающих последнее более пригодным для крестьянского хозяйства. Неудача попыток обществ оптовой продажи организовать собственное сельскохозяйственное производство является достаточной иллюстрацией трудностей этого дела.

Таким образом, приходится оставить мысль, что все или хотя бы большинство членов потребительских обществ с течением времени станут находить занятие в предприятиях потребительских обществ и сделаются, таким образом, своими собственными хозяевами. Сознание этого положения дел и вызывает среди кооперативных деятелей Англии известное разочарование в результатах потребительской кооперации. Как быть с миллионами рабочих, которые никогда не найдут себе занятия в предприятиях

потребительской кооперации и, значит, обречены работать в капиталистических предприятиях?

Вообще, эксплуатация наемного рабочего потребительского общества этим последним могла бы исчезнуть лишь в том случае, если бы потребительское общество охватило всю нацию, и притом если бы все потребители были в то же время рабочими: в этом последнем случае общая совокупность потребителей совпала бы с совокупностью производителей и рабочий, как бы ни вознаграждался его труд в форме заработной платы, все равно получал бы свой полный трудовой продукт, ибо все то, что он терял бы в качестве производителя, он выигрывал бы в качестве потребителя. Но пока общее число членов потребительского общества превосходит число занятых в нем рабочих, эти последние, получая неполную оплату труда (что является неизбежным по условиям капиталистической конкуренции, так как потребительское общество не может оплачивать рабочих существенно иначе, чем они оплачиваются капиталистическими предприятиями), несомненно, эксплуатируются потребителями, в качестве членов потребительского общества они получают обратно только часть своего прибавочного продукта, присвоенного потребительским обществом.

3. Рабочий вопрос в кооперации

Понимание этого положения дел и вызвало за последнее время среди английских кооператоров известное разочарование в потребительской кооперации и тяготение к производственным ассоциациям и коопартнершипу. Тяготение это не может, впрочем, иметь значительных практических результатов, так как производственные ассоциации по причинам, которые будут выяснены ниже, не являются в современном хозяйственном строе жизнеспособными организациями. Предприятия же на началах коопартнершипа обычно имеют вполне капиталистический характер и ничего общего с кооперацией не имеют. Те же предприятия на началах коопартнершипа, в которых контроль принадлежит не капиталистам, а рабочим, страдают (хотя и в меньшей мере) недостатками, присущими производственным ассоциациям, и потому также не могут получить значительного распространения.

В конце концов следует признать, что хотя потребительская кооперация своими собственными средствами и не в силах избавить рабочего от эксплуатации, такое избавление не может быть достигнуто и производственными ассоциациями в чистом или преобразованном виде. Кооперация вообще наталкивается здесь на свои естественные границы и требует своего восполнения со стороны государства и муниципалитетов, действующих на совершенно иной, публичноправовой основе, а не на основе частной инициативы.

Рост числа рабочих, служащих в потребительских обществах, естественно, придает все более значения рабочему вопросу в кооперации. Все кооперативные предприятия, кроме трудовых кооперативов, предполагают как свое естественное основание наемных рабочих. По отношению к пользованию наемным трудом нетрудовые кооперативы не отличаются в формальном отношении от капиталистических предприятий. Однако между теми и другими имеется то существенное различие, что кооперативы преследуют совершенно иные цели,

чем капиталистические предприятия, и члены кооперативов вербуются из иных общественных классов, чем капиталисты. В этом последнем отношении особенно отличаются от капиталистических предприятий потребительские кооперативы пролетарского типа. В пролетарских кооперативах хозяином предприятия является организованная группа наемных рабочих; они пользуются наемным рабочим персоналом, принадлежащим к тому же самому общественному классу, к какому принадлежат и хозяева этих кооперативов. Таким образом, в пролетарских кооперативах и хозяева, и рабочие принадлежат к одному и тому же классу пролетариата, а между тем как в капиталистическом предприятии хозяева и рабочие принадлежат к разным общественным классам. Противоположность интересов предприятия и рабочих не уничтожается, однако, от того, что хозяева и рабочие являются членами того же общественного класса, ибо как определенные лица хозяева и рабочие отличаются в данном случае друг от друга.

Хозяином в пролетарском-кооперативе является обширная группа рабочих, между тем как работает по найму в этом кооперативе только небольшая часть тех же рабочих. Отсюда возникает в кооперативе противоположность интересов наемного персонала и хозяев, но в противоположность тому, что наблюдается в капиталистическом предприятии, эта противоположность не имеет классового характера. Тем не менее эта противоположность интересов может принимать такой же острый характер, как и в условиях капиталистического производства. Действительно, стачки рабочих в кооперативах далеко не являются исключением даже в тех странах, где кооперация достигла наивысшего развития. Так, например, в Англии английскому Обществу оптовой продажи приходилось неоднократно вести борьбу со своими бастующими рабочими. То же нужно сказать о Франции и Германии.

Эти острые проявления антагонизма интересов рабочих и хозяев в пролетарских кооперативах не должны удивлять, так как названный антагонизм имеет корни в самом существе данного экономического отношения. Однако принадлежность хозяев и рабочих к одному и тому же общественному классу не остается без последствий и приводит к тому, что рабочий вопрос в кооперативах чувствуется членами кооператива как нечто болезненное и ненормальное. В то время как капиталисты, стоящие во главе своих предприятий, легко примиряются с мыслью, что антагонизм их интересов с интересами рабочих является естественным и неустранимым условием современной хозяйственной системы, пролетарии, стоящие во главе пролетарского кооператива, не могут не видеть в рабочих, занятых в их кооперативе, своих товарищей, а не противников.

Отсюда, естественно, стремление кооперативов смягчить по возможности противоположность интересов хозяев и рабочих в пределах своего предприятия.

Именно на почве защиты интересов рабочих, занятых в кооперативах, и возникло течение среди кооператоров, благоприятствующее трудовому коопартнершиму и вообще расширению контроля рабочего над кооперативом. Кооператоры старой школы отрицали неизбежность рабочего вопроса в кооперации. Такова была, например, точка зрения одного из самых авторитетных вождей британской кооперации Митчела³², давшего в этом смысле показание перед известной английской Королевской комиссией о труде. Противоположность интересов рабочих и хозяев в потребительском обществе рассматривалась им как преходящее

явление, которое должно исчезнуть при дальнейшем развитии кооперации.

Однако с этим мнением согласиться никоим образом нельзя. Как указано выше, только в том случае, если бы потребительские общества охватили всю нацию, и притом если бы все потребители были в то же время рабочими, названная противоположность интересов должна была бы исчезнуть. Следует при этом подчеркнуть, что одного распространения потребительского общества на всю нацию недостаточно для прекращения эксплуатации труда. Требуется еще второе условие исчезновения капиталистического класса, ибо если бы капиталисты входили в потребительские общества наряду с рабочими, то эксплуатация труда сохранилась бы, так как нетрудовые доходы капиталистов были бы вычетом ее трудового продукта рабочих.

Иначе говоря, потребительская кооперация как таковая не может разрешить рабочий вопрос.

Рабочий вопрос в кооперативах является, следовательно, таким же неустранимым явлением, как и рабочий вопрос в пределах капитализма. Только одна форма кооперации уничтожает в корне антагонизм трудящегося и работодателя — это производительная ассоциация. Но характерно, что именно эта форма кооперации, как это будет выяснено ниже, оказывается на практике почти неосуществимой.

Однако из неизбежности рабочего вопроса в пределах кооперации отнюдь не следует, что кооперация должна относиться пассивно к этому положению дел, предоставляя борьбе заинтересованных лиц устанавливать положение трудящихся в кооперативе. Наоборот, кооперация не может не занять в данном случае совершенно иную позицию, чем капиталистическое предприятие. Различие это вытекает из самого существа предприятий того и другого рода. Капиталистическое предприятие действует в интересах капиталиста, и интересы занятых в предприятии рабочих не могут рассматриваться капиталистом как нечто совершенно чуждое реальным целям данной хозяйственной организации. Вот почему в капиталистическом предприятии отношения труда и капитала определяются относительной силой двух борющихся сторон — капиталиста и рабочего (до тех пор пока в эти отношения не вмешивается посторонняя сила государства, которое и регулирует положение трудящегося, исходя из совершенно иных публично-правовых оснований). В другом положении находится кооператив. Хотя кооператив также служит прежде всего интересам своих хозяев, но этими хозяевами являются трудящиеся люди, которые в своей хозяйственной деятельности отстаивают интересы не капитала, но труда. Кроме того, кооператив преследует не только цели хозяйственного благополучия своих участников, но и ставит себе известные задачи идеального порядка. Эта существенная основа кооперации не может не оказать влияния и на отношение кооперативов к положению занятых в них наемных рабочих.

И действительно, мы замечаем, что лишь при неразвитых формах кооперации вопрос о рабочих разрешается в них так же, как и в капиталистических предприятиях — путем борьбы рабочих и работодателей, на основании соотношения реальных сил того и другого общественного элемента. В то время как капиталистическое предприятие отнюдь не тяготеет к какому-либо иному решению рабочего вопроса, кооперация с самого начала

воспринимает борьбу рабочего с хозяином, как нечто противоречащее природе кооператива, как «больной вопрос» своего внутреннего строя. Правда, при неразвитых формах кооперации наемный труд обычно эксплуатируется кооперативами несколько не меньше или почти не меньше, чем в обычных капиталистических предприятиях того же размера. Однако такое отношение к наемному труду встречает осуждение со стороны представителей идеального духа кооперации — вождей и идеологов кооперативного движения. Поэтому в это время отношение к наемному труду в пределах кооперации характеризуется следующими чертами. На практике в кооперативах положение труда существенно не отличается от положения труда в капиталистических предприятиях. Но в кооперативной теории такое положение вещей осуждается, и общественное мнение кооперативного мира стремится изменить положение труда к лучшему. Выражением этого общественного мнения являются резолюции кооперативных съездов, которые обычно протестуют против эксплуатации труда и стремятся побудить кооперативы улучшить положение занятого в них рабочего персонала.

Однако долгое время кооперативная мысль не может выработать принципов, которыми должны руководствоваться кооперативы в своих отношениях к наемному персоналу. Ясно одно, что отношения эти не должны регулироваться борьбой труда и капитала, как в капиталистических предприятиях. Необходимо найти некоторое общее начало, исходя из которого кооперация могла бы создать такое положение для своих рабочих, которое одновременно было бы согласовано и с хозяйственными целями кооперации, и с интересами рабочих.

Какое же это начало? Прежде всего ясно, что наемный персонал кооперации не может никоим образом претендовать на полную оплату своего труда соответственно вырабатываемому им продукту. Ибо если бы кооперация стала возвращать рабочему все то, что рабочий создает в кооперативном предприятии, то кооперация не получила бы ничего в свою собственную пользу и лишалась бы своего хозяйственного смысла. Возьмем, например, фабрику потребительского общества. Весь продукт, производимый на этой фабрике, мы должны рассматривать как создание труда занятого на ней рабочего персонала (конечно, не только физических, но и умственных рабочих). Правда, потребительское общество дало капитал, необходимый для того, чтобы фабрика могла работать, но если мы не приписываем капиталу способности создавать новый прибавочный продукт в частном капиталистическом предприятии, то мы не можем приписывать ему этой способности и в том случае, когда собственником капитала является потребительское общество. Продукт, по общему правилу, создается только трудом, капиталу же принадлежит в создании продукта только пассивная роль необходимого условия производства.

Итак, весь продукт, производимый на фабрике потребительского общества, создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительское общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало прибавочного продукта и, значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу.

Но если так, то для чего потребительскому обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно.

Точно так же, если всю разницу между себестоимостью и продажной ценой продукта, продаваемого из лавки потребительского общества, возвращать рабочим и служащим общества, то общество лишится своего смысла и должно будет прекратить свои операции, ибо оно не будет давать никаких выгод своим членам.

Отсюда с очевидностью следует, что условием самого существования кооператива является удержание в его пользу известной части прибавочного продукта, создаваемого рабочим персоналом, занятым в кооперативном предприятии. Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта. Кооператив под страхом своей гибели должен удерживать в свою пользу часть прибавочного продукта, создаваемого рабочим.

Но какую часть? Здесь и возникает главная трудность.

Решение ее возможно при помощи следующих соображений. Кооперативное предприятие конкурирует с капиталистическим. Верховным законом кооператива, как и всякого другого жизненного образования, является стремление к самосохранению. Нельзя требовать от кооператива, чтобы он давал рабочему больше, чем это совместимо с поддержанием самого кооператива.

Если кооперативу приходится конкурировать с капиталистическими предприятиями, то, значит, и условия оплаты труда в кооперативном предприятии не могут существенно разойтись с условиями оплаты труда в капиталистических предприятиях. В противном случае кооператив не мог бы выдержать конкуренции с капиталистическими предприятиями, и последние вытеснили бы кооперацию из современной хозяйственной системы.

Таким образом, основным принципом вознаграждения труда в кооперативах должно быть признано правило, что вознаграждение труда должно исходить из тех или иных оснований, господствующих в капиталистических предприятиях. Но труд вознаграждается в различных капиталистических предприятиях не одинаково: в одних вознаграждение труда больше, в других меньше. Значит, вышесказанное правило требует дальнейшего развития. Какие именно условия вознаграждения труда в капиталистических предприятиях должны быть руководящими для кооперативов — высшие, средние или низшие нормы вознаграждения?

Несомненно, именно высшие нормы. Кооперативное предприятие преследует не только цели хозяйственной выгоды своих членов, но и идеальные цели высшего порядка. Требование труда на полную оплату всего трудового продукта вполне соответствует идеальным целям кооперации. Если требование это тем не менее не осуществляется кооперацией, то лишь потому, что осуществление его было бы равносильно самоуничтожению коопераций. Но тем не менее кооперация должна стремиться подойти возможно ближе к этому требованию, поскольку это допускается самым существом кооперации.

Вознаграждение труда по высшим капиталистическим нормам экономически возможно, ибо оно осуществляется некоторыми капиталистическими предприятиями. Следовательно, оно

возможно и для кооперативных предприятий, и такое вознаграждение является нормой, к которой кооператив должен всячески стремиться.

Итак, мы нашли принцип, исходя из которого кооператив может определить, какова должна быть оплата занятого в нем рабочего персонала. Рабочие должны быть поставлены в кооперативном предприятии в такое положение, которое соответствует положению трудящихся в капиталистических предприятиях с наилучшими условиями для труда или даже по возможности выше.

Если кооператив будет исходить из этого принципа, то столкновения с рабочими на почве неудовлетворенности последних условиями труда не должны иметь места, ибо рабочие будут дорожить работой в данном предприятии, и в другом предприятии они не найдут лучших условий работы. В то же время и кооператив сохранит возможность достигать своих целей, оплачивая рабочих ниже их полного трудового продукта.

Только таким образом может быть если не разрешено, то ослаблено противоречие интереса работодателей и рабочих кооперации. На практике именно к такому решению и идет кооперация в тех странах, где кооперативное сознание всего выше. Так, в Англии и Германии между двумя основными формами рабочего движения в экономической области — кооперацией и рабочими союзами — устанавливается все более тесная связь. На конгрессах пролетарской кооперации принимают участие и представители рабочих союзов. В пределах самих кооперативов сознание общности классовых интересов как служащих, так и хозяев кооператива все более дает себя чувствовать.

Выдающееся значение вопрос о положении рабочих в кооперативах получил в германской пролетарской кооперации, которая стала очень быстро развиваться за последнее десятилетие. В целом ряде конгрессов германских пролетарских потребительских обществ вопрос этот вызвал страстные дебаты, в особенности на конгрессах в Штутгарте (1905 г.) и Дюссельдорфе (1907 г.). Интересы рабочих защищались представителями рабочих союзов.

Точно так же вопрос о положении рабочих в кооперативах обсуждался и на конгрессах рабочих союзов, особенно на конгрессе в Кельне в 1905 г. Потребительские общества подвергались ожесточенным нападкам со стороны рабочих за эксплуатацию своих рабочих.

Мало-помалу и кооперативы, и рабочие пришли к известному сближению, что и обнаружилось на Эйзенахском конгрессе потребительских обществ в 1908 г. Конгресс этот принял следующую резолюцию: «Конгресс признает долгом кооперативов стремиться, насколько возможно, к тому, чтобы по отношению к условиям оплаты и положению своих рабочих кооперативы являлись образцом для других предприятий. Конгресс обнаруживает готовность вступить в переговоры с рабочими союзами относительно установления общих условий вознаграждения труда и продолжительности труда».

В Англии рабочие потребительской кооперации получают, как общее правило, заработную плату согласно тарифам рабочих союзов, рабочий день на фабриках Общества оптовой продажи обычно значительно ниже, чем на капиталистических фабриках того же рода. Абердинский кооперативный конгресс 1913 г. выработал шкалу минимальной заработной

платы и рекомендовал ее введение во всех принадлежащих к союзу кооперативах.

И в других странах с развитой пролетарской кооперацией условия труда в пролетарских кооперативах являются если и не образцовыми, то все же лучшими, чем в средних капиталистических предприятиях того же типа.

Очень ярко рисует новый характер условий труда в пролетарских кооперативах П. Гере в своей книге «Die deutschen Arbeiter Konsumvereine» (1910 г.)³³.

Пролетарские кооперативы, говорит он, создают более совершенную обстановку труда, чем та, что мы видим в капиталистических предприятиях. «Корни этих новых отношений заключаются в своеобразном факте, что в рабочем потребительском обществе служащие, как высшие, так и низшие, обученные и необученные, мужчины или женщины, в равной мере в то же время являются членами общества, в котором они служат. В большинстве обществ служащие нанимаются только из среды членов общества и притом по одному на семью. Если из этого правила приходится делать исключение и нанимать лиц, не состоящих членами общества, то вновь нанимаемое лицо должно немедленно же стать и членом общества: каждый служащий в обществе должен состоять его членом. Это имеет крайне важные последствия. Каждый рабочий и служащий общества соединяют в своем лице и нанимателя труда, и рабочего. Он — рабочий, поскольку он работает по найму общества; он — наниматель труда, поскольку он в качестве члена общества является хозяином имущества общества и полноправным членом общего собрания — высшей инстанции общества. Так как общее собрание избирает правление и требует отчетов от этого последнего, то, поскольку служащий не является сам членом правления, какую бы должность он ни занимал, хотя бы был только ночным сторожем, он является одновременно и высшим лицом по отношению к своему начальству. В то же время он высшее лицо и по отношению ко всем своим товарищам по службе. Иными словами, он свое собственное начальство и свой собственный работодатель. В пределах общества он является, так сказать, двойственным лицом в хозяйственном отношении, заключающим в себе неустранимое внутреннее противоречие, и в то же время как рабочий и работодатель он вдвойне заинтересован в успехах общества. Благодаря тому что служащие и рабочие рабочего потребительского общества являются одновременно и его членами, в современной хозяйственной жизни создается совершенно новый тип рабочего, который имеет существенно иной характер, чем рабочий частного капиталистического предприятия. В то время как в капиталистическом предприятии рабочие всегда остаются просто рабочими руками, и обычно тем в большей мере, чем крупные предприятия, в потребительском обществе они являются до самого последнего уважаемыми лицами».

В общем собрании потребительского общества рабочие общества не только являются такими же членами, как и все остальные, но обычно наиболее осведомленными и заинтересованными членами. Хотя общая численность рабочих общества составляет незначительный процент членов, но так как члены далеко не аккуратны в посещении общих собраний, а служащие общества, естественно, связаны с ним всего теснее всеми своими интересами, то служащие легко приобретают значительное влияние на решения общего собрания. Поэтому правление общества не может относиться к своим служащим так, как относится к последним правление капиталистического предприятия, которому не

приходится бояться своих служащих, так как в общем собрании акционеров они участия не принимают.

Конечно, это не должно приводить к утрате авторитета правления и недисциплинированности рабочего персонала. Во всяком случае, такое положение дела не может не иметь своим следствием известного уважения к личности рабочего, который не чувствует себя по своему социальному положению низшим лицом по отношению к правлению. И члены правления, и служащие являются в социальном отношении товарищами, равными, а не высшими и низшими. Поэтому в пролетарских кооперативах нередко наблюдается такая смена должностей, которая невозможна в обычном предприятии. Сплошь и рядом высшая должность сменяется на низшую, и притом совершенно добровольно, без всякого чувства унижения для заинтересованного лица. Очень часто, например, член правления, т.е. высшее лицо в служебной иерархии потребительского общества, становится приказчиком, т.е. подчиненным правления. Иногда даже председатели правления добровольно принимают должности простых служащих того или другого рода.

Таким образом, пролетарская кооперация является прообразом того общественного строя, при котором никакая работа не будет заключать в себе чего-либо социально унижающего человека, при котором уважение к отдельному человеку будет определяться его личными достоинствами, а не занимаемым им общественным положением.

Столкновение интересов рабочих и работодателей не может исчезнуть в кооперативном предприятии, ибо оно коренится в самом существе данной хозяйственной организации. По при том чувстве равенства, которое все больше и больше проникает в отношения членов, служащих в пролетарской кооперации, — это столкновение интересов не должно приводить к борьбе, но к известному компромиссу, основанному на взаимном уважении к правам и интересам обеих сторон.

4. Пределы потребительской кооперации

Потребительские общества являются кооперативом такого рода, в котором с формальной стороны могут участвовать все классы общества, ибо все являются в равной мере потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительские общества могут создаваться во всякой социальной среде и в конце концов должны охватить все общество.

Отсюда понятно, что именно с потребительскими обществами связывались и связываются наибольшие надежды относительно преобразования современного общества. Дело рисуется в таком виде. Потребительские общества растут все больше и больше, охватывают мало-помалу все общественные классы и становятся единственной организацией, при посредстве которой потребители получают необходимые для них предметы потребления. Вместе с этим растет и собственное производство потребительских обществ как в области изготовления промышленных, так и сельскохозяйственных продуктов. В конце концов процесс этот

должен закончиться совершенным поглощением новой формой хозяйства старой хозяйственной системы — капиталистическое хозяйство сходит со сцены, и место его занимает коллективистическое хозяйство, ибо потребительское общество, вытеснившее капиталистическое хозяйство, охватившее все население страны и управляющее всем народным хозяйством, было бы не чем иным, как системой коллективизма.

Таково было мнение многих из специалистов, именно в силу этого и сочувствовавших потребительской кооперации. Казалось в высшей степени заманчивым достигнуть социалистического строя без всякой политической и классовой борьбы, путем органического развития потребительских обществ.

Однако в настоящее время мнение это вряд ли может рассчитывать на большое число сторонников даже среди самых увлекающихся кооператоров. Совершенно ясно, что потребительские общества ни в каком случае не могут сами по себе заместить капиталистическую систему хозяйства, ибо развитие их силою вещей заключено в довольно узкие пределы.

Вопрос этот в некоторых отношениях был выяснен еще Б. Поттер в ее классической книге «Кооперативное движение в Великобритании». Прежде всего отнюдь не нужно думать, что потребительские кооперативы могут развиваться во всякой общественной среде. Правда, всякий является потребителем, но далеко не всякий имеет достаточные побудительные мотивы, чтобы вступать в члены потребительского общества.

Кооперация открывает свои двери для всех, но не все в них входят. Прежде всего кооперация существует лишь для трудящихся классов современного общества, но не для капиталистов.

Конечно, и капиталистические классы могут нуждаться в соединении своих сил для достижения тех или иных целей. Но хозяйственные организации среди капиталистов, естественно, принимают совершенно иные формы, чем организации трудящихся классов. Хозяйственной организацией трудящихся является кооператив; хозяйственная же организация капиталистов должна неизбежно сложиться в формы капиталистического товарищества.

Что касается удовлетворения лицами богатых классов своих потребительских нужд, то для этого существуют обычные капиталистические магазины, вполне удовлетворяющие своему назначению и предоставляющие богатым людям такие удобства выбора разнообразных предметов потребления и элегантной обстановки, которые недостижимы для потребительского общества. Если же для более низших слоев капиталистического класса и возникает потребность в потребительских организациях (для удешевления жизни), то организации эти естественно складываются в более или менее капиталистические формы, как это мы видим на примере лондонских потребительских обществ чиновников гражданского ведомства (о которых будет сказано ниже, в разделе, посвященном мелкобуржуазной кооперации).

Итак, потребительская кооперация не может охватить капиталистические классы. Здесь лежит классовая граница потребительской кооперации сверху.

Но и снизу для потребительской кооперации имеются свои пределы. Потребительская кооперация предъявляет довольно суровые требования своим участникам. Платеж наличными, уплата пая — все это не под силу многим и многим более бедным элементам современного общества. Полезным членом потребительского общества может быть только тот, кто располагает определенным регулярным и не совсем незначительным доходом.

Поэтому беднейшие элементы современного общества так же мало пригодны для потребительской кооперации, как и более богатые. Потребительская кооперация развивается с успехом лишь среди некоторой части трудящихся классов, именно среди лучше оплачиваемой или более достаточной его части.

Потребительская кооперация может развиваться среди всех трех общественных классов, в которых вообще возможна кооперация, — среди пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Но полного своего развития потребительская кооперация достигает только среди одного общественного класса — пролетариата, и притом городского пролетариата.

Для этого существуют свои причины. Среди мелкой буржуазии кооперация вообще тяготеет к капиталистическим формам, так как мелкая буржуазия сама является наполовину капиталистическим классом. Среди крестьянства потребительская кооперация также не может получить значительного развития по причинам, которые будут выяснены при характеристике крестьянских потребительских обществ (в отделе крестьянской кооперации). И только среди городского пролетариата потребительская кооперация принимает те грандиозные формы, которые характеризуют потребительские кооперативы рочдельского типа.

Мало того, для полного успеха потребительского кооператива требуется социальная среда совершенно определенного типа. А именно, как показывает опыт, потребительские общества достигают наибольшего развития преимущественно в не очень больших фабричных городах.

Небольшим фабричным городом был Рочдель, где зародилась современная пролетарская кооперация. И это было далеко не случайным, как показывает неудача попыток создать потребительскую кооперацию в Лондоне.

Казалось бы, Лондон, являющийся сосредоточием духовных сил всей страны, мог, во всяком случае, достигнуть того, что так блестяще удалось ничтожному Рочделю. Между тем потребительская кооперация, быстро распространявшаяся в фабричных городках северной Англии, натолкнулась на непреодолимые препятствия в мировой столице.

И это кажется тем более странным, что кооперативное движение Англии началось с учреждения в Лондоне в 1824 г. Лондонского кооперативного общества.

С того времени, когда в Рочделе жизнь выработала ту единственную форму, в которой потребительская кооперация может достигнуть полного развития, не прекращались

попытки создать и в Лондоне потребительскую кооперацию. Только за время 1881-1892 гг. в Лондоне было основано в разное время не менее 73 потребительских обществ, и все они погибли после короткого существования. Причины гибели их указывались разнообразные: плохая администрация, раздоры среди членов, растраты и хищения служащего персонала и многое другое — вот что вызвало гибель этих обществ согласно анкете, проведенной кооперативным союзом и Обществом оптовой продажи.

Но почему же именно в Лондоне — мировой столице — хуже справлялись с трудностями, естественно сопровождающими всякое хозяйственное предприятие, чем в Рочделе и других небольших фабричных городах, где потребительская кооперация достигла такого блестящего расцвета? В этом и заключается весь вопрос.

Ответ на него должен быть следующий. Для успеха потребительского общества требуется наличность совершенно определенной социальной среды. Кооператив только в том случае может существовать, если члены относятся к нему, как к чему-то им дорогому, ради чего они готовы идти на известные жертвования. Члены должны любить свой кооператив, составлять собой как бы одну семью, видеть в своем кооперативе самостоятельную ценность. Такое отношение к кооперативу гораздо легче достижимо в небольшом городе с мало меняющимся, устойчивым населением, чем в таком необъятном скоплении людей, каким является Лондон. Каким образом могут составить кооперативную семью жители Лондона, с переменой квартиры внезапно исчезающие из пределов досягаемости кооператива, не знающие своего соседа и имеющие множество интересов и приманок вне кооператива?

В среде населения, обладающего прочной оседлостью и хорошо знакомого друг с другом, имеется наилучшая почва для кооперации. В такой среде люди не боятся жертвовать своему кооперативу не только своими имущественными средствами, но и своим досугом и трудом. Действительно, сколько дарового труда со стороны всех более деятельных членов кооператива, а тем более со стороны лиц, руководящих им, требует кооператив! Если члены будут относиться к своему кооперативу как к обычному хозяйственному предприятию, то, конечно, такой кооператив не выдержит конкуренции с капиталистическими предприятиями.

В отсутствии подходящей духовной атмосферы и заключается основная причина неудачи лондонской кооперации. И это препятствие оказывается настолько существенным, что преодолеть его не могли самые упорные усилия создать в Лондоне потребительскую кооперацию рочдельского типа. В 1894 г. за дело взялась такая мощная и опытная в кооперативном строительстве организация, как Общество оптовой продажи, ассигновав для создания в Лондоне потребительского общества 3000 ф. ст. Оно само выбрало лиц для управления обществом, наняло помещение для магазинов, доставило обществу все нужные продукты — словом, организовало все дело наилучшим образом. В то же время Кооперативный союз, со своей стороны, предпринял в Лондоне деятельную агитацию в пользу нового общества и мобилизовал все свои силы, чтобы заинтересовать им лондонское население. Общество открыло сразу 5 магазинов под руководством лиц, опытных в управлении потребительскими обществами. Сначала дело пошло хорошо, и Гаукинс, председатель правления лондонского отдела Общества оптовой продажи, заявил на

конгрессе в Вульвиче в 1896 г., что пройдет немного времени и Лондон будет обладать самым крупным потребительским кооперативом во всей Великобритании.

Будущее далеко не оправдало этих ожиданий, и через несколько лет Лондонское общество закрылось вследствие постоянного сокращения своих операций. Оказалось, что никакая пропаганда и никакие денежные затраты не в силах создать потребительскую кооперацию, если для нее не имеется почвы в данной социальной среде.

Эта неудача в Лондоне рочдельской кооперации тем характернее, что в том же Лондоне прекрасно удаются потребительские общества иного, не кооперативного или не вполне кооперативного типа — чиновничьи общества, о которых будет идти речь в разделе о мелкобуржуазной кооперации.

Таким образом, следует признать, что наиболее благоприятной средой для развития потребительской кооперации являются не очень большие фабричные города, где имеется достаточно многочисленная группа оседлых и хорошо знающих друг друга, довольно однородных по своему образу жизни потребителей — фабричных рабочих, составляющих обширный рынок для предметов потребления массового характера и в то же время благодаря своему классовому составу и общему социальному облику обладающих достаточным социальным идеализмом и чувством товарищеской солидарности для социального творчества. И действительно, мы видим во всем мире, что рочдельские кооперативы удаются преимущественно в городах этого рода. Это наблюдается и в Англии, где потребительская кооперация сосредоточена преимущественно в северной части страны, в районах фабричной промышленности, и во Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии — словом, повсюду. Наоборот, мировые столицы — Лондон, Париж, Берлин, — если и не являются «кооперативными пустынями», то во всяком случае отстают по развитию в них потребительских кооперативов от менее крупных фабричных городов.

Итак, сферой развития потребительской кооперации является лишь определенная общественная среда. Затем, по самому существу потребительская кооперация может захватывать в данной стране только те отрасли хозяйства, в которых изготавливаются продукты, предназначенные для потребления внутри страны, но отнюдь не отрасли промышленности, работающие для экспорта. Продукты, предназначенные для вывоза, естественно, выходят за пределы деятельности туземных³⁴ потребительских обществ, ибо последние суть организации туземных потребителей, а не организации для сбыта товаров иностранным покупателям.

Итак, вся огромная область экспортной промышленности и торговли остается вне сферы влияния туземной потребительской кооперации. Но и по отношению к производству предметов ввоза влияние туземной потребительской кооперации весьма ограничено.

Правда, можно себе представить, что потребительские общества внутри страны организуют собственное производство этих предметов за пределами страны, в местах их производства. Образцы такого производства мы видим в чайных плантациях на Цейлоне, которые принадлежат английскому Обществу оптовой продажи. Но сколько-нибудь значительного развития производство этого рода получить не может в силу огромных трудностей для

руководительства промышленным предприятием за пределами страны — трудностей, которые для потребительского общества гораздо значительнее, чем для капиталистического предприятия.

Таким образом, из сферы хозяйства потребительских обществ почти целиком изымается производство всех продуктов, обращающихся в международной торговле. Предметы ввоза могут, конечно, закупаться потребительскими обществами, но почти не могут ими производиться. Предметы же вывоза ни продаваться, ни производиться потребительскими обществами не могут.

Далее, потребительские общества ограничивают свое хозяйство почти исключительно предметами потребления. Продажа же средств производства выходит за пределы хозяйственной деятельности потребительских обществ по той причине, что члены потребительских обществ, как не имеющие своего производства, в этих продуктах не нуждаются. Правда, общества потребителей имеют свое собственное производство, но размеры его столь ограничены, что спрос на средства производства со стороны потребительской кооперации сравнительно невелик. Потребительское общество не может устроить для своих надобностей железодельный завод, ибо железо лишь в ничтожной мере может понадобиться ему для собственных надобностей, и большую часть изготовленного железа пришлось бы продавать на сторону, что не соответствует задачам потребительских обществ. Каменноугольная шахта уже более может стать предметом эксплуатации потребительского общества, так как каменный уголь потребляется как топливо в домашнем хозяйстве. Но, как общее правило, потребительская кооперация лишь в очень незначительной степени нуждается в средствах производства, и, следовательно, изготовление средств производства по необходимости остается вне сферы потребительской кооперации.

Между тем для современного хозяйственного развития характерно растущее значение средств производства в общественной экономике. Это очень ярко сказывается в том, что руководящей отраслью промышленности все более и более становится железодельная промышленность (железо — важнейшее средство производства современности), в то время как еще не очень давно такую руководящую роль играла хлопчатобумажная промышленность. Таким образом, естественное развитие капитализма в этом отношении имеет тенденцию не увеличивать, а уменьшать значение потребительской кооперации в общем строе народного хозяйства, ибо народное хозяйство все более направляется на изготовление не предметов потребления, а средств производства.

Но и, помимо этого, многие отрасли хозяйства по самому своему существу непригодны для того, чтобы перейти в сферу действия потребительской кооперации. Это именно те отрасли хозяйства, которые по самой своей природе предполагают работу на все общество. Важнейшим примером хозяйственных организаций этого рода, непригодных для потребительской кооперации, является столь важная в современной хозяйственной жизни транспортная промышленность. Железная дорога для пассажирского передвижения не может быть устроена потребительским обществом, ибо по железной дороге ездят не только члены потребительского общества, но все население страны; железная дорога только для надобностей членов потребительского общества была бы экономической нелепостью — по

такой дороге было бы слишком мало движения и стоимость транспорта достигла бы чудовищных размеров. Можно себе представить, пожалуй, только , небольшую железнодорожную пригородную ветку местного значения в руках потребительского общества, и то только в том случае, если передвижение членов потребительского общества по этой линии так интенсивно, что окупает расходы по ее эксплуатации. Но и в этом случае постройка железной дороги потребительским обществом не была бы экономически целесообразна, ибо значительная часть населения — все не члены потребительского общества — исключалась бы из пользования дорогой, и потому такая дорога не могла бы конкурировать с железными дорогами обычного типа, которыми пользуются все.

Морское сообщение более пригодно для того, чтобы быть организовано потребительским обществом, и мы действительно видим, что Общество оптовой продажи имеет свою собственную небольшую флотилию. Однако и это возможно только в весьма ограниченных размерах, и пароходы Общества оптовой продажи служат не для пассажирского, а для грузового транспорта, и по очень понятным причинам: для пассажирского транспорта не хватило бы пассажиров — членов потребительских обществ.

В общем, нужно сказать, что железнодорожный и пароходный транспорт не может перейти в руки потребительских обществ, и только в ничтожной мере может быть организован на началах потребительской кооперации.

Сфера потребительской кооперации оказывается ограниченной и с этой стороны. Но этими пределами далеко не исчерпываются естественные границы, на которые наталкивается потребительская кооперация.

Потребительские общества ставят себе целью доставление своим членам необходимых для них предметов потребления. Из чего же состоят эти предметы потребления? Главным образом из различных предметов питания: те общественные классы, нуждам которых преимущественно служит потребительская кооперация, в силу незначительности своего дохода принуждены большую часть последнего тратить на свою пищу.

Поэтому важнейшую роль среди продуктов, продаваемых потребительскими обществами, играют разные предметы питания. Возникает вопрос, могут ли потребительские общества организовать собственное производство сельскохозяйственных продуктов.

Ответ на это должен быть дан отрицательный. Дело в том, что в силу особенностей сельского хозяйства мелкое крестьянское хозяйство сильнее капиталистического. Но потребительское общество может организовать сельскохозяйственное производство только на началах наемного труда. Поэтому сельскохозяйственное производство потребительского общества не может не страдать всеми недостатками капиталистического сельского хозяйства и оказывается так же слабо в конкуренции с крестьянским хозяйством, как и капиталистическое сельское хозяйство.

И действительно, мы видим, что все попытки Общества оптовой продажи организовать собственные молочные и иные фермы оказались более или менее неудачными или, во всяком случае, не вполне удачными. Правда, общество имеет чайные плантации на острове

Цейлоне, но это потому, что в чайном деле капиталистическое хозяйство более выгодно. Вообще, нельзя отрицать, что в отдельных случаях возможна организация потребительскими обществами собственного сельскохозяйственного производства, но лишь в отдельных случаях. Как общее же правило, нужно признать, что в сфере сельского хозяйства потребительские общества силой вещей обречены на роль простых покупателей продуктов, производимых не ими.

Поэтому нас несколько не должны удивлять сравнительно ничтожные размеры собственного производства потребительских обществ. И что же мы видим? При более чем 3 миллионах членов потребительских обществ в производственных предприятиях всех обществ было занято в 1914 г. всего 53 923 рабочих.

Число членов потребительских обществ Великобритании с семьями значительно превышает четверть всего населения страны. Напротив, число рабочих в производственных предприятиях потребительских обществ составляет ничтожную долю процента всего рабочего населения страны. И нет основания думать, чтобы это соотношение существенно изменилось к лучшему по мере дальнейшего развития потребительской кооперации.

И общие теоретические соображения, и факты показывают, что потребительская кооперация хотя и растет, но рост ее наталкивается на известные пределы, почему темп ее роста там, где она уже успела достигнуть значительного развития, падает. Правда, еще и теперь в Англии оборот потребительских обществ растет быстрее суммы роста внешней торговли страны: за десятилетие 1901—1910 гг. оборот потребительских обществ возрос на 48,3 %, в то время как сумма всего национального ввоза и вывоза возросла за то же время на 36,9 %. Но темп роста оборотов потребительских обществ в общем падает:

1861-1870 гг. 303,5 %

1871-1880 гг. 163,5%

1881-1890 гг. 96,5%

1891-1900 гг. 34,5%

1901-1910 гг. 48,3%

Еще характернее цифры закупок в потребительских обществах на одного члена (разделить общую сумму продажи в потребительских обществах на число членов):

Год	Сумма	Год	Сумма
1905	28 ф. 7 шилл.	1910	28 ф. 5 шилл.
1906	28" 10"	1911	28" 7"
1907	29" 6"	1912	28" 13"
1908	29"	1913	29" 7"
1909	28" 10"	1914	28" 16"

Эти цифры не показывают почти никакого роста, хотя члены потребительских обществ расходуют в своих обществах только небольшую долю своего дохода, который определяется

приблизительно в 110 ф. ст. Только в тех странах, в которых потребительская кооперация находится в начале своего развития, наблюдается ее быстрый рост. Так, например, в Германии, в которой рост потребительских обществ был искусственно задержан особыми условиями германского общественного развития, мы видим за последние годы чрезвычайно быстрое увеличение как числа членов, так и оборотов потребительских обществ, далеко оставляющее за собой то, что мы наблюдаем в этом отношении в Англии. В Германии за время 1899-1909 гг. оборот потребительских обществ поднялся на 269 %, в то время как обороты внешней торговли возросли лишь на 59 %. Но эти успехи находятся в очевидной связи с молодостью германской кооперации и должны неизбежно прекратиться с течением времени. В особенности ясна ограниченность потребительской кооперации в сфере производства. Если в области приобретения продуктов потребительской кооперации удалось все же достигнуть очень многого, то по отношению ко всему национальному производству собственное производство потребительских обществ является величиной совершенно незначительной. И это положение вещей не может быть изменено никакими усилиями потребительских обществ по причинам, которые были указаны.

Невозможность расширения собственного производства очень наглядно обнаруживается в том, что английские потребительские общества вложили к 19 И г. в свое производство только около 8 млн. ф. ст., а их капиталы, вложенные в частные капиталистические предприятия (преимущественно в железные дороги), достигают в несколько раз большей суммы.

Все это доказывает, что характерные для раннего периода кооперативного движения мечты о вытеснении силами одной кооперации существующей хозяйственной системы не имеют под собой реальной почвы. Как бы ни была велика мощь кооперации, но кооперация является лишь одной из многих сил, преобразующих современное капиталистическое хозяйство. Так, кооперация отнюдь не может выполнять тех хозяйственных функций, которые с успехом выполняются принудительными органами общества — государством и муниципалитетами. Взять, например, область железнодорожного хозяйства — здесь кооперация бессильна, но государство вполне доказало свою способность руководить железнодорожным делом. Снабжение городов газом, водой, электричеством, трамвайное сообщение наилучшим образом могут быть организованы городскими муниципалитетами. Народное образование в широком смысле слова (включая сюда библиотеки, музеи и прочие образовательные учреждения и т.д.) также, естественно, ложится на государство и муниципалитеты. Где муниципалитеты берут на себя организацию продажи населению тех или иных продуктов, там кооперативы иногда отказываются от конкуренции с муниципалитетами в данной области. Так, в Италии, в городах, где существуют городские хлебопекарни, потребительские общества обычно не продают хлеб.

Среди различных общественных союзов, выполняющих функции снабжения населения необходимыми ему предметами потребления, особенно выдвинулись за последнее время городские муниципалитеты, развитие деятельности которых создало целое общественное течение, обычно называемое «муниципальным социализмом». Муниципалитет нередко конкурирует с потребительской кооперацией, и естественно, что кооперация должна занять определенную принципиальную позицию по отношению к муниципальному социализму.

Более старые кооператоры рочдельской школы, для которых потребительская кооперация была единственным средством решения социального вопроса, принципиально отрицали какую бы то ни было принудительную организацию общественного хозяйства, в том числе и муниципальную. Кооперация казалась им вполне справедливо высшей хозяйственной системой, чем муниципальное хозяйство, и всякое ограничение кооперативного хозяйства муниципальным они признавали принципиально недопустимым. Теперь сознание естественной ограниченности сферы достижения потребительских обществ приводит и самих кооператоров к сочувственному отношению к муниципальному социализму. Так, на одном из недавних конгрессов Кооперативного союза секретарь Международного союза Мюллер³⁵ сказал по этому вопросу следующее:

“ «Для кооператора приятно констатировать, что некоторые крупные города Великобритании и континента уже много сделали в смысле организации потребительских интересов своих обитателей, создав для них общественное снабжение газом, водой и электричеством, построив жилища, общественные бани и организовав трамвайное сообщение. С моей точки зрения, это муниципализаторское движение по самой своей сущности и целям близко подходит к нашему, и я думаю, что понимающий принципы нашего движения кооператор имеет полное основание принимать участие как гражданин в развитии и расширении подобных предприятий его общины».

5. Потребительская кооперация и борьба классов

Потребительская кооперация является той формой кооперации, которая резче сталкивается с интересами некоторых общественных классов, в особенности класса торговцев. Поэтому ни один другой вид кооперации не встречает в своем развитии такого сильного общественного противодействия, ибо торговый класс является влиятельным и могущественным в современном обществе. Наиболее яркие формы общественной борьбы на основе роста потребительской кооперации получила в Германии соответственно вообще особой обостренности классовой борьбы в этой стране.

Как будет указано ниже (в главе о возникновении мелкобуржуазной кооперации), германская кооперация рочдельского типа возникла сравнительно недавно, причем она первоначально примыкала к Всеобщему союзу, основанному Шульце, имевшему резко выраженный мелкобуржуазный характер. Потребительские общества пролетарского состава начинают быстро расти со времени девяностых годов прошлого века преимущественно в фабричных центрах Саксонии и складываются в формы рочдельской кооперации в противность мелкобуржуазному типу более старых германских потребительских обществ. Эти новые пролетарские общества не замедлили вызвать к себе самую ожесточенную вражду со стороны руководителей шульцевского союза — вражду,

которая закончилась исключением их из союза вопреки их собственному желанию (обо всем этом будет идти речь ниже, в отделе мелкобуржуазной кооперации). Но и после того как пролетарские общества образовали свой особый союз — Центральный союз германских потребительских обществ, руководители шульцевского союза продолжали, как могли, вредить пролетарской кооперации в правительственных кругах, а также в кругах имущих классов, настаивая на том, что пролетарские кооперативы представляют собой социал-демократические организации, хотя на самом деле кооперативы эти ровно ни в какой связи с политической партией социал-демократии не состоят и строго придерживаются принципа политического нейтралитета (что отнюдь не мешает большинству членов этих кооперативов примыкать к социал- демократической партии).

Но, конечно, главным врагом пролетарской кооперации являются не мелкобуржуазная кооперация и ее руководители, а те общественные классы, интересам которых угрожает рост пролетарских кооперативов, и прежде всего класс торговцев, особенно же мелких торговцев. С тех пор как потребительские общества в Германии благодаря участию в них рабочих масс стали быстро расти, начинается и энергичная агитация против них торговцев.

На почве этой борьбы торговцев с потребительскими обществами возникли своеобразные хозяйственные организации торговцев — так называемые «общества скидок» (Rabattvereine). Общество скидок является организацией торговых фирм, которые на основании общего соглашения предоставляют лицам, примыкающим к этим обществам, получать известные скидки с цены товаров, продаваемых в соответствующих магазинах.

Торговцы вступают в такие соглашения ради привлечения к себе клиентов. Однако в большинстве случаев льготы подобного рода оказываются мнимыми, так как торговые фирмы имеют множество способов уклониться от исполнения своего обязательства путем продажи товара худшего качества или по повышенной цене. Но если даже торговые фирмы и исполняют свои обязательства вполне добросовестно, организации такого рода не имеют ничего общего с целями рочдельской кооперации.

Цели рочдельской потребительской кооперации отнюдь не исчерпываются удешевлением предметов потребления, но идут гораздо дальше; рочдельские общества стремятся освободить потребителя от зависимости торгового посредничества во всех его видах. Поэтому общества эти по самой своей природе должны вести борьбу с капиталом, и отсюда вытекает для них необходимость работать над созданием новой хозяйственной системы. В результате этой борьбы получаются огромные выгоды для потребителей. Напротив, общества скидок как организации торгового капитала оставляют торговое посредничество во всей его силе и даже укрепляют позицию торгового посредника, привлекают к нему новых клиентов. Поэтому общества скидок являются ни чем иным, как одним из орудий борьбы торгового капитала с потребительской кооперацией путем отвлечения менее сознательных общественных элементов от вступления в потребительские общества, которые требуют самостоятельности от своих членов и готовности на известные жертвы, но зато и обещают им гораздо более крупные выгоды, чем общества скидок, не требующие никаких жертв, но зато ничего существенного и не дающие их клиентам.

Потребительские общества не только уменьшают для своих членов расходы по приобретению необходимых предметов потребления, но являются еще и самым действительным средством в борьбе с фальсификацией продуктов, которая достигает при условии капиталистической торговли чудовищных размеров. Как показали специальные обследования, большая часть предметов потребления, приобретаемых в мелких лавочках более бедными классами населения, в большей или меньшей степени фальсифицирована. Потребитель не имеет никакой возможности проверить, фальсифицирован ли приобретаемый им продукт или нет, и является беспомощной жертвой эксплуатации лавочников. Только потребительские общества дают надежные средства для борьбы с фальсификацией. Общества скидок в этом отношении ровно никакого значения не имеют, ибо они оставляют потребителя в руках торговцев.

Вообще, общества скидок реальных экономических выгод потребителю не обещают даже при полной добросовестности торговых фирм. Взаимная конкуренция между фирмами и так понижает процент торговой прибыли до довольно низкого уровня, и не понятно, каким образом общества скидок могут сделать процент торговой прибыли еще более низким. Пока этих обществ мало и число участвующих в них фирм ограничено, фирмы могут выигрывать на отвлечении покупателей от других фирм, не участвующих в данных организациях, и таким образом, расширяя свои обороты, могут понижать процент прибыли на каждом отдельном товаре. Но если число фирм, участвующих в таких организациях, возрастает, то и выгоды участия в них путем возможности расширения своих оборотов за счет не участвующих фирм для каждой отдельной фирмы падают и, значит, фирмы не имеют возможности понижать процент прибыли, падающей на каждый отдельный товар.

Несмотря на свою полную недействительность по отношению к интересам потребителей, общества скидок за последние годы получили в Германии очень большое распространение. В настоящее время число таких обществ определяется в Германии многими сотнями, а число членов — десятками тысяч. Все они образуют один общеимперский союз, распадающийся на подотделы, подобно имперскому союзу потребительских обществ и его подотделам.

Успех обществ скидок объясняется тем, что они являются организациями торговцев, борющихся с потребительскими обществами. Именно общества скидок и ведут наиболее деятельную агитацию против потребительских обществ. Рядом с ними имеется целый ряд иных организаций торговцев, преследующих те же цели. Вообще германские торговцы копируют потребительскую кооперацию и стремятся бороться с нею ее же оружием. Так, в 1904 г. германские торговцы колониальными товарами образовали центральное общество оптовой продажи по образцу таких же организаций потребительских обществ.

Кроме того, торговые классы Германии располагают многими обществами и союзами, не имеющими характера хозяйственных предприятий и преследующими цели защиты интересов торговцев против всех враждебных им общественных течений. Эти общества и союзы выступают под общим флагом защиты интересов «средних классов общества». Одним из главнейших врагов средних классов признается потребительская кооперация, с которой организации этого рода ведут самую ожесточенную борьбу.

Так, например, основанный еще в 1898 г. Немецкий союз промышленности и торговли выставил в числе других своих требований также и «запрещение всех потребительских обществ и торговых домов для военных, чиновников и иных служащих». Союз этот является главной цитаделью борьбы с потребительскими обществами, к чему, собственно говоря, и сводится вся его деятельность. Союз стремится влиять на правительство и законодательные палаты в смысле, враждебном потребительской кооперации.

В отчете союза за 1908-1909 гг. читаем по вопросу о потребительских обществах следующее: «Потребительские общества из года в год дают повод правлению союза обращать внимание властей на все возрастающую опасность от этих организаций для мелких и средних предприятий. Прошлом собрание союза вновь потребовало, чтобы было обращено внимание правительства на эту опасность. В соответствии с этим правление составило обширную записку, в которой указывало на развитие как социал-демократических, так и чиновничьих потребительских обществ. В этой записке обращается внимание министров, равно как рейхстага, на опасность для государства распространения потребительской кооперации. «Социал-демократия пользуется потребительскими обществами как испытанным средством уничтожения консервативных общественных элементов. Недальновидно со стороны государства не только предоставлять своим чиновникам полную свободу устраивать потребительские общества, но даже и поощрять разными способами последние».

Все эти организации выпускают в свет разнообразную литературу, посвященную борьбе с потребительскими обществами. В этой литературе потребительские общества объявляются созданием социал-демократии и средние общественные классы призываются к уничтожению потребительских обществ. Сплошь и рядом литература эта принимает характер открытых политических доносов, причем поименно указываются чиновники и городские служащие, занимающие те или иные должности в потребительских обществах. Нередким приемом борьбы с потребительскими обществами является следующий.

В Германии потребительским обществам запрещено законом продавать свои продукты не-членам. Враждебные обществам лица всячески стараются уличить последних в продаже товаров не-членам; для этого посылают кого-либо с улицы, чтобы незаконным образом купить в лавке потребительского общества, и затем немедленно доносят властям.

Вместе с тем торговые организации, равно как и отдельные торговцы, всеми способами стараются помешать развитию операций потребительских обществ, причем обычным средством является бойкот обществ и запугивание всех тех лиц, кто состоит в сношениях с потребительской кооперацией. Членам потребительских обществ нередко отказывают в продаже нужных им продуктов, если они обращаются в обычную лавку, торговцам же, которые продают свои товары обществам, отказывают в каких бы то ни было коммерческих сношениях как изменникам своему классу. Иногда бойкот распространяется на фирмы, которые помещают свои объявления в прессе потребительских обществ. Бойкоту подвергаются и служащие в потребительских обществах, в случае если им приходится искать место в обычных лавках. Иногда составляются проскрипционные листы всех лиц, так или иначе имеющих хозяйственные связи с потребительской кооперацией, не только служащих, но и торговцев, фабрикантов и пр., состоящих в коммерческих сношениях с

потребительской кооперацией. Такой проскрипционный список составлен был, например, в 1904 г. в Галле и сообщен местным торговцам со следующим сообщением: «Присылаемый список очень обширен и является результатом большого труда. Ваше дело воспользоваться им. Для этого вы должны, если только вы нуждаетесь в услуге какого-либо ремесленника или, если вам нужно у кого-либо купить какой-либо товар, прежде всего удостовериться, не стоит ли данное лицо в названном списке. Если оно стоит в списке, то вам следует ранее заказа настоять на том, чтобы данное лицо прекратило все сношения с потребительскими обществами и вернулось к сношениям со свободными торговыми предприятиями. Указывайте ему, как горько почувствовал бы он сам, если бы его лишили его клиентуры, и настаивайте, что основой социального мира является правило: жить самому и давать жить другим».

В случае согласия бойкотируемого лица отказаться от сношений с потребительскими обществами, оно должно подписать особое письменное обязательство, которое и сообщается руководителям бойкотистской кампании — правлению местного союза общества скидок. Даже простые члены потребительских обществ подвергаются подобному бойкоту и рискуют потерять работу в капиталистических предприятиях.

Иногда членам потребительских обществ отказывают в квартирах или же отдают квартиры лишь по повышенной плате. В некоторых городах домовладельцы, являющиеся вместе с тем и торговцами, даже включают в свои контракты с квартирантами особый пункт о непринадлежности квартиранта к потребительскому обществу. Еще труднее потребительскому обществу найти помещение для своих общих собраний, так как владельцы подходящих помещений нередко принципиально отказывают уступать их для надобностей кооперативов, почему иногда приходится устраивать такие собрания под открытым небом.

Особенно усиленно агитируют торговые организации против участия чиновников в потребительских обществах. При этом развивается такая аргументация. Торговцы являются основой среднего класса общества; средний общественный класс является опорой современного государства, и от него получает свои денежные средства казна. Поэтому государство должно считать недопустимым для своих служащих, чтобы они участвовали в организациях, уничтожающих средние классы.

Иногда требования торговцев, обращенные к властям, принимают более мягкие формы, оставаясь такими же по существу. Очень характерны в этом смысле пожелания Гессенского союза торговцев, вынесенные на общем собрании союза в 1908 г.:

“ «Союзу чужда мысль требовать, чтобы правительство совершенно запретило своим чиновникам участвовать в потребительских обществах. Союз хорошо понимает, что такой меры нельзя советовать правительству, так как она равносильна ограничению личной свободы граждан. Но, конечно, правительство может поступить, как это сделало баварское министерство путей сообщения, — указать, что участие его чиновников в

потребительских обществах не согласно с общечеловеческой справедливостью, а в особенности с деятельностью чиновников».

В других случаях организации торговцев менее умеренны и прямо требуют закрытия всех чиновничьих потребительских обществ.

При этом вся эта агитация проводит глубокое различие между потребительской и всякой иной кооперацией: очень часто определенно указывается, что торговый класс ничего не имеет против крестьянской кооперации и только потребительская кооперация признается им недопустимой.

В петиции президенту прусского совета министров, князю Бю-лову, представленной от имени Центрального союза германских обществ для защиты промышленности и торговли в 1908 г., было выдвинуто требование, чтобы допущение деятельности существующих потребительских обществ, равно как и устройство новых, было разрешаемо лишь с особого согласия в каждом отдельном случае правительственной власти. Осуществление этого требования дало бы возможность властям совершенно уничтожить потребительскую кооперацию.

Правда, такая крайняя мера не встретила сочувствия со стороны законодательных палат и потому не могла осуществиться. Но, несомненно, правительства различных германских государств не остались глухи к домогательствам торговцев, и отношение правительственных властей к потребительской кооперации было и остается совершенно иным, чем к другим видам кооперации. Враждебность германских правительств к потребительской кооперации обнаруживается очень ярко. Статья закона, запрещающая потребительским обществам продажу не-членам, дает повод к многочисленным стеснениям потребительских обществ в их нормальной деятельности по отношению к членам. Местные власти путем всевозможных мелочных придирок стараются затруднить деятельность потребительских обществ, что им нередко и удается. Об отношении местных властей к потребительской кооперации может дать понятие следующий ответ магистра города Ахена на просьбу центральной организации германских потребительских обществ — Общества оптовых закупок — разрешить постройку в пределах города мыловаренного завода: «Магистрат постановил отклонить эту просьбу, ибо постройка мыловаренного завода не соответствует государственным и местным интересам. Очевидно, мыловаренный завод является только началом целого ряда подобных кооперативных предприятий в Ахене. Это ясно как из обширных размеров приобретенного обществом земельного участка, так и из публичных заявлений депутатов рейхстага Пеуса и фон Эльма. По словам этих последних, «Общество оптовых закупок» имеет в виду устроить в Ахене различные другие фабрики и вообще концентрировать в Ахене кооперативное производство. Производство это угрожает существованию многочисленных торговцев и ремесленников разного рода, так же как и интересам многих домовладельцев, которым грозит утрата квартирантов и нанимателей лавок. Кооперативное производство угрожает гибелью так называемых средних классов общества, противоречит интересам государства и не соответствует желанию правительства охранять интересы средних классов общества, особенно же ремесленников».

На такие неожиданные, необоснованные возражения местных властей против расширения деятельности потребительских обществ последним приходится наталкиваться сплошь и рядом.

Государственные власти также нередко запрещают рабочим государственных предприятий и своим чиновникам принимать участие в определенных потребительских обществах, особенно в тех из них, среди руководителей которых имеются социал-демократы. Так, например, прусский министр железных дорог фон Будде издал в 1904 г. следующий циркуляр своим подчиненным местам: «Вообще желательно, чтобы служащие в управлении государственных железных дорог получали нужные им продукты при посредстве обычных лавок. Обращаю внимание, что принятие на себя служащими в управлении государственных железных дорог должностей в правлениях потребительских обществ и предоставление помещений в казенных зданиях для торговых операций потребительских обществ допустимо лишь в тех случаях, когда создание или сохранение потребительского общества является действительно необходимым. Последнее же я могу признать лишь тогда, когда:

- 1) большому числу служащих вследствие удаленности их местожительства от торговых заведений существенно затрудняется приобретение предметов жизненной необходимости;
- 2) когда замечается в данном районе дороговизна жизни длительного характера;
- 3) когда есть основания опасаться, что служащие будут удовлетворять свою потребность в удешевлении своей жизни путем участия в потребительских обществах, которые фактически преследуют не только частнохозяйственные цели».

Сходным образом относятся к потребительским обществам и другие министры различных германских правительств, причем подобные циркуляры далеко не остаются только на бумаге, но приводятся в исполнение с величайшей строгостью. Участие в потребительских обществах, входящих в состав Центрального союза германских потребительских обществ, обычно рассматривается властями как несовместимое с пребыванием на государственной службе или работой в государственных предприятиях, и виновные в этом немедленно увольняются. Пожелания торговых организаций получили, таким образом, в данной области полное осуществление.

Даже потребительские общества чиновников встречают в Германии несочувственное отношение власти; нередко чиновникам указывается на желательность участия вместо потребительских обществ в обществах скидок

Местная полиция пользуется всяким поводом, чтобы не разрешать собрания потребительских обществ пролетарского состава. Хотя эти общества в Германии, как сказано, политически совершенно нейтральны и никакой связи с социал-демократией не имеют, они всегда стоят под угрозой закрытия под предлогом их политического характера. Так, одно из крупнейших германских обществ потребителей — Лейпциг-Плагвицкое — едва не было закрыто за то, что передало несколько сотен марок совершенно неполитическому образовательному кружку рабочих.

Но главным орудием борьбы с потребительскими обществами является для германских правительств крайне несправедливое и тяжелое обложение налогами. В Англии потребительские общества свободны от обычного промыслового обложения, и это только справедливо, ибо потребительские общества не дают никакой прибыли и распределяемые ими остатки не имеют по своей экономической природе ничего общего с дивидендом акционерных компаний.

В Германии положение потребительских обществ иное. Первоначально, пока потребительские общества были распространены преимущественно среди мелкой буржуазии, германское обложение потребительских обществ было более или менее справедливо: облагались особым налогом только те общества, которые продавали товары не-членам, и лишь соответственно той части своих доходов, которая получалась ими от не-членов. Затем была совершена первая несправедливость: был обложен весь доход потребительских обществ, продающих не-членам, т.е. и тот остаток, который получался от сбережений на цене при покупках членами.

Затем, в 1889 г. потребительским обществам было запрещено продавать товары не-членам. Эта мера должна была, по мысли ее инициаторов, замедлить рост потребительских обществ, лишив их значительной части клиентов. На самом же деле она привела к противоположному результату: не-члены, не желая терять выгод от приобретения предметов потребления через посредство общества, стали вступать в число членов последних, которые именно с этого времени стали быстро расширять свои обороты.

Тогда власти начали борьбу с ростом потребительских обществ при посредстве налогового законодательства: их стали подчинять обычному промысловому обложению и притом таким образом, что потребительские общества должны были платить не менее, а более, чем обычные промышленные предприятия.

Неудивительно, что Гере, описывая все эти формы борьбы с потребительскими обществами в Германии, с тех пор как эти организации получили огромное распространение среди германского пролетариата, приходит к следующему заключению: «Все это не что иное, как классовая борьба, в которой германские рабочие потребительские общества уже давно так же участвуют, как и германский пролетариат вообще... Поэтому неверно обычное утверждение, что кооперация есть мир. Нет, кооперация, во всяком случае пролетарская потребительская кооперация, есть борьба, и именно классовая борьба. Не имеет значения, что генеральный секретарь Центрального союза заявляет в отчете союза за 1908 г., что рабочие потребительские общества принципиально отвергают, чтобы они представляли собой классовую кооперацию, хотя они и не спорят, что они обязаны своим возникновением и развитием определенному общественному классу. Это неверно, и это опровергается фактами. Еще более ложно то, что д-р Крюгер опять повторил на весь свет в декабре 1909 г., будто рабочие потребительские общества не что иное, как боевые и классовые организации социал-демократической партии. Правда, доказываемая фактами, и которой не может не видеть никто, кто не желает от нее отворачиваться, заключается в следующем: потребительские общества суть боевая и классовая организация современного пролетариата точно так же, как партия и рабочие союзы. Потребительские общества имеют свое самостоятельное значение, как и каждая из двух последних организаций. В

противоположность этим последним они преследуют исключительно хозяйственные цели и — никто не может доказать противного — не стремятся в своей деятельности ни к каким политическим целям, стоят совершенно вне политических партий. Но они не менее, чем эти последние, боевые и классовые организации современного пролетариата».

6. Потребительская кооперация в России

Потребительская кооперация в России, как и вообще русская кооперация, имеет преимущественно крестьянский характер. Возникла же она в шестидесятые годы прошлого века в среде имущих классов, на почве того общественного подъема, который характеризовал собой это время.

Пролетарская потребительская кооперация начинает развиваться у нас только в самое последнее время. Как правильно указал С. Н. Прокопович³⁶, успехи пролетарской потребительской кооперации задерживаются в России целым рядом неблагоприятных условий. Важнейшим из них является то, что у нас не достиг еще значительного развития класс фабричного пролетариата. Правда, у нас имеется несколько миллионов фабричных рабочих, но из них значительная часть еще не утратила связи с деревней. По данным Всероссийской переписи 1897 г., 57,1 % рабочих, занятых в нашей промышленности, были одиночками, т. е. жили без семьи, причем часть их совсем не имела семьи, а другая часть имела семью в деревне. Но бессемейный рабочий, как общее правило, не имеет своего домашнего хозяйства — столуется он не дома, а либо у хозяина предприятия, где работает, либо у квартирной хозяйки, либо в трактире. В потребительском обществе такие рабочие почти не нуждаются и, во всяком случае, не могут расходовать в этих обществах значительную часть своего бюджета.

Но и семейный рабочий только тогда может много давать потребительскому обществу, когда его заработная плата достаточно высока. При крайне низком уровне заработной платы в России до революции наш фабричный рабочий являлся плохим покупателем. Так, например, по бюджетному обследованию условий жизни петроградских рабочих, более трети рабочих никогда не покупали нового платья, довольствуясь приобретением ношеного. Естественно, что при таких условиях потребительская кооперация среди нашего фабричного пролетариата не могла достигнуть того развития, как на Западе.

Правда, наряду с этим в наших экономических условиях имеются и противоположные факторы, благоприятствующие созданию потребительских организаций среди рабочего класса. А именно: значительная часть наших фабрик расположена вдали от городских поселений и торговых центров. Удовлетворение потребительских нужд фабричных рабочих путем приобретения предметов потребления в обычных лавках наталкивается в этом случае на серьезное препятствие в виде отсутствия или недостаточного количества этих лавок. В этом случае сама жизнь требует создания какой-либо особой организации для удовлетворения потребительских нужд рабочих.

В наших русских условиях положение это привело к тому, что потребительские организации рабочих сложились довольно рано и получили довольно значительное развитие, но в своеобразной, почти некооперативной форме. Отдаленность наших фабрик от торговых центров уже издавна привела к тому, что у нас получила огромное распространение система фабричных лавок, причем эти фабричные лавки являлись в руках фабрикантов орудием самой грубой эксплуатации фабрикантами своих рабочих. Когда же с созданием нашей фабричной инспекции органы инспекторского надзора начали борьбу с оплатой труда рабочих при помощи товаров, фабричные лавки уступили место фабричным потребительским обществам, которые номинально являлись потребительскими кооперативами пролетариата, но фактически во многих случаях мало отличались от прежних фабричных лавок, так как эти потребительские общества находились в полной зависимости от фабрикантов и служили их интересам.

В сходном положении находятся и железнодорожные рабочие. Среди них чувствуется также настоящая нужда в особых потребительских организациях, но в то же время вследствие общих условий нашей общественности организации эти до революции с трудом сохраняли самостоятельность и, как общее правило, находились в сильной зависимости от правления дороги.

Таким образом, у нас имелись три различного рода пролетарских кооперативов: зависимые фабричные потребительские общества, зависимые железнодорожные потребительские общества и независимые рабочие потребительские общества.

Зависимые фабрично-заводские и железнодорожные общества представляли собой во многих отношениях очень сходный тип. Они не могли считаться вполне кооперативными организациями, так как находились под сильным влиянием правлений соответствующих капиталистических предприятий и во многих случаях являлись простым придатком к этим последним. Это сказывалось очень наглядно в том, что, как общее правило, выбор членов правления в таких обществах не был свободным; нередко правление состояло в большей своей части из членов администрации предприятия. Затем, так как в уставах многих таких обществ имеется пункт, согласно которому членами общества могут быть только служащие в данном предприятии, то администрация последнего имела полную возможность исключать любого члена общества путем увольнения его из числа служащих.

Иногда лавка фабрично-заводского потребительского общества становилась простым отделением фабричной конторы, воскрешая собой фабричные лавки прежнего времени.

Неудивительно, что потребительские общества при фабриках и заводах сплошь и рядом вызывали к себе резко враждебное отношение со стороны рабочих. Во время рабочих беспорядков на Брянском заводе в Екатеринославе 1898 г. рабочие подожгли и разграбили лавку потребительского общества. Такие случаи бывали неоднократно.

Заводоуправления сплошь и рядом распоряжались капиталом состоящих при них потребительских обществ по своему усмотрению и затрачивали их капиталы на нужды заводов, состоя в неоплатном долгу по отношению к обществам. Во всех этих случаях форма потребительского общества прикрывала собой организацию, ничего общего с кооперацией

не имеющую.

Действительно кооперативными организациями среди нашего фабричного пролетариата являлись лишь так называемые независимые рабочие потребительские общества. Во всяком случае, такие кооперативы были и до революции 1917 г. Самым крупным из них был эфемерный Трудовой союз, возникший среди петроградских рабочих летом 1906 г., быстро достигший значительных размеров (в октябре 1907 г. число членов в нем превысило 8 тыс.), но уже в начале 1908 г. принужденный ликвидировать дело. Причина крушения Трудового союза заключалась, помимо преследований администрации, в плохой постановке всей коммерческой стороны дела.

Война привела к колоссальному росту потребительской кооперации. По подсчету А. Меркулова в Союзе потребителей к 1 января 1917 г. у нас было уже 20 000 потребительских обществ. Число членов их должно было быть не менее 5 миллионов. Правда, большая часть этих обществ, равно как и членов, приходится не на города, а на села.

Однако и в городах потребительская кооперация под влиянием обостренного продовольственного кризиса во время войны сделала огромные успехи, причем особенно характерно, что в городах стали возникать огромные потребительские общества многолапочного типа. Такие потребительские общества в 1916 г. возникли в Москве, Киеве, Самаре, Харькове, Иркутске и других городах. На первом месте среди них стало московское общество «Кооперация» с числом членов свыше 60 000.

Февральская революция в истории русской кооперации явилась новой эрой, ибо впервые русская кооперация получила полную свободу своего развития. С кооперации были сняты узы, которые стесняли ее свободный рост при старой власти, и кооперация пошла по новому пути свободного самоопределения.

В области пролетарской кооперации немедленным последствием этого нового положения дела явился чрезвычайный рост независимых рабочих потребительских обществ. Пролетариат, создавший революцию и ставший во главе ее, конечно, не мог не взять в свои руки те потребительские общества, которые в прежнее время были в руках фабричной администрации. Зависимые фабричные потребительские общества рабочих быстро стали переходить в руки самих рабочих. Так, в Москве перешло в руки рабочих огромное потребительское общество, общество фабрикантов и заводчиков, обслуживающее до 200 тыс. рабочих. То же произошло в Петрограде в потребительском обществе Путиловского завода, обслуживающем 35 тыс. рабочих, и на многих других фабриках и заводах России.

Рядом с этим в изобилии стали возникать и новые рабочие кооперативы. Кооперативный закон³⁷, изданный Временным правительством, сделал открытие новых кооперативов, равно как и союзов их, совершенно свободным. В связи с огромным подъемом самосознания рабочего класса, а также с бблыпим и большим обострением продовольственного кризиса, это не могло не повести к быстрому росту пролетарской кооперации. Русская пролетарская кооперация — как и на Западе — выступила с совершенно определенными симпатиями к социализму. По словам одного из видных деятелей этой кооперации М. Л. Хейсина³⁸, число членов пролетарских потребительских обществ достигло к началу октября 1917 г. крупной

цифры в 1,5 миллиона.

Рост пролетарских потребительских обществ повел к тому, что пролетарские кооперативы почувствовали потребность в самостоятельном объединении. 1-7 августа 1917 г. состоялся первый Всероссийский съезд представителей рабочих потребительских обществ. На этот съезд явилось более 200 представителей пролетарских кооперативов.

Главным вопросом съезда был вопрос о том, какое положение пролетарская кооперация должна занять по отношению к имеющимся всероссийским объединениям кооперации, и прежде всего по отношению к всероссийскому объединению потребительской кооперации в виде московского Союза потребительских обществ.

Московский Союз потребительских обществ³⁹ возник еще в 1898 г. и стал центральной закупочной оптовой организацией для потребительской кооперации России. В состав этого мощного союза, которым может гордиться русская кооперация (обороты его в настоящее время превышают 200 млн. руб. в год), входят разнообразные потребительские общества как пролетарского, так и непролетарского состава, причем, однако, первые, несомненно, преобладают. Так, в 1912 г. число членов в фабрично-заводских и железнодорожных обществах, примыкающих к союзу, составляли 60,6 % общего числа членов обществ союза.

Съезд постановил образовать особый идейный центр пролетарской кооперации, но нового хозяйственного центра не создавать, продолжая участвовать в московском союзе.

Глава IV.

Домостроительная кооперация

Родиной домостроительной кооперации, как и пролетарской кооперации вообще, является Англия. Появление этого вида кооперации тесно связано с развитием капиталистической хозяйственной системы. Характерный для капитализма рост больших городов приводит к крайнему вздорожанию квартир, в особенности для беднейших слоев городского населения. Вместе с тем благодаря чрезвычайной скученности городского населения существенно ухудшаются жилищные условия большинства городского населения. Отсюда настоятельная потребность городского пролетариата, а также и вообще всех менее достаточных слоев городского населения, включая сюда хуже оплачиваемых служащих, чиновников и лиц либеральных профессий, в мерах общественной самопомощи для улучшения жилищных условий и понижения расходов по оплате жилища.

Первые домостроительные товарищества возникают в Англии еще ранее потребительских обществ и, по-видимому, вне всякой связи с великим общественным движением, вызванным Оуэном. Таким образом, домостроительная кооперация с самого своего возникновения стоит особняком от других видов кооперации и продолжает занимать такое же положение и ныне. Объясняется это как особым характером по своим техническим задачам домостроительной кооперации, так и недоступностью этого вида кооперации для массы городского пролетариата в силу необходимости затраты сравнительно очень крупных денежных средств.

Первые английские строительные кооперативы имели характер особого рода сберегательных касс, ставивших себе целью накопление денежных средств, необходимых для постройки дома. Организация их была следующая. Группа лиц с неопределенным составом обязывается делать еженедельные взносы в общую кассу, взносы эти накапливаются, пока они не достигнут таких размеров, что образуется капитал, достаточный для постройки небольшого дома для одной семьи. Капитал этот выдается в ссуду тому или иному члену товарищества, причем дом переходит в собственность лица, получившего ссуду, строящего дом совершенно самостоятельно и пользующегося им по своему собственному усмотрению.

Товарищества этого типа получили большое распространение в Англии, английских колониях и в Америке. В настоящее время в Англии числится свыше 700 тыс. членов этих товариществ, в Америке же число членов превышает два миллиона. В строительных кооперативах принимают участие преимущественно высшие слои пролетариата, а также

служащие разного рода. Кооперативная связь их членов очень невелика: кооператив существует только для того, чтобы дать своим членам возможность приобрести в собственность дом. Когда эта цель достигнута, то лицо, получившее ссуду для постройки дома, остается по отношению к кооперативу должником, и только эта связь соединяет его с кооперативом. По уплате ссуды данное лицо выходит из состава товарищества.

Операции товарищества в высшей степени несложны. Оно является простой сберегательной кассой, только тем отличающейся от обычной сберегательной кассы, что активная операция ее имеет строго определенный характер и состоит в выдаче ссуд под залог домов. Этот характер активных операций домостроительных товариществ придает чрезвычайную финансовую устойчивость товариществам: ссуды обеспечены закладными, и риск потери выданной ссуды минимален. Расходы по управлению товариществом также очень невелики, ибо ввиду крайней простоты операций товарищества последнее не нуждается даже в своем особом помещении.

Эта простота организации в связи с тяготением населения англосаксонской культуры к жизни в отдельных небольших домиках, каждая семья особо, привела к значительному распространению товариществ описанного типа в Англии и родственных ей странах. Однако этому виду строительной кооперации присущи очень крупные недостатки. Прежде всего она доступна только для более достаточных лиц, так как требует внесения, хотя и по частям, очень значительного пая. Затем и в ней могут принимать участие только лица, уверенные, что им не придется менять своего местожительства в поисках работы. Заурядный рабочий, которому приходится переходить из одного места в другое, не склонен связывать себя с определенной недвижимостью. Затем, задача товарищества этого рода ограничивается доставкой своим членам денежной суммы, необходимой для постройки дома, сама же постройка, равно как и условия эксплуатации дома, товарищества не касаются. Все это имеет своим последствием то, что жилищный вопрос не разрешается домостроительными товариществами данного типа, создающими лишь новых домовладельцев, иногда пользующихся своим домом в целях спекуляции.

Поэтому за последние годы начинает быстро расти новый вид домостроительного товарищества существенно иного типа. Прежние англо-саксонские товарищества, как сказано, не строили домов, а только доставляли своим членам средства для такой постройки. В настоящее время задачей домостроительного товарищества становится постройка домов.

В Англии инициатором этого нового типа товарищества явился видный общественный деятель Генри Вивиан⁴⁰. Домостроительные товарищества должны, по его представлению, ставить себе несравненно более широкие задачи, чем товарищества старого типа. А именно: они должны стремиться преобразовать к лучшему жилищные условия городского населения. Город нашего времени представляет собой нечто до последней степени нерациональное и уродливое. Нужно создать новый тип человеческого поселения — городсад⁴¹. Чтобы достигнуть этого, домостроительные товарищества должны сами строить дома и оставаться их собственниками после того, как в них поселятся жильцы.

В настоящее время в Англии имеется 14 товариществ этого нового типа, располагающих недвижимой собственностью в 800 тыс. ф. ст. Товарищества приобретают для застройки обширные земельные участки и возводят на них по определенному плану изящные дома, устраивая между домами сады, площадки для лаун-тенниса, детских игр и вообще принимая все меры к тому, чтобы создать не только вполне гигиеничное и комфортабельное, но и приятное для жизни жилище. Правда, товарищества эти не могут считаться в полном смысле слова кооперативами и приближаются в некоторых отношениях к акционерным компаниям. Отступление от кооперативных принципов выражается следующими чертами: во-первых, в этих товариществах число голосов, которыми располагает каждый член, пропорционально числу паев во владении каждого (максимум числа паев в одних руках ограничен 10); во-вторых, на пай выдается довольно крупный дивиденд (однако не свыше 5 %); наконец, товарищества имеют в виду как менее достаточных, так и «более состоятельных квартирантов — стоимость квартир доходит в них до 1000 руб. в год и выше.

Товарищества этого типа работают, в противность старым товариществам, только в ничтожной мере на собственный, а главным образом на заемный капитал, выпуская особые закладные листы, которые без труда размещаются на рынке. Паявой капитал составляет около 15 % всего капитала, которым располагают товарищества.

Английские строительные кооперативы основаны всецело на частной инициативе и не пользуются никакими пособиями со стороны государства или муниципалитетов. Но государство и город самым жизненным образом заинтересованы в оздоровлении условий жизни городского населения. Поэтому борьба с жилищной нуждой должна по справедливости рассматриваться как задача, лежащая не только на кооперации, но и на государстве и его органах. Кооперация не в силах собственными средствами справиться с этой задачей уже потому, что наиболее нуждаются в коренной реформе жилищные условия беднейших слоев городского населения, не обладающих достаточными средствами, чтобы принять без посторонней помощи участие в строительной кооперации, требующей гораздо больших капиталов, чем какой бы то ни было другой вид кооперации. Поэтому мы видим, что на европейском континенте строительная кооперация развивается в новейшее время при непосредственной и очень значительной поддержке государства и муниципалитетов.

Особенный размах строительная кооперация получила за последние годы в Германии. Германские товарищества по демократичности своего устройства стоят гораздо выше английских нового типа, так как в них каждый член имеет только один голос. Члены их принадлежат преимущественно к высшим слоям пролетариата. Паи в них также значительно ниже, чем в английских товариществах, и преобладает пай в 200 марок; внесение такой суммы сразу не под силу пролетарию, но она вносится не сразу, а по частям.

В 1910 г. в Германии было 1056 строительных кооперативов, причем в 739, давших о себе сведения, числилось 196 751 членов, располагавших паявым капиталом в 41 млрд, марок и заемным капиталом в 363 млрд, марок. Огромное большинство германских строительных кооперативов остаются собственниками выстроенных ими домов. Члены кооператива пользуются за определенную плату квартирами в этих домах.

Десятая часть пая вносится обычно при вступлении, а остальная сумма покрывается ежегодными взносами, размер которых колеблется от 30 пфеннигов до 1 марки. Как общее правило, каждый член владеет только одним паем. Величина процента на пай не превышает 4 и нередко спускается значительно ниже.

Успехи германской строительной кооперации всецело основываются на том, что кооперативному строительству приходят на помощь государство и муниципалитеты. Дело в том, что кооперативы, располагая незначительным собственным капиталом, настоятельно нуждаются в привлечении капиталов со стороны. Между тем частные банки очень неохотно ссужают в Германии своими капиталами строительную кооперацию благодаря тому, что банки находятся в руках домовладельческих элементов, относящихся к строительной кооперации очень враждебно, как к своему опасному конкуренту. И германская строительная кооперация влачила бы жалкое существование, если бы ей не пришли на помощь государственные кассы страхования рабочих, которые располагают миллиардным капиталом, составившимся из страховых взносов.

Германские кассы рабочего страхования понимают свою задачу очень широко и признают, что в сферу деятельности их входит содействие всякого рода мерам, которые приводят к оздоровлению населения. Конечно, самым действительным средством к поднятию уровня народного здоровья является улучшение жилищных условий. Поэтому кассы поступают в полном соответствии со своими основными задачами, открывая широкий кредит домостроительным товариществам на льготных условиях.

К 1913 г. кассы выдали в кредит на постройку рабочих жилищ более 418 млн. марок, из которых 238 млн. марок приходится на долю строительных кооперативов и общепольных строительных акционерных обществ. Процент по этим ссудам колеблется между 3 и 4. При этом кассы выдавали в ссуду значительно большую часть капитала, необходимого для постройки, чем частные кредитные учреждения, выдающие не свыше 60 % стоимости имущества, между тем как кассы кредитуют до 70 %, а иногда и до 85 % стоимости имущества.

Существенную помощь германские строительные кооперативы получают и от городских муниципалитетов. Большинство германских городов признают в настоящее время, что жилищная реформа, настоятельная необходимость которой никем не отрицается, может быть проведена только при помощи строительной кооперации. Поэтому обязанностью города является всяческое содействие этому виду кооперации и принятие мер к тому, чтобы кооперативное строительство было возможно более согласовано с интересами массы городского населения.

Германские города обычно не продают своих земель кооперативам, а сдают их в наследственно-строительную аренду сроком на 70- 100 лет, причем на все это время обычно назначается одна и та же умеренная арендная плата. Таким образом, кооперативы избегают необходимости затрачивать крупный капитал на приобретение земельной собственности и в то же время избегают столь разорительного повышения городской земельной ренты. Далее, города деятельно содействуют получению кооперативами необходимых им денежных средств, что достигается следующим образом. Так как частные кредитные учреждения

кредитуют только в известном проценте к стоимости имущества, то города устраивают специальные банки для кредитования под вторую закладную. В 1912 г. таких городских банков было уже 61. Если же город не может непосредственно ссудить капитал, необходимый кооперативу, то он достигает того же, принимая на себя перед кредитным учреждением поручительство за исправное выполнение кооперативом своих обязательств, причем благодаря поручительству кредитруемая сумма повышается иногда до 90 % стоимости постройки.

Но, конечно, город приходит на помощь строительной кооперации лишь в том случае, если она удовлетворяет целям, которые ставит себе город в своей деятельности по улучшению жилищных условий массы городского населения. Поэтому город требует одобрения планов постройки городской властью, городского контроля за квартирной платой и предназначения квартир для более нуждающихся слоев городского населения. Поэтому обычно город содействует только такому строительству, которое имеет в виду устройство дешевых рабочих квартир, число комнат в которых (включая кухню) не превышает трех, редко четырех.

Некоторые германские строительные кооперативы строят небольшие домики с двумя квартирами (так называемые парные особняки), но большинство строит огромные многоэтажные дома, стремясь, однако, согласовать свои постройки с требованиями гигиены и эстетики.

Благодаря содействию государства и городов, германская строительная кооперация служит интересам той части населения, которая не располагает капиталами, необходимыми для постройки дома, но в то же время всего более нуждается в улучшении своих жилищных условий, — городского пролетариата. Правда, и при помощи со стороны строительная кооперация доступна все же не всей массе пролетариата, а только наиболее обеспеченной его части.

Интересна постановка государственной помощи строительной кооперации в Австрии. Центральное общество жилищной реформы в Австрии выработало в 1908 г. особый проект образования государственного фонда для поддержки общепольной строительной деятельности вообще и кооперативного строительства в частности. Согласно этому проекту государственный фонд должен был служить для покрытия расходов по государственному поручительству за капитал, выдаваемый в ссуду строительным организациям ипотечными учреждениями, причем поручительство это должно выдаваться не за всю ссуду, а лишь за ту ее часть, которая выдается под вторую закладную сверх 50 % стоимости дома. Кредит строительным кооперативам должен был быть организован согласно проекту следующим образом: под первую закладную строительные кооперативы получают деньги без всякого содействия государства, под вторую же закладную берет на себя ручательство государство — в размере 40 % стоимости дома. Таким образом кооперативы получают возможность получать ссуду до 90 % стоимости своей недвижимости на таких же условиях, как и под первую закладную.

Проект этот был одобрен правительством, и в 1910 г. в Австрии вступил в действие закон об образовании государственного жилищного фонда в 25 млн. крон. Фонд предназначается на

поддержание общепольного домостроительства, а строительство может быть признано общепольным лишь в том случае, если соответствующая строительная организация выдает не свыше 5 % дивиденда на паи. При этом, однако, фонд оказывает содействие постройке лишь небольших квартир, под каковыми закон понимает семейные квартиры общей площадью не свыше 80 кв. метров, дома для бессемейных, причем в каждой комнате должно быть помещаемо не более трех жильцов, и ночлежные дома. Все дома должны удовлетворять в строительнотехническом, санитарном и нравственном отношениях требованиям, предъявляемым к здоровым и дешевым народным квартирам.

Как справедливо указывает в «Вестнике кооперации» Г. А. Глебов⁴², в австрийском законе имеет наибольшее значение признание принципа планомерной государственной поддержки строительной кооперации, но идея государственной гарантии не может быть признана удачной. Благодаря гарантии все выгоды от кредитования кооперативного строительства будут доставаться существующим ипотечным учреждениям, а убытки по возможным несостоятельствам будет нести государство. Было бы гораздо рациональнее, если бы государство основало со специальной целью содействия общепольному строительству особый ипотечный банк с правом выпуска закладных листов. Таким образом государство получило бы не меньшую возможность кредитовать строительные кооперативы, чем и при системе поручительства, но в то же время оно гораздо непосредственнее влияло бы на ход общепольного строительства, извлекая в свою пользу все выгоды от поддержки строительной кооперации. Но необходимым условием для успеха дела является связь с органами местного самоуправления — непосредственно распределять государственную поддержку должны муниципалитеты как учреждения, ближе всего стоящие к местным делам.

Что касается России, то у нас домостроительная кооперация имеется только в слабых зачатках. Поскольку она существует, она служит интересам не пролетариата, а достаточных классов городского населения, что и понятно, так как наши рабочие получают слишком низкую заработную плату, чтобы делать из нее крупные сбережения, требующиеся для участия в строительных кооперативах.

Глава V.

Производительные артели

1. Производительные ассоциации во Франции

Производительные артели занимают крайне своеобразное место среди других кооперативов. Не будет преувеличением сказать, что вся современная кооперация выросла из идеи производительной артели и что в этом смысле производительная артель является основным и первоначальным видом кооперации. Ибо что такое социалистические общины, явившиеся духовной почвой кооперации, как не производительные артели известного рода, лишь тем принципиально отличающиеся от обычного типа артелей, что изготовленные ими продукты предназначаются не для сбыта, а для собственного потребления артельщиков? Между социалистической общиной и производительной артелью обычного типа существует множество незаметных переходов, и между обеими организациями имеется несомненная внутренняя связь.

И действительно, кооперативное движение во всех странах начинается с увлечения идеей производительной артели в тех или других формах. Классической страной производительных ассоциаций считается по справедливости Франция. В кооперативной литературе прежнего времени было принято отождествлять различные роды кооперации с различными странами: Англия считалась страной потребительской кооперации, Франция — производительных артелей, а Германия — кооперации кредитной. Это совершенно неверно, поскольку дело идет о современном состоянии кооперации в этих странах; но в историческом смысле указанная характеристика не лишена основания. Действительно, в то время как в Англии кооперация всегда выражалась почти исключительно в форме потребительских обществ, в Германии долгое время руководящую роль в кооперативном движении играли кредитные кооперативы Шульце-Делича, а во Франции самой яркой страницей истории кооперации были попытки к устройству производительных ассоциаций.

Попытки эти ведут свое начало от Бюше⁴³, ученика Сен-Симона⁴⁴ и Фурье. Сам себя он считал сенсимонистом и долгое время был деятельным сотрудником сенсимонистских изданий. Однако идея производительной ассоциации как основной ячейки нового общественного строя была заимствована им не у Сен-Симона, а у Фурье. С первым Бюше сближался высокой оценкой роли религиозного элемента в общественной жизни; но в своей практической общественной деятельности он был ближе к Фурье. Подобно последнему (и в противоположность школе Сен-Симона) Бюше отнюдь не был государственным и возлагал

надежды преимущественно на частную инициативу и свободу самодеятельности.

Идея производительной ассоциации сводилась у Бюше к следующему. Группа рабочих одинаковой профессии образует собой ассоциацию для того, чтобы совместно за общий счет производить известные продукты для продажи. Объединенные рабочие образуют собой предприятие, в котором нет хозяев-капиталистов, но каждый является одновременно и хозяином и рабочим. Каждый получает в течение года обычную заработную плату, весь же чистый доход предприятия, остающийся за покрытием всех расходов (в том числе и на заработную плату), распределяется следующим образом: одна пятая идет в неделимый капитал ассоциации, остальная же доля частью распределяется между членами ассоциации пропорционально труду каждого, частью же идет на цели взаимопомощи. Неделимый капитал ассоциации, долженствующий таким образом механически возрастать с каждым годом, не может быть разделен между членами ассоциации и не выдается никому из последних при уходе из ассоциации. Он принадлежит ассоциации в ее целом и должен идти на расширение общего дела. Ассоциация не может пользоваться более года работой по найму посторонних рабочих; по истечении годового срока она обязана вводить этих рабочих в среду своих полноправных членов, если только имеется надобность в их работе.

Образованию неделимого «социального» капитала Бюше придавал особое значение: только благодаря такому самовозрастающему фонду принцип ассоциации может восторжествовать над своекорыстными интересами ее членов, и вся организация приобретает устойчивость и возрастающую экономическую силу.

Капитал, необходимый для устройства таких ассоциаций, мог бы быть получен, по представлению Бюше, или от государства, или же от частных лиц, сочувствующих идее ассоциации. В конце концов ассоциация должна охватить всех рабочих той же профессии, живущих в том же районе, но это должно явиться результатом роста ассоциации, а не началом всего дела. Ассоциации должны возникать первоначально независимо одна от другой, совершенно добровольно и без всякого принуждения со стороны общественной власти. Их собственный успех должен привести к тому, что они станут господствующей формой хозяйства и вытеснят капиталистические предприятия в современном обществе.

Этот план устройства производительной ассоциации обратил на себя большое внимание французских рабочих, и скоро начались попытки его осуществления. Первой ассоциацией, возникшей по плану Бюше, была небольшая ассоциация рабочих ювелирного дела. Но особое значение идеи Бюше получили после революции 1848 г., когда революционное правительство ассигновало капитал в 3 млн. фр. на поддержку производительных ассоциаций. Декрет об этом ассигновании был принят Национальным собранием единогласно и даже без прений, но отнюдь не потому, что все члены Национального собрания были убеждены в спасительности производительных ассоциаций. Наоборот, большинство депутатов относились к этой идее с решительной враждебностью, но не считали возможным противиться желаниям парижских рабочих, некоторые же депутаты руководились мотивом, который был выражен Тьером⁴⁵, сказавшим докладчику законопроекта: «Следовало бы попросить об ассигновке не в три, а в двадцать млн. фр. Да, мы бы дали вам двадцать миллионов, и это была бы не слишком большая плата за убедительный опыт, который излечил бы вас всех от этого грандиозного безумия».

Впрочем, что касается последователей Бюше, то они были скромнее правительства и опасались, что слишком щедрая помощь государства поведет к основанию несолидных ассоциаций и Тьер окажется прав. «Лучше было бы, — писали они в своем органе, — чтобы в год было издержано для данной цели сто тыс. фр., лучше было бы поддержать одну или две ассоциации, чем дать повод для врагов освобождения рабочего, крича о невозможности рабочих ассоциаций».

В сороковые годы прошлого века среди рабочего класса Франции шла борьба между двумя течениями: одно, примыкавшее к Бюше, стояло на принципе добровольности ассоциаций и опасалось слишком легкого возникновения их на государственные средства; другое, во главе которого был Луи Блан, отрицало возможность развития производительных ассоциаций без помощи государства и настаивало на государственной организации ассоциаций среди рабочих. Первое течение защищало кооперацию, второе — социализм. Спор по существу вращался вокруг тех же идей, как и более поздний спор Лассалю и Шульце-Делича.

Для распределения ссуд был образован особый комитет под председательством министра земледелия и торговли. Комитет выработал нормальный устав для производительных ассоциаций, имеющих право на получение государственной поддержки. Устав этот был составлен почти во всем согласно идеям Бюше, вплоть до образования неделимого «социального» капитала. Комитет был завален просьбами о ссудах для возникавших ассоциаций. Всего было подано около 600 таких просьб, причем общее число членов предполагавшихся ассоциаций должно было достигать свыше 60 тыс. Одна ассоциация портных Парижа должна была включать 30 тыс. членов — всех членов, занятых этим промыслом в городе.

Точных данных о распределении ассигнованной суммы между различными ассоциациями не имеется. Известно только о получении правительственной ссуды 32 ассоциациями Парижа и 29 в провинциях. Огромное большинство просьб о ссуде осталось, как видно, без удовлетворения.

Очень немногие из ассоциаций, получивших ссуду, не распались в течение ближайших же лет. Те, которые сохранились, в большинстве превратились в капиталистические товарищества.

Кроме ассоциаций, учреждавшихся при непосредственной поддержке государства, в конце сороковых годов во Франции возникло без правительственной помощи несколько десятков производительных ассоциаций, судьба которых была приблизительно такая же.

Затем во Франции была новая вспышка артельного движения в восьмидесятых годах прошлого века, благодаря тому что богатый благотворитель Рампаль завещал городу Парижу капитал в 1400 тыс. фр. для поддержки производительных ассоциаций. Из этого капитала было выдано до 1901 г. 127 отдельных ссуд, значительная часть которых пропала безвозвратно. Больших фактических результатов в смысле развития производительных ассоциаций это пожертвование не имело.

2. Производительные ассоциации в социалистической кооперативной литературе

Производительные артели были той формой кооперации, к которой вожди социалистического движения относились в течение долгого времени с совершенно исключительной симпатией. Точнее говоря, только производительная артель среди различных кооперативных организаций и встречала сочувствие со стороны создателей современного социализма.

И это относится не только к более ранним представителям социализма в его утопической форме, но и к Марксу с его ближайшими последователями. Так, Интернациональная ассоциация рабочих⁴⁶ в своем вступительном воззвании, составленном Марксом и принятом на митинге рабочих в Лондоне 28 сентября 1864 г., говорит по поводу производительных артелей следующее: «Высокая ценность этого социального эксперимента не может быть преувеличена. Фактами, вместо аргументов, доказывают производительные ассоциации, что производство в крупных размерах и в соответствии с успехами современного знания может совершаться без участия хозяев, пользующихся наемным трудом, что средства производства для того, чтобы приносить свои плоды, отнюдь не должны быть неизбежно монополизированы как средство господства над рабочими и эксплуатации их во вред труду и что как рабский труд, как крепостное право, так и наемный труд являются лишь преходящими общественными формами, обреченными на исчезновение при появлении ассоциированного труда, исполняющего свое дело добровольно, с бодрым сердцем и полной энергией. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; рабочие эксперименты на континенте были фактически практическим результатом теорий, которые в 1848 г. не были впервые открыты, но только были во всеуслышание провозглашены».

Не менее энергично подчеркивала значение производительной артели и известная резолюция Женевского конгресса Интернационала⁴⁷, специально посвященная кооперации. Резолюция эта признала необходимым объединение отдельных производительных артелей, но предостерегала рабочих от увлечения «доктринерскими системами кооперации». Значение кооперации усматривалось в том, что кооперация «доказала на практике возможность замены существующей губительной и деспотической системы подчинения труда капиталу благотворной и республиканской системой ассоциации свободных и равных производителей». Однако Интернационал не предавался иллюзии относительно возможности для артели преобразовать капиталистический хозяйственный строй. Напротив, по мнению Интернационала, преобразование современного общества могло совершиться только путем изменения всех его основ, для чего требуется прежде всего, чтобы политическая власть перешла пролетариату. Кооперация же может играть при этом лишь второстепенную роль.

Переходя к рассмотрению различных видов кооперации, резолюция заканчивается следующим призывом к рабочим: «Мы советуем рабочим обратить большее внимание на кооперативное производство, чем на кооперативные лавки (потребительские общества). Эти последние задевают лишь поверхность современной хозяйственной системы, в то время как кооперативное производство затрагивает самые ее основы. Мы советуем всем кооперативным обществам часть их дохода обращать в фонд для пропаганды, советуем распространять их основные принципы как путем примеров, так и практических указаний, иными словами, путем новых предприятий кооперативного производства. Чтобы помешать превращению кооперативных обществ в обычные буржуазные коммандитные товарищества, все рабочие кооперативов должны иметь равные права, все равно, состоят ли они пайщиками или нет. Как переходную меру мы можем допустить, чтобы пайщики получили небольшой процент на свой пай».

Вопрос о производительных артелях привлекал усиленное внимание и последующих конгрессов Интернационала. Так, на Лозаннском конгрессе был поднят вопрос о мерах содействия развитию кооперативного производства. В этих видах конгресс советовал рабочим союзам «помещать их фонд в производительные товарищества как лучшее средство для извлечения этих фондов из рук буржуазии и правительства и использования их для освобождения рабочего класса». В конце концов это должно было привести, по мнению конгресса, к созданию широко организованного национального кредита производительным товариществам.

Но Интернационал не довольствовался теоретической защитой производительных артелей. Ее руководители пытались и сами создавать артели через посредство своих лекций в разных странах. Вообще, не подлежит сомнению, что производительные артели были единственным видом кооперации, встречавшим горячее сочувствие со стороны Интернационала.

Такое отношение к производительным ассоциациям Маркс сохранил до конца. Так, в III томе «Капитала» мы находим по данному вопросу следующие характерные соображения:

“ «Кооперативные фабрики самих рабочих представляют в пределах старых форм первую брешь в старых формах, хотя они, конечно, повсюду по своей действительной организации воспроизводят и принуждены воспроизводить все недостатки существующей системы. Но противоположность между капиталом и трудом в них утрачивается, хотя вначале в такой форме, что рабочие, как ассоциация, представляются своим собственным капиталистом, т. е. употребляют средства производства для увеличения ценности своего собственного труда. Они показывают, каким образом на известной степени развития материальных производительных сил и соответственных им форм общественного производства из одного способа производства естественно развивается и вырабатывается новый способ производства. Кооперативная фабрика не могла бы развиваться иначе, как из фабричной системы, возникшей из капиталистического способа производства, и без кредита,

возникающего из него же. Кредит, образуя существеннейшее основание для постепенного превращения капиталистических единичных предприятий в капиталистические акционерные общества, оказывается точно так же средством постепенного расширения кооперативных предприятий до более или менее национальных размеров. На капиталистические акционерные предприятия точно так же, как и на кооперативные фабрики, надо смотреть, как на переходные формы от капиталистического способа производства к обобществленному; только в одном случае противоположность уничтожается отрицательно, а в другом положительно».

Знаменитый спор в шестидесятых годах прошлого века между Шульце-Деличем и Лассалем вращался вокруг вопроса о том, каким образом рабочий класс Германии может скорее всего прийти к созданию производительных артелей. Что касается Шульце, то этот выдающийся деятель германского кооперативного движения выступил на историческую арену горячим поклонником артельной идеи; он вырабатывает своеобразную теорию естественного хода развития кооперации — теорию, в которой производительной артели принадлежит роль венца всего кооперативного здания.

Кооперативное движение, думал Шульце, когда его теория окончательно сложилась, естественно начинается с кредитных кооперативов и потребительских обществ. Значение этой первой ступени кооперативного движения заключается в том, что при помощи кредитных кооперативов и потребительских обществ мелкие производители и фабричные рабочие накапливают в своих руках некоторые сбережения, которые должны дать им возможность перейти ко второй ступени кооперации, каковой являются сырьевые и магазинные товарищества-кооперативы по закупке и сбыту. Эти товарищества представляют собой кооперативы уже более сложного состава и должны в еще большей степени увеличивать достатки своих членов, приучая их в то же время к самостоятельному руководству сложным хозяйственным предприятием и знакомя с торговыми операциями. По достижении известного уровня кооперативного воспитания и накопления достаточного капитала участники этих кооперативов могут перейти к заключительной, высшей форме кооперации — производительным ассоциациям.

Производительная ассоциация казалась Шульце не только высшей формой кооперации, но и такой, по достижении которой исчезает потребность в кооперативах низших ступеней. Только производительная артель, по мнению Шульце, может преодолеть кризис мелкой промышленности, ремесла, вызванный ростом капиталистической фабрики. Только производительная ассоциация может с успехом конкурировать с фабрикой и успешно бороться с пролетаризацией ремесленников.

«В производительной ассоциации, — говорил Шульце, — мы приветствуем завершение всей системы. В то время как ассоциации первых ступеней обеспечивают своим сочленам в их мелких предприятиях и домашнем хозяйстве выгоды крупного капитала только в некоторых отношениях, производительные ассоциации дают возможность своим членам создать крупное предприятие со всеми выгодами новых приемов хозяйства и таким образом заполнить пропасть, которая теперь отделяет рабочих и мелких мастеров от класса крупных

предпринимателей».

Производительные ассоциации не только превращают своих членов в самостоятельных участников крупного предприятия, но и повышают уровень заработной платы рабочих, находящихся вне их: капиталист принужден уплачивать своим рабочим ту плату, которую они могли бы получить, основав производительную ассоциацию, так как в противоположном случае рабочие бросят работу по найму и организуют самостоятельную ассоциацию.

Благодаря росту ассоциаций заработная плата в капиталистических предприятиях должна будет в конце концов принять ту форму, которая единственно соответствует интересам «справедливости и гуманности», — форму участия рабочих в прибылях предприятия.

Выгоды такого порядка вещей почувствует все общество. Предприниматели выиграют благодаря повышению производительности труда. Затем общество выиграет «благодаря сохранению и укреплению здоровых средних классов, этих незаменимых носителей здорового, как политического, так и социального, духовного и материального развития». Будет положен предел росту мамонизма⁴⁸ и пауперизма⁴⁹, бичей современного общества.

Однако Шульце решительно протестует против мысли, что ассоциации вытеснят капиталистические предприятия.

“ «Никто не может отрицать значения капитала и интеллигентности, если и тем и другим в достаточной мере обладает отдельное лицо. Устройство промышленного предприятия таким лицом во всяком случае легче осуществимо, чем организация удачной ассоциации. И, без сомнения, такой предприниматель, даже если в той же отрасли промышленности имеются ассоциации, не встретит труда в приискании рабочих, которые признают для себя выгоднее, вместо того чтобы брать на себя риск участия в ассоциации, работать по найму, в особенности если отношения наемного труда будут регулированы указанным способом».

Поэтому неудивительно, что Шульце признавал планы общественного преобразования, предложенные Оуэном, «самой бессмысленной и радикальной системой, которую когда-либо знал свет». Излагая историю кооперативного движения в Англии, Шульце рисует дело таким образом, как будто рабочий класс Англии, убедившись в бесполезности рабочих союзов и во вреде стачек, пришел к мысли, что единственное средство улучшения его участи заключается в устройстве производительных ассоциаций. «Производительная ассоциация есть только дальнейшее развитие тред-юниона», — заявляет он категорически.

Производительная ассоциация объединила, по мнению Шульце, английское рабочее движение, которое раньше выражалось в других формах: тред-юнионах и потребительских обществах. Что касается французского рабочего движения, то в нем Шульце не видел ничего, кроме более или менее удачных попыток устройства производительных ассоциаций.

Итак, производительная артель — вот к чему должны стремиться трудящиеся массы, чтобы прочным образом улучшить свое экономическое положение. Но производительная артель, являясь самым сложным видом кооперации, может возникнуть только в результате долгой кооперативной эволюции, после многих лет кооперативного воспитания населения. Пока массы этого воспитания еще не получили, не следует и мечтать об артелях — преждевременные попытки создания артелей могут только скомпрометировать самую идею кооперации. В особенности нежелательны и опасные попытки насаждения артелей сверху, при поддержке государственной власти, так как кооперация, основанная на поддержке извне, нежизнеспособна и неминуемо должна привести к крушению всего дела, как бы ни была щедра эта поддержка. Такова была точка зрения того, кого с полным правом считают отцом германской кооперации. Противником его выступил блестящий оратор и мыслитель Фердинанд Лассаль.

Лассаль решительно отрицал, чтобы кооперативы, которые явились в действительной жизни результатом деятельности Шульце, могли иметь какое бы то ни было значение по отношению к улучшению положения фабричного пролетариата. «Что касается сырьевых товариществ и ссудо-сберегательных, — писал он, — то обе эти формы хозяйственных организаций существуют лишь для тех, кто ведет предприятие за свой собственный счет, т.е. для ремесленного класса. Для рабочего класса в собственном смысле слова, т.е. для рабочих, занятых в крупном фабричном производстве, не имеющих собственного предприятия, эти формы совсем не существуют». Но и по отношению к ремесленникам кооперативы этого рода, по мнению Лассалья, большого значения иметь не могут. «Они могут только продлить безнадежную борьбу, которую мелкая промышленность ведет с крупной, и тем увеличить муки этой борьбы, задержать без всякой пользы поступательный ход развития. Таков единственный их результат по отношению к классу ремесленников, между тем как класса рабочих, занятых в крупной промышленности, они совсем не затрагивают».

Потребительские общества также ничего не могут сделать для рабочих, ибо заработная плата, в силу «железного закона», никогда не может подняться на продолжительное время выше уровня, строго необходимого для жизни. Если потребительские общества не имеют большого распространения, то они могут помочь своим членам из числа рабочих классов, удержав в свою пользу прибыль мелкого лавочника. Но если потребительские общества получают значительное распространение и в состав их начинают входить значительные массы рабочего класса, заработная плата соответственно падает, и все выгоды приобретения рабочими предметов потребления по более дешевым ценам достаются предпринимателям.

Однако Лассаль отнюдь не хотел этим сказать, что кооперация ничего не может дать рабочему классу. Наоборот, именно в кооперации он видел выход для рабочего из капиталистического хозяйства. Но единственной формой кооперации, преобразующей самую основу капитализма, Лассаль признавал производительную артель.

Производительная ассоциация не может явиться результатом долгой эволюции других кооперативных форм, так как эти формы существенного значения для рабочего класса иметь не могут. С другой стороны, производительные ассоциации не могут быть создаваемы

рабочими собственными усилиями, так как, чтобы иметь успех, они должны располагать значительными капиталами, которые никак не могут быть накоплены рабочими, заработная плата которых не может подняться над уровнем голого существования. Значит, производительные ассоциации могут возникать лишь при помощи извне, со стороны государства. Рабочие составляют большинство населения, и потому они могут потребовать от государственной власти, чтобы она взяла в свои руки образование производительных ассоциаций. На это государство должно единовременно ассигновать достаточно крупную сумму, так как дело может удалиться лишь в том случае, если оно будет ведено в крупном масштабе. Пруссия могла бы, например, ассигновать 100 млн. талеров для устройства производительных ассоциаций и этим сделала бы решительный шаг на путь к превращению современного капиталистического хозяйства в новый хозяйственный строй, в котором производство перейдет в руки связанных между собой производительных ассоциаций. Но все это станет возможно лишь тогда, когда рабочий класс получит возможность влиять на законодательство страны. Для этого же, в свою очередь, прежде всего требуется, чтобы рабочие завоевали всеобщее избирательное право.

Таков был ход мыслей Лассаля, приведший его к резкому полемическому столкновению с Шульце. Каждый из обоих противников одержал в своей области победу: Шульце на долгое время подчинил своим идеям кооперативное движение Германии, а Лассаль явился отцом политической партии германских рабочих — социал-демократии. Но характерно, что оба противника в равной мере видели в производственной артели заключительное звено общественного развития.

3. Неудачи производительных артелей

Эти исключительные симпатии теоретиков и общественных деятелей идее производственной артели должны были бы, казалось, привести эту форму кооперации к особенно быстрому росту. Что же нам показала жизнь? Исключительно быстрый рост артелей? Ни малейшим образом. Именно этот вид кооперации получил на практике наименьшее распространение. Совсем недавно знаменитое Фабианское общество⁵⁰ в Англии предприняло исследование вопроса о производственной кооперации. В результате исследования получился напечатанный в 1914 г. доклад лучших знатоков рабочего движения в Англии С. и Б. Вебб⁵¹, пришедших по вопросу об успешности артельного движения к следующему-заключению: «Если мы попробуем обозреть три четверти столетия упорного и воодушевленного труда, который был затрачен в полудюжине различных стран по созданию ассоциации производителей, владеющих своими средствами производства и управляющих своим промышленным предприятием, то нельзя не вынести чувства разочарования. Ни в одной из стран не существует более сотен таких ассоциаций из тысяч, которые возникали; и большинство из этих ассоциаций все еще с трудом борются за свое существование. К тому же эти ассоциации в большинстве случаев наблюдались в трех родах промышленности, которые допускают производство в небольших размерах; и они ни в одном случае не охватывают большого числа рабочих или значительного капитала. Затем, те из таких обществ, которые имели сколько-нибудь значительный экономический успех или достигли более значительных размеров, существенно уклонились в большинстве случаев от типа самоуправляющейся мастерской, — и это в такой мере, что можно, не удаляясь от

истины, утверждать, что шансы успеха такого общества тем более, чем дальше оно от типа самоуправляющейся мастерской!»

Этот успех, продолжают С. и Б. Вебб, тем поразительнее, что именно производительные артели привлекали к себе всего более симпатий и поддержки не только со стороны идейных вождей рабочего движения, но и со стороны правительства и общественных учреждений. «Поскольку дело идет о хозяйственной и интеллектуальной поддержке других общественных классов, — читаем в том же отчете, — ассоциации производителей во всех странах находили гораздо более поддержки и поощрения, чем ассоциации потребителей. Точно так же они пользовались — по крайней мере во Франции и Италии — гораздо большей поддержкой и правительства. В Великобритании, где правительство не оказывало помощи никакой форме кооперации, ассоциации производителей находили себе защиту и опору у влиятельных людей промышленного и политического мира, точно так же как и в прессе. Наконец, эти ассоциации производителей постоянно пользовались особой симпатией, поощрением и помощью столь влиятельных организаций рабочего класса, как рабочие союзы».

И все это не привело ни к каким сколько-нибудь заметным практическим результатам. Производительные артели в чистом виде представляют собой нечто до последней степени редкое и исключительное среди различных экономических организаций нашего времени. Достаточно указать, что вполне компетентные авторы названного доклада Фабианского общества находят в Великобритании всего одну производительную артель чистого трудового типа, т.е. такой кооператив, все рабочие которого являются в равной мере собственниками предприятия и изготавливаемого ими продукта.

Эта единственная производительная артель Великобритании представляет собой небольшую бумаготкацкую фабрику в Нельсоне (в Ланкашире), существующую с 1888 г. и возникшую после неудачной стачки рабочих. Капитал этой фабрики равняется 4355 ф. ст., рабочих на ней 116, из которых полноправными членами артели состоит около половины, а остальные рабочие — женщины и малолетние, принадлежащие в большинстве к семьям членов артели.

Что же дает рабочим эта фабрика, столь исключительная по своему устройству? Судя по имеющимся данным, рабочие от своеобразного строя своей фабрики выигрывают в экономическом отношении весьма мало — они получают за свой труд лишь обычную нормальную (тред-юнионистскую) заработную плату, без всяких прибавок. Капитал, который эта артель накопила за четверть века своего существования, очень невелик, она сильно задолжена, в техническом отношении оборудование фабрики стоит невысоко, и обороты ее в течение ряда лет остаются стационарными.

Продолжительность рабочего дня на ней, как сообщает Губер, автор ценной монографии о британской производительной кооперации «Kapital- und Verwaltungsbeteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenschaften»⁵², равняется 9,5 часа, т.е. как и на большинстве обычных капиталистических фабрик. Правда, рабочие этой фабрики имеют то преимущество, что они сами хозяева в своем деле, это может давать им известное самоудовлетворение, но и только, — никаких реальных экономических выгод, как видно из приведенных данных,

артельная организация рабочим не дала.

Итак, в Англии, родине пролетарской кооперации, существует одна единственная производительная артель чисто трудового типа. В Германии дело обстоит еще хуже. В настоящее время в Германии нет ни одной производительной артели трудового типа. Еще недавно существовала такая артель — башмачников в Штрауссберге, но, как сообщает Вейль в монографии «Die gewerblichen Produktivgenossenschaften in Deutschland»⁵³, она уже утратила свой чистый трудовой тип и не может считаться в строгом смысле производительной артелью.

Классической страной производительных артелей обыкновенно принимают Францию. Действительно, ни в одной стране идея произверительных артелей не встречала такой симпатии и, что важно, деятельной поддержки со стороны общественных кругов и даже правительственных и общественных учреждений, как во Франции. Но результат всех этих усилий в течение многих десятилетий оказался до последней степени скудным. Правда, во Франции насчитывают более сотни производительных артелей. Но, во-первых, очень немногие из них имеют чистый трудовой характер; во-вторых, в огромном большинстве случаев это очень небольшие предприятия, с небольшим числом членов и небольшим капиталом; в-третьих, они существуют в большинстве случаев только благодаря деятельной поддержке их со стороны или правительственных и общественных учреждений, снабжающих их заказами и отчасти капиталами, или отдельных частных лиц, сочувствующих идее производительной артели. Знаменитый Рабочий стекольный завод в Альби, о котором будет речь ниже, не является производительной артелью чистого типа.

Единственным примером успешных производительных артелей чистого трудового типа, крупных размеров и существующих без посторонней поддержки, являются земледельческие артели Италии, на которых поэтому нужно остановиться.

Артели эти возникли весьма своеобразно в итальянской провинции Реджио-Эмилии. В провинции этой преобладает крупное землевладение, причем число земледельческих рабочих превышало за последнее время спрос на них со стороны местных земледельцев. Следствием этого явились безработица и ухудшение условий заработка, что в свою очередь повело к образованию среди земледельческих рабочих союзов, начавших борьбу за улучшение условий труда. Союзы эти поставили себе целью добиться такого распределения труда между отдельными рабочими, при котором все рабочие находили бы себе занятия, хотя бы и работая неполное время. Чтобы доставить занятия своим безработным членам, союзы пришли к мысли организовать на арендуемой земле земледельческие артели.

Эта мысль была приведена в исполнение, и таким образом возникли знаменитые итальянские земледельческие артели, тесно связанные с союзами земледельческих рабочих и с политической партией итальянских социалистов.

Устройство этих артелей следующее. Артель ведет общее хозяйство на арендуемой земле, сообща приобретает весь необходимый инвентарь и продает изготовленные продукты. Каждый вновь поступающий член артели вносит небольшую вступительную плату (обычно 1 лиру) и приобретает известное число паев, высота которых обычно не превышает 10-12 лир.

Денежный остаток в конце года за вычетом отчислений в запасный капитал распределяется между пайщиками пропорционально числу паев.

Все работы на арендуемом участке производятся сообща артелью, во главе которой стоят избираемые ею правление и совет. Правление избирает директора и других должностных лиц артели, причем обычно директором является председатель правления.

Члены артели получают заработную плату, которая обычно не отличается от средней платы земледельческих рабочих в данном районе.

Чтобы понять внутренний смысл всей этой организации, нужно помнить, что она возникла путем своеобразного развития союзов земледельческих рабочих, стремившихся тем или другим способом обеспечить своим членам достаточный заработок. Поэтому неудивительно, что члены такой артели одновременно состоят и членами местного рабочего союза. Далеко не все члены артели работают одновременно на арендуемом ею земельном участке: если для них занятия на этом участке не находится, то они работают на стороне как обычные наемные рабочие.

По словам г. Христиана, организации эти возникли «как дополнение к работе профессиональных организаций, и это особое условие необходимо иметь в виду для оценки достигнутых ими результатов. Коллективная аренда позволяет профессиональной организации давать работу тем членам, которые не находят места на частновладельческих землях или находят слишком кратковременную работу. Во- вторых, они могут давать работу той части рабочих, которые не могут претендовать на получение установленной организациями оплаты, — старикам, женщинам. И таким путем сохраняют на известном уровне заработную плату» (Вестник кооперации. 1914. № 1).

Таких своеобразных земледельческих артелей возникло в Италии 82, из которых 79 имеют 21644 члена и 525 957 лир основного капитала и 8168 гектар арендуемой земли. Сопоставляя число членов этих артелей с площадью арендуемой земли (почти 3 члена на 1 гектар), легко видеть, что рабочая сила артельщиков только в ничтожной мере используется артелью. Как общее правило, на арендуемом участке находят себе временное занятие только те члены, которые по той или иной причине остаются без работы в обычных капиталистических сельскохозяйственных предприятиях.

Из всего этого видно, что земледельческие артели Италии отнюдь не могут считаться производительными артелями нормального типа. Они не имеют самостоятельного значения как производственные предприятия, а преследуют иную цель — предоставления временного занятия тем из их членов, кто потерял заработок в капиталистическом предприятии. Они тесно примыкают к рабочим союзам, одной из важнейших задач которых всегда является борьба с безработицей их членов. Как средство борьбы с безработицей артели эти должны быть признаны достигающими цели, а потому они, в общем, не падают, но, по-видимому, развиваются и растут. Но очень сомнительно, чтобы артели эти могли существовать, если бы работа в них была единственным занятием их членов.

Таким образом, сравнительный успех итальянских земледельческих артелей очень мало говорит в пользу производительных артелей вообще.

В России, невзирая на многочисленные попытки создания производительных артелей, имеется, строго говоря, в настоящее время только одна производительная артель крупных размеров, существующая настолько продолжительное время, что ее можно считать доказавшей свою жизнеспособность. Это — известная ножевая артель в селе Павлове, созданная и руководимая А. Г. Штанге. Возникла она в 1893 г. при деятельной поддержке со стороны различных общественных учреждений и частных лиц, а также и государства. Благодаря неусыпным стараниям своего устроителя артель получила заимообразно довольно крупный капитал. Так, от частных лиц она получила в ссуду в разное время не менее 50 тыс. руб., а кроме того, от правительственных учреждений 55 тыс. руб. Благодаря этому артель получила возможность выстроить обширный корпус с паровыми двигателями и вообще поставить дело производства на уровень современной техники.

Число постоянных работников этой артели, по сообщению А. Г. Штанге на первом Всероссийском кооперативном съезде⁵⁴, достигало 277, причем членов было 144, а не-членов — 133 - Значительное количество рабочих не-членов ни малейшим образом не препятствует артели сохранять свой чистый трудовой тип, так как, по словам г. Штанге, «наемные рабочие находятся в совершенно одинаковых условиях с членами в отношении заработной платы, прибыль же до сих пор между членами не распределялась (она поступала на погашение убытков прежних лет). При таком равенстве в зарплате необходимость для членов вносить 5 % заработной платы в пай и служит главной причиной, почему работающие в артели не торопятся вступать в члены, несмотря на то преимущество членов, что положение их в артели прочнее».

Рабочий день в артели является обычным для фабрик этого рода — 10,5 часа.

Подводя итог сказанному, мы должны признать, что производительные артели чистого трудового типа являются крайне редкой формой производительной организации⁵⁵.

Вряд ли число участников производительных артелей превосходит число участников коммунистических общин. Обе эти формы хозяйственных организаций — явление исключительное в современной хозяйственной жизни и представляет в этом отношении разительный контраст с другими кооперативными организациями, развивающимися с такой удивительной быстротой и приобретающими все большее и большее значение в хозяйственном строе современности.

4. Причины неудач производительных артелей

В чем же заключаются глубокие внутренние причины неуспеха производительных артелей? В своем вышецитированном докладе Фабианскому обществу С. и Б. Вебб указывают три основные причины этого неуспеха:

- 1) недостаток дисциплины среди членов артелей;
- 2) недостаток знания ими условий рынка;
- 3) недостаточную быстроту производительных ассоциаций в изменении техники производства.

Что касается первой причины, то она выражается в том, что рабочие — члены артели, чувствуя себя хозяевами дела, плохо слушаются лица, руководящего делом. Руководитель, как общее правило, оказывается не в силах справиться с рабочими и заставить их подчиняться дисциплине, необходимой для того, чтобы сложное хозяйственное дело имело успех. При обычных условиях капиталистического производства руководитель предприятия всегда может настоять на своем распоряжении, так как в его власти отказать рабочему в работе. Напротив, в артели авторитет руководителя очень ограничен, так как этот руководитель выбран самими же рабочими из их собственной среды и может быть каждую минуту ими же смещен. Он должен быть популярен среди своих избирателей, чтобы оставаться у власти, и потому последняя не может не быть весьма слабой. Именно эта невозможность подчинить рабочих дисциплине указывается очень часто как причина крушения производительных артелей. История Рабочего стекольного завода в Альби, представляющего собой тип, значительно уклоняющийся от настоящей производительной артели, является яркой иллюстрацией того, как трудно заставить рабочих повиноваться руководителю, если только рабочие сознают себя господами положения. Администрация этого завода оказалась совершенно не в силах справиться с рабочими, и лица, стоящие во главе ее, должны были уходить благодаря нежеланию рабочих считаться с распоряжениями выбранных ими же руководителей.

Дело шло все хуже и хуже, пока не был изменен тот параграф устава завода, согласно которому выборы административного персонала находились в руках занятых на заводе рабочих. Только тогда, когда рабочие утратили власть выбирать по своему усмотрению администрацию завода, дела на заводе пошли лучше.

Вторая причина неуспеха артелей, указываемая С. и Б. Вебб, также приводит множество артелей к гибели. Рабочий может превосходно знать свое дело и в то же время совершенно не обладать знаниями, необходимыми для руководителя предприятия. А ведь успех предприятия зависит в огромной мере от знания условий товарного рынка. Особенно важно в этом отношении знание условий сбыта продуктов. Чтобы быть хорошим предпринимателем, даже и знания рынка недостаточно, нужно обладать еще особым душевным складом и особыми предпринимательскими талантами. А так как условия жизни и деятельности рабочего ни малейшим образом не предрасполагают его к приобретению всех этих знаний и развитию соответствующих талантов, то естественно, что рабочая группа оказывается плохим предпринимателем, а это не может не действовать самым губительным образом на успех предприятия.

Наконец, что касается третьей причины, то и ее значение громадно. Рабочий, привыкший к определенному роду труда и достигший в нем значительного искусства, естественно, не склонен переходить к новым приемам производства, в которых преимущества его приобретенных навыков и знаний отпадают. Если предприятие находится в руках капиталиста, то последний не имеет оснований уклоняться от изменения характера

производственных процессов, если такое изменение обещает предприятию существенную выгоду. Напротив, рабочий склонен насколько возможно оставаться при прежних приемах производства, которые ему привычны, и только под давлением крайней необходимости отказывается от них и переходит к новым приемам.

Кроме того, артель встречает большие затруднения при введении новых машин, так как машины уменьшают спрос на труд, а артель не может оставлять своих членов без работы, подобно тому как это делает капиталистический предприниматель. Так, например, на кооперативных сапожных и башмачных фабриках Лестера, которые, не будучи артелями чистого трудового типа, все же значительно приближаются к таковым, замечается значительная отсталость в техническом отношении именно по этой последней причине. В докладе С. и Б. Вебб приводят характерный отзыв одного из горячих сторонников производительных ассоциаций, который, описывая одну фабрику этого типа в Лестере, прибавляет: «Теперь фабрика эта может легко ввести новые машины, так как пятеро из ее рабочих пайщиков умерло».

Легко понять, до какой степени затрудняется введение новых машин, если для введения их приходится ждать смерти тех рабочих, труд которых эти машины могут сделать излишним.

К этим трем причинам С. и Б. Вебб сводят основные факторы неуспеха производительных артелей. Вряд ли можно, однако, признать этот анализ причин неуспеха артелей достаточно глубоким и исчерпывающим. Он кажется довольно неубедительным, и вполне естественно, что такой горячий -сторонник артелей, как А. В. Меркулов, пришел в статье в «Вестнике кооперации» к выводу, что серьезных доводов против возможности успеха артелей авторы доклада не привели. Этот вывод напрашивается сам собой, но напрасно А. В. Меркулов заключает отсюда, что таких доводов и вообще не существует и что неудачи артелей зависят от внешних причин, которые могут быть в будущем устранены.

Нет, причины неудачи производительных артелей коренятся в самом существе социально-экономической природы последних. Правда, факторы неудачи артелей, которые указывают Веббы, могут казаться чем-то несущественным и внешним. Так, например, может показаться неубедительным указание Веббов, что артели не могут иметь успеха благодаря незнакомству рабочих с условиями товарного рынка и отсутствию в их среде предпринимательских талантов. На это можно возразить ссылкой на успех других кооперативов, возникающих в той же социальной среде или же в среде, еще менее знакомой с условиями рынка. Возьмем, например, потребительскую лавку среди тех же фабричных рабочих. Разве рабочие знакомы с условиями покупки нужных им товаров? Ни малейшим образом. И однако же потребительские лавки с успехом конкурируют с обычными капиталистическими лавками. Точно так же разве крестьяне, устраивающие кооператив по сбыту хлеба или яиц, обладают нужными торговыми сведениями? И тем не менее никому не придет в голову отрицать на этом основании возможность успеха этих кооперативов, доказываемого ежедневным опытом.

Точно так же известная дисциплина и готовность подчинять свои частные интересы и выгоды общим требуются не только от участников производительных артелей, но и от членов всех других кооперативов. А если так, то не сводится ли критика Веббов,

направленная против артелей, к указанию на трудности, свойственные вообще всякому кооперативному предприятию, — трудности, несомненно, вполне реальные, но, как показывает опыт, вполне преодолимые?

Действительно, Веббы не указывают или по крайней мере не подчеркивают достаточно ярко тех слабых сторон производительной артели, которые свойственны именно этому роду кооперативного предприятия в отличие от кооперативов всех других отделов. И однако такие слабые стороны в производительной артели, несомненно, имеются, и именно они приводят к столь глубокому контрасту между мощным развитием других кооперативов и прозябанием производительных артелей.

Принципиальное отличие производительной артели как одного из трех видов трудовых кооперативов от кооперативов нетрудовых (кооперативов в области владения) заключается в том, что только трудовые кооперативы отрицают наемный труд, между тем как другие кооперативы имеют в своем основании наемный труд. В отрицании наемного труда вся сущность производительной артели.

Всякий определенный кооператив заключает в себе, в своем особенном строе, определенный внутренний смысл и вместе специфический источник своей экономической силы. Кооперативы возникают не стихийно, сами собой, но как средство достижения определенных целей, во имя каких-либо определенных интересов составляющих их лиц. Так, производительная артель возникает во имя вполне определенных интересов тех рабочих, которые выполняют в данном предприятии рабочую функцию, составляющую хозяйственное содержание данного предприятия. Другие кооперативы возникают с другими целями — в интересах лиц, пользующихся услугами данного предприятия. Так, потребительская лавка возникает в интересах покупателей этой лавки, кооперативное зернохранилище — в интересах лиц, продающих хлеб через посредство данного зернохранилища, маслодельная артель — в интересах поставщиков молока, сбывающих при помощи артельного завода свое молоко, перерабатываемое заводом в масло, кредитное товарищество — в интересах лиц, нуждающихся в кредите, и т. д., и т. д.

Поэтому все другие кооперативы могут также свободно организовывать рабочие функции своего предприятия. Потребительская лавка нанимает на стороне приказчика, подобно любой другой лавке, на фабрике, принадлежащей потребительскому обществу, работают такие же наемные рабочие, как и на капиталистической фабрике; в маслодельной артели масло производится таким же наемным мастером, как и в капиталистическом заводе, и т. д., и т. д. Все эти кооперативы почти не страдают от незнакомства своих участников с торговым делом: руководство торговыми операциями возлагается этими кооперативами на наемный персонал, совершенно так же как это мы видим и в капиталистических предприятиях. Для успеха этих кооперативов отнюдь не требуется, чтобы участники их были людьми исключительных умственных и моральных качеств, были своего рода хозяйственными энциклопедистами, обладали знанием процессов производства и торговых приемов, мест покупки и сбыта товаров, имели предпринимательские таланты и пр., и пр. Все кооперативы, основанные на наемном труде, могут привлекать к делу каких угодно рабочих и специалистов какого угодно дела в какой угодно области, совершенно так же, как и капиталистические предприятия. И как для того чтобы получать дивиденды от

акций химического завода отнюдь не требуется предварительное знакомство с химией, точно так же и получение выгод от участия в потребительском кооперативе отнюдь не требует знакомства с условием торговли.

Располагая наемным рабочим персоналом, кооперативы приобретают полную свободу в такой организации предприятия, которая наиболее соответствует успеху данного дела. Успех же всякого предприятия зависит прежде всего от удачного подбора личного состава его рабочего персонала. Кооперативы с наемным трудом могут свободно выбирать самый лучший рабочий персонал: если только тот или иной агент или рабочий оказывается неудовлетворительным, то кооператив может заменить их лучшими. При этом кооператив может оплачивать особо искусных и талантливых рабочих или лиц своей администрации так высоко, как это требуется, чтобы привлечь данное лицо на службу. Только это может дать кооперативу возможность привлекать к себе наиболее производительных и успешных работников, что существенно важно для успеха дела.

Совершенно иной характер имеет производительная артель. Она не имеет никакой свободы в выборе своего рабочего персонала и должна довольствоваться персоналом, которым являются члены артели. Персонал же этот даже в том случае, если он состоит из лучших рабочих данного дела, неизбежно страдает весьма существенным недостатком: он состоит из людей, знакомых с операциями производства, но не с торговыми операциями. Между тем производительная артель не только производит, но и покупает необходимые средства производства и сырой материал для обработки, да кроме того, и продает свои изделия. Продажа же при современных капиталистических условиях хозяйства представляет собой крайне трудную операцию благодаря огромной конкуренции между различными предприятиями, производящими те же самые продукты. Вообще нужно сказать, что в современной хозяйственной системе самое главное — найти рынок для сбыта продукта, производство же продукта технических трудностей не представляет. В борьбе за существование побеждают не те предприятия, которые имеют особые преимущества по отношению к производству, а те, которые находятся в лучшем положении по отношению к сбыту.

Производительная артель имеет некоторое преимущество сравнительно с другими предприятиями только по отношению к условиям производства. Преимущество это заключается в том, что члены артели работают не на хозяина, а на самих себя. Это, естественно, имеет тенденцию повышать и производительность труда. Правда, обратной стороной медали является то, что рабочие, освобожденные от принудительной дисциплины, устанавливаемой хозяином, могут работать небрежно и не исполнять своих обязанностей. Выше было указано, что эта небрежная, недисциплинированная работа является частой причиной гибели артелей. Тем не менее нужно признать, что при благоприятных условиях рабочие производительной артели под влиянием сознания, что они получают за свой труд продукт полностью, без всякого вычета в пользу капиталиста, могут работать лучше и энергичнее, с большим успехом, чем наемные рабочие, прибавочный продукт которых достается не им самим, а хозяину- капиталисту.

Вот в этой-то возможности поднятия производительности труда и заключается единственное преимущество артели перед конкурирующими с ней капиталистическими

предприятиями. Но возможно ли считать это преимущество значительным? Если производство основано на ручном труде и притом требует труда особенно искусного, квалифицированного, то преимущество это более существенно. Поэтому артель чаще встречается среди предприятий, имеющих характер ремесла. Но когда в основе производства лежит машина и количество и качество производимого продукта не столько зависят от искусства труда, сколько от свойства употребляемых при производстве машин, тогда это преимущество артели перед капиталистическим предприятием утрачивает большую часть своего значения. Уже одно это обстоятельство, естественно, суживает область применения артели по мере распространения машины.

Указанной сильной стороне артели противостоит специфически свойственная ей слабость, заключающаяся в том, что артель не может привлекать рабочие силы по найму и потому должна довольствоваться своим собственным рабочим персоналом, естественно слагающимся из представителей физического труда, незнакомых с условиями торговой деятельности. Как бы ни был успешен в артели труд производства, это еще не гарантирует ее успеха, если ее торговые функции выполняются плохо. А по отношению к выполнению торговых функций артель не может не стоять ниже капиталистического предприятия, ибо рабочие как таковые отнюдь не обладают знаниями и душевными свойствами, необходимыми предпринимателю.

Поэтому производственные артели должны быть признаны, в общем, более слабыми предприятиями, чем капиталистические; их слабость коренится не во внешних, устранимых условиях, как, например, в недостатке капитала, недостаточном знакомстве рабочих с этим видом кооперации и т.д., а в самой природе производительной артели. Эта основная слабость артели вытекает из ее особенности как кооператива, существующего в интересах рабочих, выполняющих в ней хозяйственные функции.

Отсюда истекают и те причины неуспеха артелей, которые указывают Веббы. Недисциплинированность рабочих потому так губительно отражается на судьбе артели, что рабочие производительной артели не имеют хозяина. Точно так же незнакомство членов артели с торговыми функциями лишь потому так опасно для успеха дела, что артель не может нанять на стороне лиц, знакомых с этими функциями. Наконец, трудность введения новых приемов производства и новых машин очевидным образом связана с указанной особенностью артели.

Но этими тремя причинами неудач артелей далеко не исчерпываются слабые стороны рассматриваемого рода кооперативов. Веббы не указывают одной из них, которая, быть может, имеет наибольшее значение.

Дело в следующем. Промышленная жизнь нашего времени слагается из чередования периодов промышленного подъема и застоя. В этом заключается то, что называют промышленным циклом. Всякое предприятие, рассчитывающее на продолжительное существование в пределах существующей хозяйственной системы, должно быть построено таким образом, чтобы иметь возможность расширяться и сокращаться в связи с фазами промышленного цикла.

При промышленном подъеме предприятия должны расширять свои обороты, при наступлении же промышленного застоя — сокращать последние. Только приспособляясь к фазисам промышленного цикла, предприятия могут существовать и развиваться.

Для капиталистического предприятия приспособление к циклическим колебаниям промышленности не представляет затруднений. Оно может легко и расширять свои обороты, и сокращать их в первом случае путем найма новых рабочих рук, которые всегда имеются в избытке на рабочем рынке, во втором случае путем увольнения тех рабочих, которые оказываются излишними по условиям товарного рынка. Совсем в другом положении находится артель: она испытывает огромные затруднения и по отношению к расширению, и по отношению к сокращению производства.

В первом случае, т.е. при расширении производства, артель должна увеличить число рабочих, занятых в ней. Каким же образом может быть это достигнуто? Новые рабочие могут быть введены либо как полноправные члены артели, либо как наемные рабочие. Но первый способ увеличения рабочих сил артели встречает большие затруднения. Прежде всего, если артель является предприятием, имеющим успехи и приносящим своим членам хозяйственные выгоды, то введение новых лиц в качестве полноправных хозяев дела равносильно отказу прежних членов артели от части выгод, которые они получили бы, если бы новые рабочие были заняты обычным порядком, на условии обычной заработной платы. Иными словами, введение новых рабочих в артель требует добровольного отказа членов артели от известных хозяйственных выгод. Конечно, в отдельных случаях члены артели могут проявить такое бескорыстие, но, как общее правило, ожидать от кого бы то ни было поведения, противоречащего собственным хозяйственным интересам, не приходится. Кроме того, введение новых рабочих в качестве полноправных членов артели нецелесообразно даже помимо соображений подобного рода. Дело в следующем. Успех артели возможен только при подборе рабочих, обладающих более или менее исключительными моральными и интеллектуальными свойствами. Обычно артель достигает некоторого успеха только после трудной и упорной борьбы за существование, причем ее инициаторам приходится идти на всякого рода жертвы, лишь бы сохранить артель. И вот, когда артель добилась наконец известного успеха и может расширить свои обороты, возникает вопрос о введении в ее состав новых членов только потому, что это необходимо для расширения производства. Но ведь новые рабочие, потребность в которых должна быть удовлетворена немедленно, могут быть ниже тех требований, которые артельщики вправе предъявить своим новым сочленам. Каким же образом артельщики могут принимать в артель новых лиц и делать их своими полноправными товарищами, когда это может повести к крушению всего дела, требующего для успеха исключительного подбора своих членов?

Все эти соображения препятствуют артели привлекать новых рабочих в качестве своих полноправных товарищей. Конечно, артель может вводить новых членов, но лишь в том случае, если эти члены удовлетворяют тому высокому моральному и интеллектуальному уровню, который требуется от артельщиков. Потребность же в расширении оборотов отнюдь не сопровождается увеличенным предложением рабочих этого рода.

Итак, при необходимости расширять обороты артель неизбежно переходит к пользованию трудом вольнонаемных рабочих. Но этим самым она утрачивает свой чистый трудовой тип и

приближается к капиталистическому предприятию.

Сокращение производства еще труднее выполнимо для артели, ибо в этом случае артель не может уменьшить числа занятых рабочих, которые состоят ее полноправными членами. В общем артель представляет собой хозяйственную организацию, крайне неподвижную и неэластичную, с трудом допускающую сжатие и расширение оборотов, между тем как возможность того и другого настоятельно требуется условиями совместной промышленной жизни. Иными словами, производительная артель не приспособлена к условиям капиталистического хозяйства.

Тем не менее артели продолжают возникать. Каждый промышленный кризис ведет к образованию артелей, которые обычно состояются из наиболее энергичных и предприимчивых рабочих. Причины возникновения артелей в этом случае следующие. Кризис приводит к сокращению производства и к потере заработка тысячами рабочих. Среди безработных естественно появляется мысль попытаться собственными средствами организовать производство, что возможно только в случае образования артелей.

Яркой иллюстрацией такого возникновения артелей является довольно сильное артельное движение, развившееся в России после 1905 г., в период сильного застоя нашей промышленности, охватившего несколько лет. Застой этот привел к массовой безработице, между тем как общественный подъем, в котором рабочий класс принял такое выдающееся участие, значительно содействовал росту самосознания и самостоятельности рабочих. И вот мы видим, что во многих городах России создаются в большом числе самые разнообразные артели. В одном Петрограде образовалось несколько десятков артелей, некоторые из которых были довольно крупными предприятиями, имевшими свыше сотни членов. Так, например, артель производителей металлических кроватей имела свой паровой двигатель и в 1908 г. включала 135 членов.

Петроградские артели были предметом особого обследования со стороны артельного отдела Петроградского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах⁵⁶. Для Всероссийского кооперативного съезда 1908 г. были собраны сведения о 15 артелях, возникших около этого времени в Москве, причем одна из московских артелей — артель портных — включала в себя 253 члена и имела обширную, прекрасно оборудованную мастерскую. Многочисленные артели возникли также в Риге, Одессе, Баку, Николаеве и других городах России.

Нередким поводом к возникновению артелей являются также стачки рабочих. Нежелание хозяев уступить стачечникам приводит к тому, что рабочие, покинувшие работу, устраивают самостоятельно или при посторонней помощи собственное предприятие, в котором и начинают работу. Таким образом возник, например, известный рабочий стекольный завод в Альби после неудачной стачки в Кармо в 1894 г.

Наиболее крупным рабочим предприятием, возникшим непосредственно из неудавшейся стачки, является стекольный завод в северной Италии Verreria opérai federale, устроенный в 1903 г. Стачечники при поддержке союза стекольных рабочих организовали это предприятие, в скором времени приобретшее огромные размеры и ставшее крупнейшим

стекольным заводом Италии. Число рабочих на этом заводе доходило до 20.00 и на нем производилось около 60 % всего количества стеклянных бутылок, изготавливаемых в стране. В 1911 г. артель эта должна была ликвидировать свои дела вследствие финансовых затруднений, но затем реорганизовалась и возобновила производство.

Во всех этих случаях артели возникают вследствие внешнего повода — потери рабочими занятия на обычных капиталистических предприятиях. Очень немногие из таких артелей оказываются жизнеспособными. Если на Западе за последнее время можно указать несколько примеров рабочих предприятий этого рода, имевших больший или меньший успех, то это лишь потому, что предприятия эти уклонялись от чистого типа артелей и приближались к иному типу, о котором речь будет идти впереди.

Производительные же артели чистого трудового типа, возникающие таким образом, имеют крайне мало шансов достигнуть успеха и почти неизменно распадаются. Это и понятно, для своего успеха артель требует исключительного подбора рабочих, и наскоро организовать ее невозможно. В период же промышленного застоя устройство новых предприятий вообще встречает огромные затруднения благодаря трудности сбыта изготавливаемых продуктов. И потому именно артели, возникающие из потребности найти занятие для рабочих, утративших работу, оказываются, как показывает опыт, особенно недолговечными.

Огромное большинство артелей, возникших у нас в период промышленного застоя середины первого десятилетия этого века, очень скоро распалось, и артельное движение этих годов ни к каким прочным результатам не привело.

Итак, первая и самая обычная судьба производительных артелей — это быстрое распадение их вследствие неспособности артели выдержать конкуренцию капиталистических предприятий. Но, конечно, нельзя сказать, что распадаются все артели. Распадаются сотни, но десятки выживают. Эти уцелевшие артели бывают двух типов.

Одни из них в силу исключительно благоприятного подбора своих членов (например, потому, что среди членов оказываются лица с предпринимательскими талантами) имеют положительный успех. Успех этот выражается в том, что заработок артельщиков подымается над уровнем обычной заработной платы в данном промысле. Такая артель, если только она свободна и ее действия не регулируются какой-либо иной общественной организацией, неизбежно испытывает своеобразное капиталистическое превращение. Артель больше и больше приближается к капиталистическому предприятию, пока не становится в полном смысле слова таковым. Превращение это совершенно неизбежно по причинам, выясненным выше. Преуспевающая артель не может расширять своих оборотов путем привлечения в свой состав новых рабочих в качестве полноправных членов. Новые рабочие силы неизбежно должны стать в положение наемных рабочих по отношению к хозяевам артели. Рабочий персонал распадается, таким образом, на два класса — хозяев-артельщиков и наемных рабочих. Чем лучше идут дела артели, тем многочисленнее становится группа наемных рабочих. Процесс этот завершается тем, что члены артели, первоначально участвовавшие в работе наряду со всем остальным рабочим персоналом, перестают сами работать и становятся пайщиками предприятия. От артели не остается ровно ничего — вместо нее вырастает капиталистическое предприятие на паях. Такой путь

проделали все свободные в своих действиях артели, которые по тем или иным причинам имели достаточный коммерческий успех. Так, например, товарищество очечников в Париже, возникшее в 1848 г., имело выдающийся успех и очень скоро утратило свой первоначальный трудовой тип. Оно существует и теперь в Париже как огромное предприятие, имеющее свыше тысячи рабочих, но все они работают по найму. Предприятие это получило вполне капиталистический характер — во главе его стоят 58 пайщиков, владеющих капиталом свыше одного миллиона франков. Такое же превращение испытали и другие производительные ассоциации, возникшие во Франции в конце сороковых годов и имевшие хозяйственный успех.

Но, конечно, нельзя сказать, чтобы все артели, которым удастся преодолеть трудности борьбы за существование и уцелеть, подвергались процессу капиталистического превращения. Процесс этот почти неизбежен только для преуспевающих артелей. Если артель особого успеха не имеет, то она может сохранить трудовой характер, но именно благодаря отсутствию успеха. Мы знаем примеры артелей, которые существуют многие десятилетия и не вырождаются в капиталистические предприятия. Так, например, ассоциация формовщиков, возникшая во Франции в сороковых годах прошлого века, сохранилась вплоть до нашего времени и не пользуется наемным трудом. Такой же чисто трудовой характер имеет описанная Веббами артельная хлопчатобумажная фабрика в Нельсоне, Павловская ножевая артель и др.

Все эти артели существуют уже давно, не распадаются и в то же время не проникаются капиталистическим духом. В глазах поклонников артелей они являются доказательством возможности для производительной артели достигать успеха, сохраняя трудовой тип. А если это удастся некоторым артелям, то почему при благоприятных условиях это же самое не удастся и многим?

Дело, однако, в том, что сохранение названными артелями трудового типа именно тем и объясняется, что они не имеют большого успеха. Возьмем, например, едва ли не единственную артель чисто трудового типа, сохранившуюся во Франции с сороковых годов прошлого века, — артель формовщиков. Артель эта имеет всего-навсего около десятка членов, а ее капитал определяется немногими десятками тысяч франков. Отсюда видно, как скромны успехи этой артели. Или взять артельную фабрику в Нельсоне. Как указано выше, артель эта, хотя и существует более четверти века, имеет капитал только в несколько тысяч фунтов стерлингов, а члены ее получают не больше заработка, чем наемные рабочие соседних капиталистических фабрик. Точно так же единственная русская крупная и упрочившаяся производительная артель — Павловская, несмотря на свое долговременное существование, дает своим членам так мало выгод, что, по свидетельству ее руководителя, наемные рабочие, работающие в этой артели, не обнаруживают никакого желания вступать в ее члены, хотя последние охотно принимают их в свою среду; участие в артели выгод для рабочих не представляет, и потому последние предпочитают работать на артельщиков по найму, вместо того чтобы вступить в артель в качестве полноправных членов.

Вот в этом-то отсутствии каких бы то ни было реальных выгод от участия в артели и заключается секрет сохранения названными артелями их трудового типа. Если артель имеет действительный успех, то она дает своим членам больший заработок, чем они получали бы

вне артели. Отсюда является искушение для артельщиков привлекать в артель новых работников не в качестве полноправных членов, а нанимать их так же, как нанимает и любой фабрикант-капиталист. Если же артель не обеспечивает своим членам лучшего заработка, то отпадает и мотив для артельщиков замыкать свои ряды, и артель обнаруживает готовность принять в свой состав всякого желающего. Но по этой же самой причине желающих вступить в артель в этом случае оказывается мало, и артель, — как, например, в Павлове, — принуждена прибегнуть к найму рабочих, несмотря на то что двери для поступления в артель для них открыты настежь.

Трудовой тип артели объясняется в этом случае тем, что артель не доросла до капиталистического предприятия, дающего не только заработок рабочему, но и прибыль предпринимателю. На почве этой слабости артели как производственного предприятия, нередко возникают очень странные факты. Так, обследование петроградских артелей, произведенное в 1909 г., обнаружило, что «условия труда членов артелей гораздо хуже, чем условия труда наемных рабочих в тех же артелях». И рабочий день оказался у членов артелей более продолжительным, чем у наемных рабочих тех же артелей, и заработок ниже. Рабочий день в артелях, как показало обследование, «доходит до предела физической возможности работать дальше». Как общее правило, обследованные артели работали больше установленной законом нормы рабочего дня в 11,5 часа. Почти все артели прибегали к наемному труду, но, конечно, они не заслуживали упрека в эксплуатации своих наемных рабочих. Наоборот, наемные рабочие артели эксплуатировали своих хозяев, что явствует из того, что наемные рабочие находились в большинстве случаев в лучших условиях по отношению к заработку, чем их хозяева. Вот что говорит по этому поводу цитированное обследование: «Установленным можно считать тот факт, что условия наемного труда в артелях, как бы это ни показалось странным с первого взгляда, значительно лучше тех условий, которыми обставлен труд самих членов артели. Причина же этого вполне реальна. Член артели, вложив в устройство известный капитал и сам устанавливая для себя обстановку труда, при стесненных обстоятельствах (а в настоящих артелях «стесненные» обстоятельства почти постоянны) легко примиряется даже с очень значительным ухудшением положения своего труда, льстя себя перспективой на лучшие обстоятельства. Наемные же рабочие, не являясь хозяевами в артели, оценивают условия труда безо всяких подобных «видов», считаясь лишь с рыночной ценой их рабочей силы. Это приводит к тому, что артели, прибегая к наемному труду, не могут переносить на него условия труда своих членов, а подчиняются общим средним обычным условиям наемного труда в их профессии» (Вестник кооперации. 1909. Кн. 3). Понятное дело, что артели, не могущие обеспечить своим членам того заработка, который получается наемными рабочими, не подвергаются опасности капиталистического вырождения. Но позволительно поставить вопрос: для чего вообще нужны артели, если они не могут доставить своим членам лучших условий труда и заработка, чем обычные капиталистические предприятия?

Итак, немногие артели, преодолевающие огромные трудности конкуренции с капиталистическими предприятиями, обычно либо сами превращаются в капиталистические предприятия, либо избегают этой участи благодаря своей относительной бесполезности для входящих в них членов. И то и другое является банкротством артельной идеи.

Подводя итог сказанному, следует признать, что производительные артели чисто трудового типа являются кооперативами, не могущими рассчитывать на значительное распространение в условиях современного хозяйства. Конечно, это не значит, что такие артели совершенно невозможны. Они могут иметь в редких случаях успех, даже не утрачивая своего трудового типа, но это только в том случае, если успех их не велик. При значительном же успехе свободная артель почти неизбежно превращается в капиталистическое предприятие.

И в этом ничего странного нет. Производительная артель, будучи кооперативом, в одном отношении наиболее далеким от условий капиталистического предприятия, в других отношениях всего ближе к капиталистическому предприятию. Правда, артель отрицает наемный труд, в то время как для других кооперативов он является единственным основанием. В этом заключается противоположность артели капиталистическому предприятию, а вместе с тем и коренная причина слабости артели. Но, с другой стороны, артель ближе всех остальных кооперативов к капиталистическому предприятию в том отношении, что артель так же охватывает предпринимательскими интересами со всех сторон своих членов, как и любое капиталистическое предприятие. Действительно, возьмем другие кооперативы, например потребительское общество. Кооператив этого рода ставит себе задачей не получение наибольшего предпринимательского дохода, а сокращение расходов по приобретению нужных предметов потребления. Предпринимательская психология по необходимости отсутствует в таком кооперативе. Точно так же ничего общего с предпринимательством не имеют и кредитные кооперативы. Что касается кооперативов по закупке средств производства и сбыту продуктов (в переработанном или непереработанном виде), то такие кооперативы уже ближе к предпринимательству, но все же не всецело стоят на предпринимательской точке зрения, и это по следующей причине. Кооперативы эти имеют в виду создать наилучшие условия для трудового хозяйства членов этих кооперативов, каковыми фактически являются преимущественно крестьяне. Это трудовое крестьянское хозяйство более или менее чуждо предпринимательской психологии, а именно оно определяет все направление кооператива. Возьмем, например, маслодельную артель. Во главе ее стоят крестьяне, производящие молоко и стремящиеся выручить при посредстве маслодельной артели наивысшую цену за свое молоко. Как производители молока они ведут трудовое потребительское хозяйство, и только как продавцы масла они являются предпринимателями.

Напротив, члены производительной артели со всех сторон стоят на почве частнохозяйственного предпринимательства. Они и покупают на рынке средства производства, и продают свои продукты, стремясь как можно дешевле купить и возможно дороже продать. Все их хозяйственное благополучие основывается на успехе их предприятия, и стремление к расширению этого предприятия им естественно присуще. Хотя сами они являются рабочими в противовес обычному предпринимателю-капиталисту, но они не менее последнего заинтересованы в том, чтобы их предприятие давало наибольший доход. Артельщики не менее любого капиталиста чувствуют себя противниками и естественными конкурентами всех других предприятий, производящих те же продукты, и противопоставляют свои интересы интересам всего остального мира.

В то время как все остальные кооперативы естественно стремятся к расширению своих рядов и не имеют ровно никаких оснований замыкаться в своем составе, артель, наоборот, естественно тяготеет к замкнутости. Потребительское общество только выигрывает, если в состав его входят новые члены. То же нужно сказать и о кредитных кооперативах, равно как и о кооперативах по закупке и продаже. Чем больше членов входят в состав этих кооперативов, тем больше выигрывает каждый отдельный их член, ибо тем лучше осуществляются задачи этих кооперативов.

Напротив, производительная артель должна опасаться включения новых членов в свои ряды по мотивам, о которых сказано выше, и тут принципиальное отличие артели от всех других кооперативов (основанных на наемном труде). Введение новых членов ни малейшим образом не расстраивает рабочих функций этих последних кооперативов, ибо в них рабочие функции исполняются не хозяевами кооператива, а наемным персоналом (хотя, конечно, под руководством и наблюдением первых), в то время как в артели рабочие функции выполняются самими хозяевами кооператива, и потому каждый новый член изменяет характер рабочей функции. С другой стороны, члены преуспевающей артели проигрывают экономически, если в состав артели входит новый член, который мог бы работать на артель и в качестве наемного рабочего.

В других кооперативах вновь поступающий член есть источник новых средств для кооператива, становящегося от этого только сильнее и богаче. В артели (если она имеет успех) новый член есть новый претендент на те выгоды, которые артель получает вследствие благоприятного положения, достигнутого старыми членами. Введение в кооператив нового члена во всех других кооперативах соответствует экономическим выгодам старых членов. В артели же введение нового члена требует отказа от своих экономических выгод со стороны старых членов.

Отсюда естественное стремление артели принимать характер замкнутого предприятия. По сходным мотивам артель неохотно входит и в союзы с другими артелями — совершенно так же, как капиталистическое предприятие неохотно входит в союзы с другими капиталистическими предприятиями и делает это только под давлением необходимости или под влиянием надежды достигнуть таким образом монопольного положения и вознаградить себя этим за потерю полной свободы действий (картели и иные капиталистические организации).

Вот почему для некоторых теоретиков кооперации возникает даже вопрос, можно ли признавать производительные артели кооперативами или нет (столь видный теоретик кооперации, а вместе и выдающийся практический деятель в той же области, как Генрих Кауфман⁵⁷, видимо, склоняется к этой точке зрения). И действительно, свободная, предоставленная самой себе производительная артель по самому существу дела не может быть организацией открытой, а, по общему мнению, открытый характер предприятия — возможность доступа в него всем желающим — является характерным признаком кооператива. Производительная же артель является предприятием почти столь же замкнутым, как и капиталистическое предприятие, представляя с последним и в этом отношении разительное сходство. Крайности, очевидно, сходятся.

В общем, нужно признать, что условия современной хозяйственной жизни не благоприятствуют успеху производительных артелей. В отдельных случаях, однако, артели могут удаваться, в особенности в тех отраслях промышленности, которые не требуют применения машин и вообще не требуют большой затраты капитала. Так как самая слабая сторона артели заключается в ее коммерческих операциях, то чем примитивнее хозяйственный строй страны, тем легче в ней удаются артели, особенно в добывающей промышленности, в которой требуется наименьшая затрата капитала (отпадает затрата на приобретение сырья). Вот почему у нас, в России, встречаются артели в рыболовных промыслах, охотничьих, в горном деле, например по разработке камня, добыче разного рода руд, золота и пр.

Затем, артели имеют некоторое распространение в кустарной промышленности, хотя тут и требуется затрата капитала на приобретение сырья. Но благодаря тому что в кустарной промышленности, производство имеет характер мелкого, кустари в благоприятных случаях могут образовывать небольшие артели, хотя для возникновения кустарных артелей, как общее правило, требуется содействие извне. В последнее время такие артели устраиваются в различных районах России при помощи земства.

Вообще производительные артели возможны и действительно существуют в отдельных случаях, но почти всегда как очень небольшие предприятия, значение которых в общем строе современного хозяйства совершенно ничтожно.

5. Организация типа коопартнершип

В конце концов мы должны признать, что производительная артель в чистом виде не играет сколько-нибудь заметной роли в хозяйственной системе современности и не имеет шансов играть более важную роль в будущем. Однако жизнь создала некоторый новый тип предприятий, имеющих нечто общее с артелями и народнохозяйственное значение которых является несравненно более важным. Это предприятия, основанные на системе так называемого трудового коопартнершипа.

Принципиальное отличие предприятий этого рода от артелей заключается в следующем. В артели капитал и труд сливаются в одно неразрывное целое: каждый рабочий артели является в то же время собственником общего капитала артели. Напротив, в предприятиях по системе коопартнершипа капитал и труд формально разъединены: капитал такого предприятия складывается из паев, которые могут принадлежать как рабочим, занятым в предприятии, так и другим лицам. Но для более тесной связи между капиталом и трудом предприятия этого рода, с одной стороны, вводят в состав правления известное число членов по выбору рабочих, с другой стороны, предоставляют рабочим известную долю чистой прибыли предприятия.

Большая часть предприятий по системе коопартнершипа объединена в Англии общей организацией — обществом Cooperative Production Federation (Федерация кооперативного производства), владеющим капиталом свыше 400 тыс. ф. ст. Обществу этому принадлежат около 60 фабрик. Задачи его заключаются в содействии возникновению новых фабрик на

основе трудового коопартнершипа, финансировании их и облегчении сбыта их изделий. Общество выработало нормальный устав предприятий этого типа; основные пункты этого устава заключаются в следующем.

Членами предприятия могут быть как частные, так и юридические лица. Капитал предприятия всегда выражается определенной фиксированной суммой, предприятие не имеет открытого характера, сближаясь в этом отношении с обычными капиталистическими предприятиями и резко отличаясь от кооперативных.

Каждый новый член принимается правлением. Для того чтобы приобретение паев было доступно и простым рабочим, паи очень мелки — обычно в 1 ф. ст., причем они могут быть уплачиваемы и по частям. Устанавливается максимум числа паев в одних руках. Паи могут быть свободно перепродаваемы и переуступаемы третьим лицам.

В общем собрании пайщиков каждый имеет один голос независимо от числа паев в его обладании. Однако юридические лица, входящие в состав членов, могут иметь и дополнительное число голосов, соответственно числу своих паев.

Правление избирается общим собранием пайщиков, причем в состав его могут быть избираемы и те члены, которые состоят рабочими предприятия. Но, во всяком случае, будучи избран в правление, рабочий должен оставить прежнюю работу в предприятии.

Директор предприятия (manager) назначается правлением. Директор своей властью назначает и увольняет всех рабочих и руководит всем делом, отдавая отчет в ходе дела ежемесячным заседаниям правления.

Из чистой прибыли предприятия 5 % поступает в дивиденд на паи, часть идет на возвращение затрат покупателям товаров предприятия, часть идет рабочим в соответствии с полученной ими заработной платой, а часть (в очень немногих предприятиях) и в добавочный дивиденд пайщикам. В большинстве предприятий при распределении прибыли рабочие получают в дополнение к своей обычной плате такой же процент, какой получают покупатели товаров предприятия в дополнение к цене этих товаров. Остальная прибыль идет на другие цели: в запасный капитал, на благотворительные цели и пр.

Таков нормальный тип фабрик на основе трудового коопартнер- шипа. Фабрики эти не могут похвалиться особенно быстрым ростом, однако все же это не то, что производительные артели, почти не существующие в действительности. Их имеется в Англии в общем около сотни, с 6-7 тыс. рабочих.

Внутренний строй предприятий, основанных на системе трудового коопартнершипа, может быть весьма различен. Некоторые из них значительно приближаются к производительным артелям. Другие же почти ничем не отличаются от обычных капиталистических предприятий.

К артелям приближаются те из них, в которых состав членов почти совпадает с составом рабочих и в которых, следовательно, хозяевами дела являются те самые рабочие, которые заняты в предприятии. Правда, все же некоторая часть паев оказывается и в этом случае

принадлежащей нерабочим. Но если большинство членов принадлежит к числу рабочих в данном предприятии, то система коопартнершипа не препятствует тому, чтобы все управление предприятием принадлежало рабочим.

Такое предприятие не может все же считаться производительной артелью — хозяином предприятия являются не рабочие как таковые, а пайщики предприятия. Иными словами, предприятие принадлежит все же пайщикам, а не рабочим как таковым. Директор назначается правлением, избираемым пайщиками, и имеет право увольнять рабочих и нанимать новых, что совершенно противоречит духу артели.

Словом, при системе трудового коопартнершипа, если даже паи принадлежат преимущественно рабочим, рабочие имеют хозяина и предприятие не связано неразрывно с данным составом рабочих. В этом огромное преимущество системы трудового коопартнершипа перед' производительной артелью — основная слабость артели, заключающаяся в связанности ее с данным составом рабочих, отпадает.

В то же время система трудового коопартнершипа, если только паи принадлежат большей частью рабочим, приближается к артели в том отношении, что рабочие могут неограниченно влиять на ход дела и получать все его выгоды. В общем система эта может быть признана наиболее рациональным типом предприятия, в котором рабочим принадлежит фактическое руководство предприятием и в котором рабочие получают все выгоды последнего.

Другие предприятия на основе коопартнершипа совсем удаляются от кооперативного типа и должны быть отнесены к чисто капиталистическому типу. Это именно те предприятия, в которых паи принадлежат посторонним капиталистам, а рабочие составляют лишь меньшинство — и нередко ничтожное меньшинство — общего числа членов. Такие предприятия, хотя бы они и причисляли себя к системе трудового коопартнершипа, начисляли рабочим известный процент прибыли к их заработной плате и вводили в состав правления известную часть представителей рабочих, не могут считаться в каком бы то ни было смысле кооперативами и ничего общего с артелями не имеют. О предприятиях этого типа здесь говорить не приходится.

По большей части фабрики на основе коопартнершипа, если они имеют успех и идут хорошо, выдают своим рабочим около 5 % дополнительной платы. Это, конечно, немного, а в некоторых случаях прибавка эта оказывается даже номинальной, так как она достигается путем соответствующего уменьшения нормальной платы или только зачисляется в пай рабочего, в распоряжение его фактически не поступая. Большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что, по-видимому, на многих фабриках этого рода, особенно же в тех из них, которые находятся под большим влиянием рабочего персонала, рабочий день короче, иногда весьма значительно, чем на обычных фабриках, и вообще обстановка труда значительно лучше, чем на последних.

Преимущество типа трудового коопартнершипа сравнительно с обычной производительной артелью заключается также и в том, что при этой системе чрезвычайно облегчается привлечение капитала и установление органической связи между данным предприятием и иными организациями рабочего класса. Во многих фабриках этого типа большей или по

крайней мере очень значительной частью паев владеют потребительские общества. Благодаря этому последние получают возможность контролировать производство в своих интересах, а соответствующее предприятие, не утрачивая своей самостоятельности, в то же время приобретает себе обеспеченный сбыт.

Как общее правило, имеют успех именно те фабрики на основах трудового коопартнершипа, которые находятся в органической связи с потребительскими обществами. Но и кроме потребительских обществ, пайщиками могут быть рабочие организации иного рода. Так, например, пайщиками рабочего стекольного завода в Альби явились разнообразные рабочие организации Франции — как кооперативы, так и рабочие союзы.

Вообще, насколько можно судить по имеющимся в литературе данным, все или почти все производственные предприятия на Западе, возникающие в наше время как самостоятельные организации рабочих, не сливают в одно целое труд и капитал. Капитал всегда собирается иным порядком, чем составляется рабочий персонал. Иными словами, эти предприятия не являются в строгом смысле слова производительными артелями, рабочие всегда имеют хозяина, каковым является собрание пайщиков, причем в состав этих пайщиков входят в большей или меньшей мере и те лица, которые не принимают участия в работе.

Благодаря этому производственные предприятия рабочих становятся предприятиями не только той группы рабочих, которые непосредственно участвуют в работе в этом предприятии, но и иных рабочих групп, преимущественно разного рода рабочих кооперативов. Фабрика становится в этом случае предприятием обширной группы рабочих, а непосредственно занятые на ней рабочие находят себе хозяина в более обширной группе организованных рабочих, которым принадлежат паи.

6. Желательные формы кооперативного производства

В заключение нужно решить принципиальный вопрос: какой тип производства является более желательным — производство, организуемое потребительским обществом в интересах своих членов, или же производство, организуемое занятыми в предприятии рабочими в своих собственных интересах? Предприятие первого типа тем существенно отличается от второго, что в первом интересы рабочих как таковых подчинены интересам потребительского общества, между тем как во втором на первом плане стоят интересы рабочих.

С точки зрения общественных интересов следует в условиях современного хозяйственного строя скорее отдать предпочтение первому типу, т.е. производственным предприятиям, организуемым потребительскими обществами. Потребительские общества объединяют в себе обширные группы населения. Подчинение общественным интересам сепаратных интересов группы рабочих, работающих на фабрике потребительского общества, оправдывается тем соображением, что рабочие, не работающие на фабрике

потребительского общества, имеют не менее человеческих прав, чем те, кто непосредственно занят работой на фабрике потребительского общества.

Огромное большинство членов потребительского общества работает на обычных капиталистических фабриках, и только немногие из этих членов заняты работой на фабрике потребительского общества. Эти последние рабочие получают, как общее правило, такую же плату, как и рабочие в капиталистическом предприятии. И это понятно: только оплачивая труд по этой норме, потребительское общество может извлекать выгоду из своего производственного предприятия, иными словами, потребительское общество присваивает себе прибавочный продукт нанимаемых им рабочих. Напротив, самостоятельное предприятие рабочих для того именно и возникает, чтобы весь трудовой продукт остался в руках рабочих.

Что же является в условиях современной хозяйственной системы более Справедливым и согласованным с интересами всего рабочего класса: тот ли порядок, при котором рабочие, занятые в предприятии потребительского общества, получают заработную плату, какую получают и рабочие в капиталистических предприятиях, или тот, при котором рабочие в своем собственном предприятии получают свой полный трудовой продукт и, значит, получают значительно больше, чем их товарищи на капиталистических фабриках?

В первом случае рабочие получают только часть своего трудового продукта; прибавочный продукт присваивается их нанимателем — потребительским обществом. Можно сказать, что потребительское общество эксплуатирует своих рабочих подобно капиталисту. Но кому идет этот прибавочный продукт? Обширной группе рабочих, образующих потребительское общество.

Положение создается такое. Все рабочие, как работающие в предприятии потребительского общества, так и работающие на стороне в капиталистических предприятиях, находятся в равном положении — все получают только часть своего трудового продукта.

Прибавочный же продукт, создаваемый рабочими, нанимаемыми потребительским обществом, распределяется равномерно между всеми рабочими, входящими в состав потребительского общества, как между теми, кто создал этот прибавочный продукт, так и между теми, кто этого прибавочного продукта не создавал, но создавал прибавочный продукт в капиталистических предприятиях.

Едва ли может возникнуть сомнение, что такое распределение прибавочного продукта наиболее соответствует социальной справедливости. Рабочие, нанимаемые потребительским обществом, принадлежат к тому же рабочему классу, как и остальные рабочие, работающие на капиталистических фабриках. Первые ничем не лучше вторых и никаких преимущественных прав перед последними не имеют. Поэтому вполне согласно с социальной справедливостью, чтобы экономическое положение тех и других было приблизительно одинаково и, значит, чтобы прибавочный продукт первых был равномерно распределен между всеми.

Напротив, при самостоятельной организации производства отдельной группой рабочих в их сепаратных интересах они хотят сохранить себе весь свой трудовой продукт и стать, таким образом, в лучшее положение, чем их товарищи, работающие в капиталистических предприятиях. Это противоречит солидарности всего рабочего класса и не может не наталкиваться на противодействие остальной массы рабочего класса. Весь смысл тяготения рабочих к артелям, равно как и к предприятиям на основе трудового коопартнершипа, являющимся наиболее жизнеспособным типом самостоятельного предприятия рабочих, и состоит в том, что данные рабочие желают сохранить в своих руках весь свой трудовой продукт. Это вполне законное стремление противоречит интересам остальной массы рабочего класса, и потому мы должны признать производственные предприятия потребительских обществ в условиях современной хозяйственной системы более высоким типом, более согласованным с социальной справедливостью, чем самостоятельные производственные предприятия отдельных рабочих групп.

Однако из этого не следует делать вывода, что предприятия типа трудового коопартнершипа (о производительных артелях мы не говорим, ибо этот тип предприятия в капиталистическом обществе нежизнеспособен) являются нежелательным типом кооперативных предприятий. Отнюдь нет.

Во-первых, сложные вопросы экономической жизни не могут быть решаемы только с точки зрения отвлеченной социальной справедливости. Та или другая группа рабочих, создающая свое самостоятельное предприятие, имеет на это такое же право, как и любой частный предприниматель. Весьма возможно, что без инициативы данных рабочих соответствующее предприятие совсем не возникло бы. Надежда повысить свой социальный уровень, улучшить свое экономическое благосостояние есть чрезвычайно важный двигатель экономической энергии, содействующий росту общественного богатства и развитию производительных сил. Можно только сказать, что производственные предприятия потребительских обществ принципиально более желательны в современных условиях, чем самостоятельные предприятия рабочих. Но отсюда еще отнюдь не следует нежелательность предприятий этого второго рода.

Если же значительная часть паев в самостоятельных предприятиях рабочих принадлежит потребительским обществам, то получается промежуточный тип предприятия, который иногда может заключать в себе сильные стороны обоих типов.

Но имеется и другое важное основание, говорящее в пользу трудового коопартнершипа. Оно заключается в следующем. Потребительские общества могут охватить только некоторую часть общественного потребления и соответственно этому могут подчинить своему контролю только часть общественного производства. Как же быть с той большой частью общественного производства, которая остается вне контроля потребительских обществ? Так, например, не ясно ли, что железоделательные заводы, судостроительные верфи, угольные шахты, железные дороги и пр. никоим образом не могут подпасть под контроль потребительских обществ. Во всех этих предприятиях естественным средством увеличить контроль рабочих масс является введение принципа трудового коопартнершипа. Трудовой коопартнер- шип является в предприятиях этого рода единственно возможным типом кооперации, ибо для потребительских обществ эти предприятия недоступны.

Таким образом, трудовой коопартнершип сохраняет свое самостоятельное значение рядом с другими видами кооперации.

Исключительные симпатии к производительным артелям со стороны как интеллигенции, так и рабочих масс имели различное происхождение. Что касается социалистических вождей — как, например, Маркса и его школы, — то симпатии эти вытекали из того, что производительные артели казались им кооперативами, наиболее близкими к социалистическому идеалу. Напротив, потребительские общества не встречали сочувствия Маркса по той причине, что Маркс считал потребительские общества чуждыми социализму.

Теперь нам ясно, что в этой сравнительной оценке производительной артели и потребительского общества скрывалась глубокая ошибка. Правда, артель из всех кооперативов всего дальше от капиталистической организации в том отношении, что она отрицает естественное основание капиталистического строя — наемный труд. Но другими своими сторонами именно производительная артель, действующая в пределах капиталистической хозяйственной системы, наиболее приближается к капиталистической организации, превращая рабочих в предпринимателей и пропитывая их капиталистическим духом.

Напротив, потребительское общество, бывшее столь антипатичным Марксу, по своему типу всего ближе к социалистическому обществу. Ибо социалистическое общество является организацией, имеющей своей задачей обеспечение своим членам в равной мере наибольшего благосостояния, ввиду чего производительные силы подчиняются общественному контролю в интересах общественного целого. Точно так же и в потребительском обществе данная хозяйственная организация создается в интересах наилучшего потребления всех, а производство регулируется интересами потребления.

По этой причине современные марксисты — как, например, Каутский⁵⁸, — рисуя социалистическое общество, нередко изображают его как потребительское общество, вытеснившее капиталистическое хозяйство и охватившее все население страны. И действительно, потребительское общество, достигшее такого развития, явилось бы, как было указано в предыдущей главе, коллективизмом.

Впрочем, социалистическое общество может быть построено на разных основаниях, и необходимо рассмотреть именно эти различные типы социалистического общества с точки зрения их большей или меньшей близости к производительной артели и потребительскому обществу.

Потребительское общество ближе всего, как сказано, к государственному социализму, коллективизму. При государственном социализме общественное производство регулируется из одного центра, причем работа выполняется под руководством общественных властей, избираемых обществом. Рабочий при господстве коллективизма подчинен этим властям не менее, чем он подчинен при господстве наемного труда предпринимателю.

Напротив, производительная артель, не дополненная государственной организацией обмена (как в синдикальном социализме), приближается к идеалу анархического

социализма. Анархизм отрицает подчинение личности обществу и стремится к такому общественному строю, при котором каждый рабочий или каждая группа рабочих выполняла бы свою работу без всякой принудительной власти со стороны. Артель и является такой свободной производительной группой, ничем не связанной в своих действиях и не подчиняющейся общественному контролю.

Поэтому совершенно естественно, что артели вызывают принципиальное сочувствие всех, тяготеющих к анархическому идеалу (например, французских революционных синдикалистов, несомненно стоящих на почве анархического идеала). Но Маркс и марксисты никогда не тяготели к анархизму. Их социалистическим идеалом был коллективизм. Поэтому симпатии Маркса к артелям и антипатия к потребительским обществам основывались на недостаточном понимании внутренней природы кооперативов того и другого рода.

Напротив, симпатии рабочих классов к артелям вполне естественны и законны. Производительные артели привлекают рабочих потому, что артель при удаче дает возможность рабочему избавиться от работы по найму, стать хозяином. Именно наиболее энергичные, предприимчивые и даровитые рабочие должны тяготеть к артелям. Успевающая артель обещает рабочему превратить его в капиталиста. Это не может не привлекать тех из числа рабочих, кто обладает предпринимательскими склонностями и талантами.

Вот почему, несмотря на все неудачи самостоятельных рабочих предприятий, в виде ли артелей или в виде более совершенного типа, основанного на системе трудового коопартнершипа, предприятия эти не утрачивают своей притягательной силы для рабочих, несмотря на то что отношение к таким предприятиям со стороны социалистических вождей в настоящее время изменилось в неблагоприятном смысле.

Глава VI. Трудовые артели

Трудовые артели тем существенно отличаются от производительных, что в трудовых артелях рабочие не владеют изготовленным продуктом, а нередко и большей частью средств производства. Трудовые артели являются гораздо более простым типом предприятия, чем производительные. Последние представляют собой кооперацию и в сфере закупки средств производства, и в сфере труда, и в сфере продажи изготовленного продукта. В трудовых же артелях кооперация сосредоточивается преимущественно в сфере труда и только в небольшой части захватывает область закупки средств производства; что же касается области сбыта, то здесь мы имеем, при трудовой артели, сбыт не продукта, но несравненно менее сложную продажу самого труда.

Соответственно этому трудовые артели являются гораздо более жизнеспособными организациями, чем артели производительные. И это понятно, так как кооперативное начало в этих организациях сосредоточивается преимущественно в сфере труда, где рабочая артель обладает наибольшими преимуществами сравнительно с капиталистическим предприятием, а коммерческие функции, в которых артель всего слабее сравнительно с капиталистическими предприятиями, отпадают.

И мы, действительно, видим, что трудовые артели имеют довольно большое распространение, притом не только в странах, стоящих на низком уровне развития, как Россия, но и в странах высокой капиталистической культуры, как Италия, Франция, Новая Зеландия.

Что касается России, то в ней трудовые артели охватывают многие десятки, если не сотни тысяч рабочих.

Всем известным примером трудовой артели являются весьма распространенные у нас плотничьи артели. Выгоды сотрудничества в этом промысле очень велики, а орудия труда сравнительно дешевы. В то же время капиталистическая организация промысла наталкивается на раздробленность работы в деревне. В городе господствует капиталистическая организация строительного дела, но в деревне, при ничтожных размерах проектов и их разбросанности, капиталистическая организация строительного дела встречает известные трудности. Благодаря этому в деревне издавна распространены плотничьи артели, учет которых никто никогда не вел, но которые исчисляются тысячами.

Плотничьи артели обычно отличаются небольшими размерами: в них участвует 4-5, много — 10 рабочих. Как исключение встречаются артели и гораздо более крупные, например, доходящие до 75 человек. Артели каменщиков, также имеющие большое распространение, обычно имеют небольшие размеры.

Кроме строительного промысла, трудовая артель очень распространена в разнообразных землекопных промыслах, работах по проведению дорог, каналов, промыслах по рубке и

сплаву леса и пр. Точно так же мы знаем многочисленные артели по разгрузке и выгрузке разного рода товаров. Во всех этих случаях артельщики работают сообща, оказывая разного рода трудовые услуги или исполняя те или иные производительные операции по заказам других лиц, от которых артель нередко получает и важнейшие средства производства (так, например, строительные артели получают строительный материал от нанимателя). Поэтому трудовая артель, будучи кооперативом, является в то же время особой формой наемного труда. В Англии заработок таких артелей рассматривается как особая форма заработной платы — «кооперативная» заработная плата.

Кроме России, где трудовые артели являются старинным бытовым явлением, кооперативы этого рода получают за последнее время значительное развитие и в некоторых странах Запада, преимущественно в романских странах. Всего более замечательные трудовые артели Италии.

Трудовые артели Италии подробно описаны немецким автором Прейером в его книге «Die Arbeits- und Pachtgenossenschaften Italiens»⁵⁹ (1913 г.). Согласно его данным, в конце 1910 г. в Италии было 1017 таких артелей, причем в 754 артелях было 94 735 членов; большинство этих членов (55 387) принадлежали к артелям по выполнению различного рода общественных работ.

К числу городских артелей в Италии принадлежат артели строительных рабочих, портовых грузчиков и т.п. Однако особенно интересны артели для общественных работ. Первая из таких артелей образовалась в провинции Эмилия в 1883 г.; она возникла для выполнения обширных работ по мелиорации в так называемой Ager Romanum. Работы эти, порученные артели правительством, были исполнены ею так удачно, что правительство в скором времени создало особое законодательство о видах поощрения трудовых артелей.

Законодательство это допускает к выполнению общественных работ трудовые артели наряду с капиталистическими предпринимателями, причем, артелям предоставляются известные преимущества сравнительно с частными предпринимателями.

Закон указывает особые меры, которые должны быть принимаемы властями для того, чтобы частные предприятия с целью воспользоваться льготами, предоставляемыми артелям, не принимали фиктивно форм этих последних. С этой целью в каждой префектуре должны вестись для данного района особые регистры действительных трудовых артелей, удовлетворяющих требованиям, указываемым в законе. Идя навстречу обнаруживающемуся среди трудовых артелей стремлению соединиться в более крупные союзы, закон определенно разрешает такие объединения, получающие права юридических лиц и полную свободу в своей деятельности. Объединения этого рода не только не встречают в Италии подозрительного отношения со стороны власти, но всячески поощряются и поддерживаются.

Одной из целей итальянского законодательства о трудовых артелях является сохранение этими артелями их трудового характера. Контроль государственной власти за деятельностью этих артелей преследует те же цели — охранение их трудового характера, воспрепятствование развитию в их среде капиталистических элементов, но, однако, так,

чтобы артели сохраняли полную свободу своей деятельности и отнюдь не превращались в подчиненную инстанцию государственных учреждений.

Артели организованы обычно следующим образом. Лицо, желающее стать их членом, должно представить рекомендацию не менее двух членов. Во главе артели стоит правление, избираемое рабочими из своей среды, но рядом с правлением действует нередко и особый технический комитет из лиц с высшим образовательным уровнем (инженеров, юристов и пр.), не принадлежащих к артели. Необходимость в техническом комитете, члены которого состоят на жалованье артели и к ней не принадлежат, вызывается трудностью для рабочих справиться со стоящими перед ними задачами собственными силами.

Наличность такого технического комитета порывает со строго рабочей организацией артели, так как в состав ее вводится посторонний элемент — служащие в артели по найму. Это вызывает нередко недовольство ревнителей артельной чистоты, но экономическая необходимость привлекать к участию в операциях артелей лиц с лучшим образованием преобладает.

При исполнении работ члены артели получают обычную заработную плату. Избыток заработка артели сверх этой платы идет частью в запасный капитал, частью на образование особых фондов на поддержание рабочих в старости, частью же распределяется между членами артели как добавочное вознаграждение. Это добавочное вознаграждение обычно очень невелико и редко превышает 2 %.

Трудовые артели Италии, благодаря поддержке их со стороны государства, выросли в крупную экономическую силу и выполняют с большим успехом самые сложные работы, соединяясь для этой цели в огромные союзы. Так, например, в провинции Равенне союз трудовых артелей взял на себя работы по мелиорации бассейна Рено, причем общая стоимость этих работ выражалась внушительной цифрой в 10 млн. фр. В Реджо-Эмилии союз трудовых артелей взял на себя и удачно выполнил постройку ширококолейной железнодорожной линии Reggio — Ciano60. В Милане точно так же союзы трудовых артелей исполняют очень крупные строительные работы.

Из изложенного видно, что итальянские артели представляют собой нечто действительно весьма жизнеспособное. Артели с успехом конкурируют с частными предпринимателями, чем главным образом и объясняется благожелательное отношение к ним государственной власти. Конечно, далеко не все артели выживают. Но все же статистические данные доказывают, что погибает меньшинство артелей.

За двадцать лет артели выполнили общественных работ на огромную сумму в 70 млн. лир. Во многих районах Италии трудовые артели почти вытеснили капиталистических предпринимателей при выполнении общественных работ. Министерство общественных работ вполне удовлетворено работами, выполняемыми артелями, и неоднократно это высказывало в официальных документах. Особенно удаются артелям земляные работы и мелиоративные. Правда, вначале артели выполняли работы с некоторым замедлением благодаря недостаточно хорошей организации работ, но впоследствии и в этом отношении стали перегонять частных предпринимателей. Особым преимуществом работ, выполняемых

артелями, министерство признает их лучшее качество сравнительно с работами, выполняемыми частными подрядчиками, а также и то, что с артелями возникает меньше споров и пререканий.

О ходе развития в Италии трудовых артелей дают представление нижеследующие цифры:

Год	Число артелей	Количество выполняемых работ	Ценность работ (млн. лир)
1889	2	26	0,4
1890	88	157	3,7
1891	225	134	2,9
1892	272	106	1,8
1893	346	177	2,6
1894	380	215	2,0
1895	408	159	2,1
1896	350	200	2,0
1897	303	125	1,8
1898	271	140	2,8
1899	165	146	3,2
1900	193	104	2,2
1901	201	136	2,8
1902	201	120	1,6
1903	285	159	4,4
1904	341	180	4,8
1905	353	187	4,2
1906	394	215	4,9
1907	421	274	6,6
1908	492	212	7,3
1909	547	199	6,9

Отсюда видно, что хотя с большими колебаниями, но все же довольно быстро растет как число артелей по выполнению общественных работ, так и ценность выполняемых ими работ. Очевидно, итальянские трудовые артели стоят вполне прочно и мало-помалу вытесняют из охватываемой ими сферы общественного хозяйства частнохозяйственное предпринимательство.

Однако не нужно забывать, что эти успехи основываются в значительной степени на покровительстве трудовым артелям со стороны государственной власти, которая идет ради этого даже на известные жертвы: дело в том, что государству работы, выполняемые трудовыми артелями, обходятся несколько дороже, чем выполняемые частными предпринимателями.

Для массы рабочих трудовые артели имеют довольно большое значение: они оказывают значительное влияние на общие условия труда в соответствующих промыслах и повышают заработок даже тех рабочих, которые непосредственного участия в артелях не принимают. Артели избавляют от безработицы рабочих, которым не хватает работы в частных предприятиях: они образуют собой естественное дополнение рабочих союзов и выполняют самую важную функцию этих последних — пособие безработным. Можно думать, что в непосредственной связи с развитием этих артелей находится замечаемое за последнее время в тех итальянских провинциях, где эти артели распространены, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Эта тесная связь итальянских трудовых артелей с рабочими союзами не должна упускаться из виду. Как и арендные артели земледельческих рабочих, трудовые артели лишь отчасти являются хозяйственными предприятиями; отчасти же, а может быть и в большей части, они являются вспомогательными организациями при рабочих союзах и преследуют цели этих последних.

Во всяком случае, трудовые артели гораздо более способны к самостоятельному развитию, чем производительные артели. И это понятно: трудовые артели не продают продуктов, в гораздо меньшей степени нуждаются в капитале и не имеют такого замкнутого характера, как производительные артели. Объединяя группы рабочих, выполняющих за известную плату определенные работы в пользу другого лица, артели эти легко сливаются в более обширные союзы. Трудовые артели не отрицают принципа наемного труда, ибо сами они слагаются из наемных рабочих.

Подводя итог сказанному, мы должны признать трудовые артели вполне жизнеспособным видом кооперации, который может еще много дать в будущем. Но для успеха их существенно важно, чтобы они не боялись прибегать к использованию труда наемного персонала: мы видели, что итальянские артели, состоя из рабочих, оплачивают из своих средств труд более квалифицированного служащего персонала — инженеров, механиков, юристов, других лиц высшего образовательного уровня. Этим нарушается артельный принцип, и артель приближается к кооперативам обычного типа, пользующихся наемным трудом. Но от этого артель становится только сильнее.

Глава VII. Международное объединение пролетарской кооперации

Инициаторами Международного кооперативного союза явилась группа английских кооператоров с Ванзитгаром Нилом и Генрихом Вольфом⁶¹ во главе, которые при этом преследовали свои особые цели, связанные с борьбой двух течений в английском кооперативном движении. Как указано выше, лица эти стояли во главе того течения, которое искало решения социального вопроса в участии рабочих в прибылях предприятия и возлагало большие надежды на производственные ассоциации. Участие рабочих в прибылях наряду с производительными ассоциациями должно, по мнению этих лиц, примирить интересы труда и капитала, а значит, и уничтожить основной социальный антагонизм нашего времени.

Значительное большинство английских кооператоров враждебно этой точке зрения. Ввиду этого Нил и Вольф задумали опереться в своей борьбе за принципы коопартнершипа на иностранных кооператоров, которые, по их расчетам, были более склонны к этому принципу, чем англичане.

Таким образом, возникла международная организация кооперативов. Первый международный кооперативный конгресс, состоявшийся в Лондоне в 1895 г., прошел под преобладающим влиянием сторонников коопартнершипа. Точно так же и на последующих конгрессах первоначально преобладало то же течение. Но по мере роста Международного союза и все более и более энергичного участия в нем пролетарских потребительских обществ положение стало изменяться. На Манчестерском международном конгрессе 1902 г., в центре английской кооперации, сторонники коопартнершипа потерпели решительное поражение: их проект создать особую секцию участия рабочих в прибылях не встретил никакой поддержки, и таким образом тот принцип, во имя которого возник Международный кооперативный союз, был отвергнут им же самим.

Решающее значение в дальнейшей эволюции союза имел Будапештский международный конгресс 1904 г. На этом конгрессе столкнулись очень резко три основных течения, разделяющие современную кооперацию, — крестьянское, мелкобуржуазное и пролетарское. Борьба разыгралась вокруг вопроса о задачах потребительских обществ. Секретарь союза швейцарских потребительских обществ Ганс Мюллер прочел доклад о потребительских обществах, в котором доказывал, что потребительские общества должны стремиться к уничтожению капиталистической торговли и замене капиталистической системы хозяйства кооперацией. Доклад заканчивался следующими словами: «Кооперативное движение есть

освободительное движение в экономической и социальной области, стремящееся к новому порядку хозяйственной и общественной жизни... И потому, кто действительно желает содействовать развитию кооперации, тот никогда не должен забывать, что дело идет об уничтожении существующих отношений зависимости, а не о создании новых».

Эти последние слова были направлены против венгерских аграриев, достигших очень влиятельного положения в венгерской сельской кооперации и подчинивших ее себе в некоторых отношениях.

Венгерские магнаты, в большом числе принимавшие участие в конгрессе, не сочли нужным протестовать против реферата Мюллера, но это исполнили представители германской кооперации: Крюгер — от имени руководимого им союза кооперативов, верных идеям Шульце-Делича, и Клингембиль — от имени райффайзеновских кооперативов. «От имени представляемого мною союза, — сказал Крюгер, — я должен заявить, что принадлежащие к нему потребительские общества не разделяют взглядов Мюллера... Потребительское общество, с нашей точки зрения, не есть средство преобразования и изменения современного хозяйственного строя, но для нас потребительское общество есть законный член существующего строя. Современное кооперативное движение уже имеет столько врагов, что нет нужды увеличивать их число, предаваясь таким утопиям, которые вытекают из указанного хода мыслей».

В своей речи Крюгер старался доказать, что в торговом посреднике не нужно видеть врага кооперации.

Очень решительно высказался против Мюллера также и представитель райффайзеновских кооперативов Клингембиль. «В то время как мы всячески содействуем, — сказал он, — тем обществам, которые стараются доставить земледельцу средства производства, в которых нуждается его хозяйство, мы не оказываем помощи потребительским обществам в собственном смысле слова. У нас, в Германии, имеется класс мелкой промышленности и торговли, в состав которого входит множество независимых хозяев, и он в своей совокупности, конечно, не эксплуатирует общества. Ввиду особой важности поддержания этого класса мы избегаем делать последние выводы из идеи ассоциации, чтобы не подвергать опасности существование этого класса или хотя бы причинить ему вред, поскольку это не требуется необходимостью. Действуя так, мы остаемся верны чистому райффайзеновскому духу, ибо мы положили в основу практической деятельности нашей организации чувство общечеловечности в смысле христианской любви к ближнему».

Огромное большинство ораторов высказалось в пользу Мюллера, и победу одержали сторонники кооперативного социализма, как определил враждебную ему точку зрения Крюгер. Конгресс раскололся на две группы: с одной стороны, крюгеровский и райффайзеновский союзы, а также австрийский союз товариществ в духе Шульце-Делича, с другой — все остальные участники конгресса.

В результате Крюгер вместе с руководимым им союзом вышел из союза; так же поступил и глава австрийского союза Врабец. Германский имперский союз сельскохозяйственных товариществ, равно как и австрийский того же рода, отказались примкнуть к

Международному кооперативному союзу, и в скором времени возник особый международный союз сельскохозяйственных кооперативов.

«С внешней стороны, — замечает по этому поводу Мюллер, — этот раскол ослаблял международную организацию кооперации; на самом же деле выступившее наружу разногласие было выгодно для союза». Действительно, нельзя объединить в одной организации того, что по самой своей природе различно и преследует совершенно различные общественные цели.

Раскол этот, показавший, что в пределах союза одержали окончательную победу представители кооперативного социализма, вызвал изменения и в составе правления союза. Президент его и один из основателей Генрих Вольф, горячий сторонник идеи примирения классов посредством участия рабочих в прибылях, должен был уйти, и место его занял Максвелл, глава Шотландского общества оптовых продаж, а секретарем союза стал Ганс Мюллер, реферат которого вызвал раскол в среде союза.

История Международного кооперативного союза поучительна во многих отношениях. Прежде всего союз силой вещей получил совершенно иной характер, чем хотели его основатели. «Они хотели воздвигнуть здание союза на производительных ассоциациях, и поскольку они придавали значение потребительским обществам, то лишь как покупателям продуктов производительных ассоциаций. Но жизнь создала иное. Отброшенный угол стал основанием всего здания» (Мюллер).

Затем, крайне характерно, что союз отнюдь не содействовал объединению различных видов кооперации, но, наоборот, углубил пропасть между ними. И это, несомненно, содействовало выяснению действительного положения вещей. Несоединимого по самой своей природе искусственными мерами соединить нельзя. «Ни в одной стране, — говорит Мюллер, — не могли возникнуть союзные организации, охватывающие все отрасли и ветви кооперативного движения. Единство кооперативного движения, к которому стремились его теоретики и практические деятели пять — десять лет тому назад, уже давно разрушено фактическим ходом развития». Международный кооперативный союз, задуманный как объединительный центр всех видов кооперации, превратился в объединительный центр только одного вида кооперативов — пролетарских потребительских обществ.